

Annotation

В этой книге писатель Э. Брагинский, автор многих комедийных повестей и сценариев («Берегись автомобиля», «Зигзаг удачи» и др.), передает свои впечатления от поездки по Индии. В живой, доступной форме он рассказывает о различных сторонах ее жизни, культуре, быте.

- [Эмиль Брагинский](#)
 - [Извинение вместо предисловия](#)
 - [Дорога](#)
 - [Девять Дели](#)
 - [Падающая башня](#)
 - [Театральные переживания](#)
 - [Про Тадж-Махал](#)
 - [Два мертвых города](#)
 - [Пользуйтесь услугами «Индиэн Эрлайнс»!](#)
 - [На берегу океана](#)
 - [Королевский перстень](#)
 - [Невозможно — циклон!](#)
 - [Интермедия со змеями...](#)
 - [Нисхождение Ганги](#)
 - [Ода поезду!](#)
 - [Едем в Кочин, а приезжаем в Эрнакулам](#)
 - [Принес ли пользу Васко да Гама?](#)
 - [Путешествие в сказку](#)
 - [Бомбей — город без электричества](#)
 - [Дом на Лабурнум-Роуд](#)
 - [Остров Элефанта](#)
 - [Глава, которая не имеет конца](#)
 -
 -
 -

- -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Эмиль Брагинский
Солнце в декабре

Извинение вместо предисловия

Автору этой книжки повезло — он побывал в Индии. Во время путешествия он вел дневник, из которого и возникла книжка. Это не изыскания искусствоведа, не анализ социолога, не рассуждения историка, не политический комментарий международного обозревателя. Это всего-навсего путевые заметки писателя. Если его где-то заносит в сторону и он начинает писать о том, что не имеет прямого отношения к данному путешествию, он приносит глубокие извинения. При чтении можно исправить его ошибку и эти места пропустить.

Путешествовало трое — руководитель писательской делегации, переводчица и автор. Природная скромность руководителя и переводчицы заставила их обратиться к автору с просьбой не называть их по имени и фамилии. Поэтому в заметках они фигурируют как Руководитель и Переводчица.

У автора есть мечта еще раз побывать в Индии. Наверно, это мечта каждого, кто хоть раз посетил эту страну.

Дорога

Путешествовать любят все, и это естественно. Приятно бродить по неведомым странам, смотреть на то, что никогда не видал, есть то, чего никогда не пробовал, и жаловаться попутчикам, что соскучился по рабочему столу.

Начинается путешествие задолго до дня отъезда. В тот самый миг, когда возникает надежда увидеть далекий край, вы, еще не веря в возможность поездки, уже ощущаете в душе смутное беспокойство. С каждым днем беспокойство растет, и вам откровенно становится не по себе. Такое недомогание часто бывает перед серьезной болезнью, и врачи называют его продромом.

Симптомы данного явления легко установить. В газетах прочитывается все, что имеет отношение к той стране, куда предполагается поехать. В разговорах со знакомыми появляется стандартная фраза: у меня тут намечается... в общем, об этом еще рано говорить... сглазить можно... но только тебе одному и, пожалуйста, никому не передавай... я... вроде бы... в Индию.

Время бежит. Проходит месяц, другой. Надежды тают. Родственники и знакомые спрашивают в добродушно-шутливой форме: «Ну, как там твоя Индия?» или: «Как твой Тадж-Махал? Не снесли его?..»

Но вот совершенно неожиданно делегация или туристская группа оказывается сформированной, а день отъезда твердо обозначенным.

Вы теряете покой и приходите в лихорадочное состояние. На работу вы все-таки ходите, но работать не можете. Жене по хозяйству не помогаете. Воспитанием детей не занимаетесь. Ко всем — к сослуживцам, родственникам, приятельницам жены —

пристаете с бестактными вопросами: какой костюм взять в поездку, какие купить сувениры?

Ни сослуживцы, ни родственники, ни приятельницы жены никуда не едут, разве на дачу или в гости. Все заняты повседневными делами и поэтому вежливо отвечают: «Не суетитесь!» или: «Вчера вот самолет разбился. Читали в „Известиях“?»

А вы носитесь по магазинам, скупаете деревянные игрушки, дымковские статуэтки, марки на космическую тему и, разумеется, водку в таком количестве, словно собираетесь намертво спить каждого, кто встретится на вашем заграничном пути. Одним словом, расходы растут.

В магазине «Тысяча мелочей» вы покупаете напольные весы. Взвешиваете на них уложенный чемодан и ручной баул, потому что «Аэрофлот» ручную кладь тоже взвешивает, и убеждаетесь — боже мой, перевалило за двадцать положенных килограммов.

Вам приходится вынуть из баула лишние бутылки. Они пригодятся в намеченный для отъезда день, чтобы выпить. Но не на прощанье, а с горя. Потому что в этот

день, но ни в коем случае не раньше, выяснится — поездка отложена на неопределенный срок!

Это традиция. Хорошая традиция. Устоявшаяся. В другие страны никто и никогда не выезжает в назначенный срок.

А откладывается поездка до той поры, пока вы окончательно не потеряете надежду куда-либо и когда-либо поехать. Чемодан будет распакован, сувениры розданы детям, собственным и чужим, водка уничтожена в хорошей компании — всегда найдутся охотники выпить и пожалеть при этом хозяина: бедняга, лучше уж никуда не ехать, чем так вот собраться — и на тебе...

Зато потом в самый неподходящий момент (ну, допустим, вы договорились поехать семьей во Владимир и Суздаль) позвонит телефон и вежливый голос скажет:

— Добрый день, товарищ! Завтра вы выезжаете!

Я хотел написать — сегодня вы выезжаете! Но это было бы все-таки преувеличением.

Начинается паника. Надо опять купить сувениры, надо выгладить костюм, надо постричься, надо уложить чемодан, надо его взвесить, надо получить заграничный паспорт, надо получить валюту, еще много чего надо, но времени нет!

И все-таки все успевают собраться, уладить дела и вовремя приехать на аэродром. Настроение отличное. Ничем не омраченное. И только в самую последнюю секунду вы с ужасом обнаруживаете, что позабыли дома электрическую бритву или что-нибудь другое, остро необходимое. Обычно в этот момент самолет вырывается на старт.

Я — исключение. Я ничего не забыл. Потому, что укладывал чемодан не я, а моя жена. Укладывала по списку, который составляла заранее. Список этот в течение нескольких подготовительных месяцев

несколько разросся, но я был экипирован как надо. И только в тропиках выяснилось, что невозможно даже зимой носить летние нейлоновые рубашки. Они прилипают к телу и отделяются вместе с кожей. А простых рубашек мне не положили.

Мы вылетели в Индию прекрасным самолетом «ИЛ-62». Мы — это Руководитель писательской делегации и я. Мы задержались с вылетом всего на две недели, по международным масштабам, можно сказать, вылетели раньше времени. Эти две недели Переводчица ждала нас в Дели. На что она питалась, неизвестно, потому что деньги на ее пропитание везли мы.

Нам заранее сделали прививки. Против черной оспы и против холеры. Против холеры делают две прививки, и поэтому болеешь холерой два раза, правда в легкой форме. Нам надавали полезных советов, главным образом гигиенических: не пить сырой воды, не есть невымытых фруктов и мыть руки перед едой. Мы готовились и прочли уйму книг. Мы читали Рабиндраната Тагора, и Према Чанда, и Кришана Чандра, и Калидасу, и справочную литературу. Мы зубрили трудные индийские названия, изучали карту и смотрели индийские фильмы. Нам казалось, что мы кое-что узнали. Позже обнаружилось, что мы не знаем ничего.

Разница во времени между Москвой и Дели — два с половиной часа. Когда летишь в Индию, эти два с половиной часа как бы одалживают и возвращают обратно при полете домой.

Мы умчались из Москвы в половине первого ночи. Я перевел стрелку на два с половиной часа вперед и стал ожидать черной икры. Я не знаю, как это назвать — ужин или первый завтрак, — но икра была. Если хотите поестъ зернистой икры отменного качества, поднимайтесь на самолете компании «Аэрофлот» на

высоту 8 или 9 тысяч метров. Вам подадут. Маленькая, но существенная подробность — самолет должен выполнять полет по международной линии.

После ужина или завтрака я завернулся в одеяло и заснул. И благополучно проспал феерическое зрелище — восход в Гималаях! Не видел ни восхода, ни Гималаев, но опишу их: так поступают многие авторы. Где-то внизу, казалось совсем близко, лежали горы, похожие на макет Гималаев из географического музея. Горы были видны хорошо, альпинистов видно не было, хотя, как известно, они все время штурмуют упомянутые Гималаи. Вдруг горизонт окрасился в желтый цвет, потом в оранжевый, потом в алый. С левой стороны (мы летели на юг, а солнце восходит с востока) появился огненный полукруг, разросся в шар, и алые отблески легли на вершины гор...

Я проснулся, когда второй раз кормили икрой. Это явно уже был завтрак.

Мы подлетели к Дели и благополучно приземлились через шесть с половиной часов после того, как в снежную метель покинули Москву.

В Дели оказалось неожиданно прохладно. Градусов тринадцать-четырнадцать. Было 28 ноября.

Нас встречали представители министерства образования и наша Переводчица, не погибшая от голода. На таможне лениво взглянули на багаж. В отличие от Москвы здесь никто не потребовал сертификата о прививках. Сикх в белом тюрбане что-то спросил у меня по-английски. Я никогда не учил этот язык, но говорю по-английски. Правда, с этим не все согласны. С сикхом я не столкнулся — наверное, у него было неправильное произношение.

Вскоре мы покинули аэродром и пошли гулять по Индии. Итак, не счесть алмазов в каменных пещерах...

Девять Дели

По официальному справочнику, в городе Дели — три миллиона жителей. По официальному справочнику, сегодняшней Дели — это уже восьмой город, построенный на месте городов, которые разрушали завоеватели, разные по национальности, но одинаковые в стремлении уничтожать. Большинство завоевателей приходило в Индию с севера, и Дели раньше других городов попадался им на пути. Его разрушали, он снова отстраивался.

...Шофер сел за руль, который находился справа — движение в Индии левостороннее, — и мы покатали от аэродрома Палам по направлению к центру. Мелькнул новый район вроде наших Черемушек — одинаковые стандартные дома. Мелькнули бензоколонки «Эссо» и рядом уже национальная «Индиан ойл». Один за другим пошли роскошные особняки посольств. Среди них и китайское. На крыше на трех языках — хинди, китайском и английском — плакаты с оригинальным текстом: «Долгие годы жизни председателю Мао!».

Вдоль улиц, отбрасывая широкую тень, стояли деревья. Молодые деревца росли внутри железных оградок — защита от коров.

Мы въехали в Новый Дели. Правительственные здания. Особняки в колониальном стиле. Современные коттеджи. Модерн-здания банков и дорогих отелей. Новый Дели, Нью-Дели, построен при англичанах в нашем веке.

Перекрестки оказались шестиугольными: площадь — и от нее не по четыре, как у нас, а по шесть лучей. Это неплохо придумано. Водитель, подъезжая к площади, вынужден снизить скорость. Ему ведь придется ехать по кругу, чтобы затем повернуть на

нужную улицу. Для напоминания водителям много дорожных плакатов: «Осторожней!», «Не превышайте скорость!» и т. д. В Дели это особенно важно: большинство водителей не умеет читать...

Миновали торговый центр, знаменитый Коннаут-Плейс. Бесконечные двухэтажные ряды магазинов и колонны внизу, как в ленинградском Гостином дворе. Проехали тибетский базар. Я успел заметить: под навесом на циновках разложены брошки, сережки, всякая ювелирная всячина.

В неожиданной тишине по спокойной дороге прибыли в отель «Джан-патх», по-русски «Народный путь». Вполне современное многоэтажное здание с лужайкой перед входом, с такой же лужайкой во внутреннем дворе. На первом этаже фешенебельные магазины. Бар. Ресторан.

В ресторане официанты в высоких марлевых тюрбанах принесли завтрак: овсяная каша, яичница и кофе, не бог весть какой! Боже мой, стоило ехать в Индию, чтобы есть на завтрак овсянку. Впрочем, овсянку можно было заменить на корнфлекс.

После завтрака я пошел отдохнуть. По номеру разгуливала ворона, самая обыкновенная ворона из Подмосковья. Правда, в отличие от северной родственницы еще более нахальная и, как мне показалось, более черная. Скосила на меня круглый глаз, нисколько не испугалась. Ухитрилась зацепить клювом спичечный коробок и вылетела с ним в окно. Зачем вороне спички? Неужели теперь и птицы втихаря покуривают? Я выглянул: орава ворон и коршунов искала пропитание — на улице, на свалке, в номерах гостиницы. В Индии птицам живется хорошо. Никому не придет в голову кинуть в них камнем или выстрелить из рогатки, вот они и распоясались. Воруют по номерам. Явное следствие доброты, которая, как каждое положительное качество, имеет обратную сторону.

Сегодня вороны тащат спички, завтра примутся за чемоданы...

...Мы завтракали в половине двенадцатого. Это из-за того, что поздно прилетели. А в час нас уже пригласили спуститься к ленчу. Те, у кого есть деньги, обедают дважды: от часу до двух — это называется ленч — и в восемь вечера — это называется обед.

— Индийскую кухню или европейскую?

— Индийскую! — ответил я не подумав. Это был первый из опрометчивых поступков, который я совершил в Индии, первый, но далеко не последний.

Индийская еда делается легко. Ее можно готовить не только в Дели или Бомбее, но и в Москве, Харькове или Свердловске — где угодно, было бы желание. Надо взять горсть риса, отварить, потом пожарить или потушить немножко мяса, добавить туда по вкусу двадцать пять пряностей: шафрана, корицы, гвоздики, тамаринда, горчицы, имбиря, мускатного ореха, чеснока, лука, тмина, мака — словом, всего, что подвернется под руку. Теперь, значит, имеется вареный рис, жареное или тушеное мясо и соус из ароматных приправ. Но отсутствует самое главное — перец. Для ленча на двух персон в соус, в рис и в мясо надо положить один килограмм перца. Если перец не очень острый, надо положить полтора кило. Подавать это к столу в таком горячем виде, чтобы при первом

прикосновении получался ожог третьей степени. Да, на стол отдельно надо поставить перец, чтобы добавлять по вкусу. Если у вас есть в Индии знакомые, пусть пришлют маленький зеленый перец. Он убивает наповал.

Приготовленный по такому рецепту соус к рису называется «карри». Плов с курицей (сто граммов риса, сто граммов курицы, полкило приправ и килограмм перца) называется «чикен бирияни». Многие индийцы не едят мяса. Но и вегетарианская еда делается по тому же перечному принципу.

Все это дьявольски вкусно, но новобранцу надо после еды оказывать медицинскую помощь. Есть еще еда, великая, называется «тандури-чикен». Это цыпленок, в перце конечно, его запекают в земляных печах при высокой температуре.

Закончив ленч, я побежал в номер и выпил из водопровода всю воду, хотя в Москве дал клятвенное обещание не пить сырой воды. Но я еще не знал про карри...

А потом мы поехали в город. Просто так, без конкретной цели. Город будто подменили. Он зашумел. Загрохотал. Улицы заполнились людьми, а мостовые — черными такси с желтыми крышами, «викториями» — извозчиками с крытой пролеткой, велорикшами — рикшами второй половины века, уже не бегущими босыми по улицам, а едущими по ним на велосипеде, к которому сзади на третьем колесе прицеплена коляска, и, наконец, чисто местным изобретением — «скуттером». Скуттер — это мотоцикл с прицепом. Прицеп в виде домика под холстиной, рваной или целой. Удивительное трясущееся сооружение, которое почему-то не рассыпается на ходу.

Херлуф Бидstrup, известный датский художник, сказал о Дании, что это страна, густо населенная велосипедистами. Наверно, он не был в Дели.

Велосипед здесь не только признак известного благосостояния, не только роскошь, но и средство передвижения. Расстояния огромны. Автобусов мало. В автобусах давка. Такси, велорикши — за все это надо платить. Велосипед тоже стоит порядочно, но зато уж потом едешь себе бесплатно, выписывая по мостовым затейливые кренделя, везя жену на багажнике, а детей на руле. Любой делийский велосипедист мог бы подписать контракт с нашим цирком. Номер проходил бы с успехом...

Несколько минут — и мы оказались в Старом Дели.

Тут уже нет ни тенистых садов, ни особняков, ни просторных улиц. Тут путаница узких переулков, бесконечный базар, двухэтажные и трехэтажные дома, которые толкают соседние и держатся друг за друга, чтобы не упасть. Из домов со вторых этажей выпирают балконы, свешиваются над улочками. Везде рекламы. И, судя по ним, здесь не магазины, а дворцы: «Дворец игрушек» — на маленькой лавке, «Дворец тканей» — на лавке еще меньше. А вот почему-то реклама по-русски:

«Обувной магазин Суриндра» и «Кабульский магазин»; в скобках добавлено: «шелк». Здесь зазывают, хватают за руку. Магазины нараспашку, у входа в тесную лавочку вывален весь товар. Покупателей я не видал буквально ни одного. Однако продавцы все равно суетились, разглаживали добро, перебирали — словом, состояли при деле.

Торгуют не только в лавчонках, но и просто у стен. Продают старое тряпье, фрукты, какие-то железки, ножички... На тележках развозят жареные орехи. А вот рыбные ряды. Даже акулу можно купить. И морского рака-лобстера. Неподалеку ряды с фруктами. Самые дешевые из них — бананы... И очередь у продовольственного магазина — это за сахаром. С сахаром плохо, он выдается по карточкам.

В одном из оживленных мест я допустил очередной промах. Вылез с фотоаппаратом и стал снимать великое столпотворение людей, лавок, велосипедов, велорикш и животных — собак и священных коров. Снимал я продавца бананов, к которому пристала такая корова с явным намерением съесть его «бизнес». Ударить корову нельзя, слова на нее не действуют, и парень потихоньку плещет на нее водой. Но корова этого не замечает. Снять мне ничего не удалось: я очутился в плотной толпе нищих. Один из них кричал мне: «Хай ар ю?», т. е. «Как поживаете?» Может быть, он и не знает, что это значит, но это его заработок — кричать иностранцам «хай ар ю» и получать монетку.

Второй раз мы поехали в Старый Дели ночью. Повез нас доктор Тарасов, он работает главным врачом педиатрического госпиталя. Тарасов в Дели четвертый год, можно сказать, старожил, он идеальный спутник, потому что искрится юмором, знает тысячу веселых историй, две тысячи анекдотов и никогда не теряет присутствия духа. Он ездит на дряхлом «Москвиче», у которого в отличие от хозяина вздорный, старческий

характер. Иногда он заводится, а иногда не хочет и не заводится. И тогда доктор его уговаривает: «Ну, пожалуйста!», «Будь человеком!».

Ночью над Старым Дели висит сизый смок — густой, едкий дым. Он въедается в горло, добирается до легких. Он поднимается еще вечером от костров, от чадящих казанков. На них готовят пряную, острую пищу, и многие из них топятя до глубокой ночи. Воздух, одежда, все, что ты ешь или пьешь, пропитано запахом, в котором перемешались тысячи запахов и, конечно же, перца и растительного масла.

Ночью в Старом Дели не умолкает шум. Грохочут повозки. Кричат разносчики и будут кричать до утра. С грузовиков, на которых написано «Паблик карьер» (индийские междугородные перевозки), сбрасывают на асфальт тяжелые ящики. Это могут быть ящики с фруктами. С рисом. А иногда в ящиках, на которых написано «фрукты», вовсе бутылки виски. Такие ящики легко отличить по тому, как их осторожно сгружают. Дело в том, что в столице Индии дважды в неделю — кажется, по вторникам и субботам — сухой закон. В эти два дня ни в одном заведении нельзя получить ни грамма спиртного. Казалось бы, легко перетерпеть и завтра принять двойную дозу, но запретный плод всегда сладок и хочется выпить в запрещенный день.

Именно в эти дни можно хорошо заработать. И вот по вторникам или субботам ночью из соседнего штата, где сухой закон не введен, мчатся грузовики с контрабандным грузом. Идут на хорошей скорости, не останавливаясь, когда полиция хочет проверить, что везут в кузове. Бывает, завязывается перестрелка...

Ночью в Старом Дели можно позавтракать; если не ел целый день — пообедать, поужинать. Только нет никаких ночных баров с девицами. В Дели нет ночной жизни, о которой мечтают иные западные туристы.

Ночью в Старом Дели можно купить «пан». На краю тротуара сидит мужчина и месит в тазу пахучую глину или замазку, что-то из извести и орехов арековой пальмы. Кусочки липкого теста он заворачивает в зеленые листья бетеля. Начинка бывает с табаком или без него. Ее закладывают за щеку и сосут, сплевывая красную слюну. Мы тоже сосали «пан». Ничего, довольно вкусно. Уже в Москве в авторитетном журнале я прочитал, что листья бетеля вызывают рак слизистой. Попробовал языком нёбо. Да, начинается...

Ночью в Старом Дели можно увидеть бродячих коров, которые жуют старые газеты. На некоторых коровах подобие ошейника, на некоторых колокольчик. Это означает, что у них есть хозяин, но это не означает, что он их кормит.

Ночью в Старом Дели можно увидеть добрую сотню голодных собак, которые живы только потому, что не хотят умирать. Одну такую собаку доктор Тарасов подобрал года три назад. В докторском доме пес отъелся и из ходячего скелета превратился в красавца с налитым боксерским телом и гладкой серой шерстью, отливающей в голубизну. Но иногда Колька, так зовут счастливца, слышит зов предков. Он исчезает из цивилизации дня на три, не меньше. Потом возвращается ободранный, грязный, голодный переносчик инфекции. Стоически выдерживает горячую

ванну и погружается в дрему сладкой жизни. А в стае голодных псов бегают, наверно, Колькины дети...

Ночью в Старом Дели спят на улицах тысячи людей. По возможности устраиваются на асфальте. Ведь асфальт сохраняет тепло, а зимними ночами здесь достаточно холодно. Спят, завернувшись с головой в простыню. Спят, накрывшись ватным одеялом, если есть одеяло. Спят на циновке, если есть циновка. Спят на надувных матрацах — двадцатый век! Спят ни во что не завернувшись, сбившись в комок — нет ничего у человека! Спят на раскладушках возле дверей в запертую лавку. Это приказчики. В крохотной лавке места не хватает. В ней расположился хозяин со своей многочисленной семьей. И хоть у него лавка, он ненамного богаче приказчика.

Кто-то спит, завернувшись в бумажную рекламу кинофильма. А над ним, как нарочно, вывеска «Стар», что значит «звезда». На сей раз это была реклама зубного порошка. А рядом спит другой, спрятав голову в фанерный ящик.

Тысячи людей спали и спят на асфальте путаных улиц и закоулков. Некоторые сумели устроиться на Старом вокзале. Сегодня им удалось, хорошо, крыша над головой, но завтра может не повезти — места здесь нумерованные...

Мы пошли на Старый вокзал...

Здесь между уснувшими с криком бродили разносчики кофе и булочек, мальчишки лет десяти или двенадцати. Тот, у кого оказывалась монета, просыпался, открывал глаза, выпивал горячего кофе и засыпал вновь. Спали здесь не только бездомные, но и те, кто имеет в деревне дом, приехал в Дели на заработки и теперь экономит на железнодорожном билете с трудом добытые несколько рупий.

Спали здесь целыми семьями — с детьми, с дедушками и бабушками. На улицах возле вокзала на

казанках готовили еду, если было что готовить, и громко вызывали своих поужинать.

Закутавшись в зеленую тряпку, спал на ветхой коляске измученный велорикша. Тревожно спал, чтобы проснуться по первому зову. Вдруг повезет, и ночью найдется клиент... Возле рикши дремал в машине проклятый конкурент — водитель такси.

Сотни людей устроились на ночь на Старом вокзале, а над ними кричали рекламы туристских фирм — призывали увидеть Тадж-Махал и Бенарес, приглашали совершить заграничное путешествие, поглядеть экзотические европейские страны. В Дели нет экзотики.

С рассветом поедут по Старому Дели специальные машины и подберут тех, кто уже никогда не поднимется с тротуара. На этой машине ездят, конечно, неприкасаемые. Они не жалуются. У них постоянная работа. Потому что зимой люди на улицах умирают от холода. А летом, когда холода нет, умирают от болезней или оттого, что срок пришел.

Тысячи людей живут на улицах. Ни разу в жизни ни они, ни их родители, ни родители их родителей не знали, что такое свой дом...

Тот, кто видел ночной Старый Дели, никогда его не забудет. Но с 1947 года, со дня независимости, прошло немногим более двадцати лет. Можно ли за два десятилетия Поднять до нормального уровень жизни в стране, которую много столетий подряд грабили завоеватели? «Мы были бы счастливым народом, если бы не двести лет под властью англичан», — говорил в Мадрасе писатель С. Д. Сундарам.

После Старого Дели мы по-иному стали смотреть на новые кварталы, построенные в последние годы. Пусть эти белые дома не блещут интересной архитектурой, пусть из белых они быстро становятся серыми, пусть они простоваты. Но их множество таких кварталов. И это квартиры. И это работа. Работа для тех, кто строит

дома. Строит быстро, хорошо, но безо всякой техники. Как много веков назад, женщины носят на голове тазы с цементом. И кирпичи подносят вручную за полторы-две рупии в день. Пачка сигарет стоит рупию. Но строительные рабочие сигарет не курят, а курят «биди» — тоненькие цигарки. На полторы-две рупии шикарно не заживешь, да и прилично тоже. Но можно продержаться...

Новые кварталы принципиально отличаются от официального Нью-Дели. Торжественно открытый в январе 1931 года, он ничего не изменил в жизни обитателей города. В самом Нью-Дели поселилось ничтожно мало людей, очень дорого здесь. И любопытно, что в городе, где проблема жилья остра необычайно, в той части его, которая называется Нью-Дели, самая низкая плотность населения из всех столиц мира.

Мы захотели поехать в недавно отстроенные кварталы. И нам помогла в этом редактор газеты «Патриот», женщина легендарная, лауреат Международной Ленинской премии Мира Аруна Асафали, одна из героинь национально-освободительного движения. Она познакомила нас с пожилым сикхом, который смущался, не знал, куда девать руки, и непрерывно улыбался. Это был старый почтальон Лабх Сингх, к нему мы поехали в гости. Перед тем как мы сели в машину, он вдруг куда-то исчез и вскоре вернулся с двумя пакетиками — купил угощение. Он сидел рядом с водителем, торжественный в своем белом тюрбане, очень важный, потому что именно к нему едут гости из России. Для сикха принять гостя — праздник!

Сикхи раньше всего обращают на себя внимание иностранцев. Цветные тюрбаны, бороды, иногда такие длинные, что их приходится прятать под сетку или даже накручивать на проволоку. Я помню, в Москве на

мемориале братьев Знаменских сикх бежал дистанцию в четыреста метров. Вид смуглого бородатого бегуна в тюрбане был настолько необычен, что стадион, как один человек, болел за него. Индийский бегун оправдал надежды болельщиков и легко победил...

Сикхи никогда не курят, на правой руке носят стальной браслет, еще при них должны быть гребень для волос и кинжал. Сикхи — жители Пенджаба — смелый народ. Именно они, как правило, первыми встречали захватчиков, шедших с севера, и вступали в бой.

Лабх Сингх («сингх» по-русски значит «лев») занимал двухкомнатную квартиру, точную копию квартиры, спланированной в Моспроекте: маленькая прихожая и совмещенный санитарный узел. У Лабх Сингха жена и двое мальчиков, которых поначалу я принял за девочек. На голове у каждого была заплетена косица и обернута белой тряпочкой. Старшему двенадцать, младшему — десять лет. «Они посещают школу», — с гордостью сообщил отец. Дети, разинув рот, смотрели на европейцев с бледной, как у мертвецов, кожей. Очень красивые дети. Дверь на лестницу не удалось закрыть, потому что в ней плотной стеной стояли соседские дети.

Лабх Сингху лет... тут хозяин задумался, начал листать какие-то бумаги и установил — пятьдесят четыре (сикхи не празднуют дней рождения). Ему неслыханно повезло — несколько дней назад он выдержал экзамен (попробуйте держать экзамен в этом возрасте, когда все выскакивает из головы). Теперь он уже не почтальон, а почтовый клерк и получает триста рупий. Зарплата у него двести рупий, а сто — прибавка на дороговизну.

холода. А летом, когда холода нет, умирают от болезней или оттого, что срок пришел.

Тысячи людей живут на улицах. Ни разу в жизни ни они, ни их родители, ни родители их родителей не знали, что такое свой дом...

Тот, кто видел ночной Старый Дели, никогда его не забудет. Но с 1947 года, со дня независимости, прошло немногим более двадцати лет. Можно ли за два десятилетия поднять до нормального уровень жизни в стране, которую много столетий подряд грабили завоеватели? «Мы были бы счастливым народом, если бы не двести лет под властью англичан», — говорил в Мадрасе писатель С. Д. Сундарам.

После Старого Дели мы по-иному стали смотреть на новые кварталы, построенные в последние годы. Пусть эти белые дома не блещут интересной архитектурой, пусть из белых они быстро становятся серыми, пусть они простоваты. Но их множество таких кварталов. И это квартиры. И это работа. Работа для тех, кто строит дома. Строит быстро, хорошо, но безо всякой техники. Как много веков назад, женщины носят на голове тазы с цементом. И кирпичи подносят вручную за полторы-две рупии в день. Пачка сигарет стоит рупию. Но строительные рабочие сигарет не курят, а курят «биди» — тоненькие цигарки. На полторы-две рупии шикарно не заживешь, да и прилично тоже. Но можно продержаться...

Новые кварталы принципиально отличаются от официального Нью-Дели. Торжественно открытый в январе 1931 года, он ничего не изменил в жизни обитателей города. В самом Нью-Дели поселилось ничтожно мало людей, очень дорого здесь. И любопытно, что в городе, где проблема жилья остра необычайно, в той части его, которая называется Нью-Дели, самая низкая плотность населения из всех столиц мира.

Мы захотели поехать в недавно отстроенные кварталы. И нам помогла в этом редактор газеты

«Патриот», женщина легендарная, лауреат Международной Ленинской премии Мира Аруна Асаф-али, одна из героинь национально-освободительного движения. Она познакомила нас с пожилым сикхом, который смущался, не знал, куда девать руки, и беспрерывно улыбался. Это был старый почтальон Лабх Сингх, к нему мы поехали в гости. Перед тем как мы сели в машину, он вдруг куда-то исчез и вскоре вернулся с двумя пакетиками — купил угощение. Он сидел рядом с водителем, торжественный в своем белом тюрбане, очень важный, потому что именно к нему едут гости из России. Для сикха принять гостя — праздник!

Сикхи раньше всего обращают на себя внимание иностранцев. Цветные тюрбаны, бороды, иногда такие длинные, что их приходится прятать под сетку или даже накручивать на проволоку. Я помню, в Москве на мемориале братьев Знаменских сикх бежал дистанцию в четыреста метров. Вид смуглого бородатого бегуна в тюрбане был настолько необычен, что стадион, как один человек, болел за него. Индийский бегун оправдал надежды болельщиков и легко победил...

Сикхи никогда не курят, на правой руке носят стальной браслет, еще при них должны быть гребень для волос и кинжал. Сикхи — жители Пенджаба — смелый народ. Именно они, как правило, первыми встречали захватчиков, шедших с севера, и вступали в бой.

Лабх Сингх («сингх» по-русски значит «лев») занимал двухкомнатную квартиру, точную копию квартиры, спланированной в Моспроекте: маленькая прихожая и совмещенный санитарный узел. У Лабх Сингха жена и двое мальчиков, которых поначалу я принял за девочек. На голове у каждого была заплетена косица и обернута белой тряпочкой. Старшему двенадцать, младшему — десять лет. «Они посещают

школу», — с гордостью сообщил отец. Дети, разинув рот, смотрели на европейцев с бледной, как у мертвецов, кожей. Очень красивые дети. Дверь на лестницу не удалось закрыть, потому что в ней плотной стеной стояли соседские дети.

Лабх Сингху лет... тут хозяин задумался, начал листать какие-то бумаги и установил — пятьдесят четыре (сикхи не празднуют дней рождения). Ему неслыханно повезло — несколько дней назад он выдержал экзамен (попробуйте держать экзамен в этом возрасте, когда все выскакивает из головы). Теперь он уже не почтальон, а почтовый клерк и получает триста рупий. Зарплата у него двести рупий, а сто — прибавка на дороговизну.

Сейчас у Сингха гостит двоюродный брат с женой, по внешности кинозвездой, одетой в синее с блестками сари. На поверку она оказалась вовсе не кинозвездой, а учительницей. Они приехали с мужем в Дели искать работу, кажется уже нашли, но квартиры пока нет, и временно живут у родственника.

Мы пили дивный чай и ели круглые сладкие катуши. Ребята налегли на них будь здоров. У невестки, когда она двигала головой, в ухе подрагивал крохотный колокольчик. Потом мы грызли вкусные жареные фисташки. Дверь на лестницу ни разу не закрылась. В ней смиренно стояли соседские дети.

Обратно мы снова ехали по новому кварталу. Я назвал его для себя девятым Дели. Решительно справочники ошибаются: существует не восемь Дели, а девять. И девятый — самый лучший!

P. S. Эту главу прочли два индолога. Оба уверенно заявили автору, что он ошибся. «Дели строили не восемь раз, а двенадцать!» — сказал первый. «Не двенадцать, а четырнадцать!» — утверждал второй. Они не пришли к согласию, и потому автор остался при собственной точке зрения, тоже заимствованной из авторитетных источников.

Падающая башня

В Дели тысяча исторических достопримечательностей. Из них я видел двадцать пять, может быть, тридцать. Это не так мало. Причем уцелевшие памятники английским королям в зачет не шли. В Новом Дели под уродливым балдахином до сих пор прячется от солнца король Георг Пятый^[1]. Держит в руках какую-то бронзовую палку, быть может скипетр. Кто-то из наших журналистов окрестил Георга «Жорой-автоматчиком», а маленькая дочка журналиста называет памятник «снегурочкой под зонтиком». Рассказывают, что есть специальное кладбище, куда свозят снесенные статуи, которые некогда устанавливали английские колонизаторы. На этом кладбище лежат на земле поверженные колоссы, смотрят в небо или никуда не смотрят, в зависимости от того, как их бросили, поростают травой и ждут, чтоб их отвезли в исторический музей или на переплавку.

Среди монументов Дели есть один, увидеть который считается обязательным. Он этого заслуживает. Он — это Кутб-Минар, минарет высотой в 72 с половиной метра. Сегодня такой высотой никого не удивишь, но следует вспомнить, что Кутб-Минар начали возводить в 1199 году, и вот уже скоро восемь веков стоит он, гордый и величавый; во время сильного землетрясения покачнулся и снова встал как положено.

Кутб-Минар находится не в самом городе, а на юг от Нового Дели милях в семи. В тот день первая половина у нас была занята встречами в Академии музыки и драмы. Мы поехали поглядеть на Кутб-Минар во второй половине дня, предварительно все рассчитав: на юге темнеет рано, по дороге можно попасть в затор, а архитектуру желательно смотреть тогда, когда она

видна. Мы не рассчитали лишь, что затор затору рознь. Как только мы сели в машину и отъехали от отеля ну на полкилометра, меньше даже, водитель втиснул наш «Амбассадор» в мешанину из автобусов, автомобилей, скуттеров, велорикш, велосипедистов, мотоциклистов, коров, буйволов, запряженных в повозки, лошадей, запряженных в повозки, просто пешеходов и регулировщиков уличного движения.

Поначалу наш водитель непонятно каким образом умудрялся продвигаться вперед по заданному направлению. При этом он никого не сшиб, ни в кого не врезался и даже объехал тощую белую корову. Потом мы все-таки встали. Прямо на тротуаре, взобравшись на груды ящиков, ораторствовал молодой человек. Другой молодой человек держал над головой оратора плакат с призывом. Затем проехали метров триста и снова встали, на этот раз возле крохотного рынка. Неподалеку от нас оказалась маленькая палатка с торжественной надписью «Отель Мажестик». В «отеле» торговали жареной рыбой. Хозяин с азартом жарил одну рыбину за другой, хотя покупателей не было. Вот один появился. Хозяин не предложил ему готовую продукцию, а достал из плетеной корзины свежую рыбку и пожарил ее при клиенте.

Наконец мы тронулись с места. Постепенно набрали скорость. Заторов больше не было. Уже темнело. Хозяева лавок зажигали керосиновые фонари. Они покачивались над входом. В их рембрандтовском свете лавки не казались убогими.

Когда мы добрались до Кутб-Минара, было по-настоящему темно.

Я не мог различить, какого цвета башня. Я видел одно — гигантская каменная масса имеет преступное намерение завалиться! Правда, она упадет не в нашу сторону. Пока я раздумывал, почему Кутб-Минар не падал, от темноты отделился мужчина, одетый в белое.

Это хорошо, иначе бы его совсем не было видно. Я принял его за сторожа, который охраняет памятник, чтоб на нем не царапали «Здесь был Юра» или «Здесь были Питер и Мэри из штата Южная Каролина».

Но он оказался не сторожем, а гидом. Очевидно, мы были не первыми, кто добирался сюда во тьме, иначе бы гид ушел домой. Он вежливо поздоровался с нами, а свои объяснения начал с обычной фразы: «Кутб-Минар принялись возводить...»

Я уже привел эту дату — 1199 год — раньше, я ее взял из справочника. Гиды всегда щеголяют цифрами. Это профессиональный расчет. Я помню, в одном туристском путешествии был среди нас мужчина, который, что бы ни видел, неизменно задавал вопрос:

— Когда построено?

По всей стране нас возил один и тот же гид. И на вопрос «когда?» он всегда отвечал тотчас же, нисколько не задумываясь, демонстрируя великолепную память.

Когда мы остались с гидом наедине, я его спросил, каким образом ему удастся удержать в голове такое

множество дат.

Он охотно ответил:

— Видите ли, этот любопытный господин не записывает моих ответов. Следовательно, не может их запомнить. А те, кто записывает, потом никогда не заглядывают в записи. Я называю поэтому первые попавшиеся цифры.

Этот рассказ ни в коем случае не относится к гиду, который встретил нас в темноте у Кутб-Минара 29 ноября 1967 года. Эта дата абсолютно точная.

Пока гид рассказывал, кто строил минарет, а быть может, монумент в честь какой-нибудь победы, я рассматривал арабскую вязь, которой украшен Кутб-Минар. Резьба отлично сохранилась, и легко прочесть написанное при условии, что читаешь на данном языке.

Потом нас провели к каменным развалинам, в центре которых неожиданно оказалась железная колонна.

— 24 фута в высоту, — объяснил гид. — Ученые недавно брали пробу железа, из которого сделана колонна, но не могут установить, почему она не заржавела. (Я не видел лица гида, но почувствовал его улыбку.) Существует предание: если обнять эту колонну, будешь счастлив в любви...

Мы по очереди обняли прохладную железную колонну, отполированную объятиями тысяч и тысяч людей. Мы, хоть и писатели, тоже люди и тоже хотели в любви быть счастливыми.

Когда мы возвращались к машине, наша Переводчица достала из сумочки деньги, чтобы уплатить гиду. Но он отказался их принять:

— Я тебя знаю, вижу не в первый раз... Ты на работе, и я на работе... У тебя я не возьму...

Назавтра утром мы поехали в Красный форт.

Красный форт в Дели, Тадж-Махал в Агре и Мертвый город под Агрой — основные опорные пункты на любом

туристском маршруте в Северной Индии. Все эти памятники относятся к эпохе Великих Моголов.

Многие архитектурные ансамбли, построенные англичанами в Новом Дели, напоминают Красный форт или форт в Агре. Они похожи на них, как, например, дети великого композитора или художника бывают похожими на отца лицом и фамилией. А вот талант почему-то не передается...

Англичане строили вроде бы по-современному, но под старину, я бы назвал это стилем «а ля могол»...

Великими Моголами называют династию индийских феодальных государей, потомков Тимура. Основал ее ферганский феодал Бабур, который в 1526 году завоевал индийский престол.

Бабур провел в Индии четыре года и основные усилия направил на то, чтобы построить столицу не в Дели, а в Агре. Про его сына историки и путеводители упоминают редко и обычно после Бабура сразу переходят к Акбару, который возродил мечту о великой Индии и построил новую столицу Фатхпур-Сикри, ее теперь называют «Мертвый город». Сын Акбара жил главным образом в Лахоре, а следующий Великий Могол — Шах Джахан — перенес столицу в Дели, построив город в городе, Красный форт. Его называли так потому, что стены крепости выложены из красного песчаника. Сын Шах Джахана Аурангзеб ничего особенного не построил, но зато успешно разрушал индийские храмы. С его воцарением начался закат империи Моголов.

Сначала был построен форт в Агре, потом Мертвый город, а потом уже Красный форт в Дели. И смотреть все это следовало в хронологическом порядке. Можно было бы понять, как развивалась архитектура этого периода, когда она достигла расцвета и когда начался упадок — потому что после расцвета обычно бывает

упадок. А так смотришь все попеременно и зачастую восхищаешься тем, что вовсе надо порицать.

Нас повезли в Красный форт на машине. Над входом в форт развевался в небе трехцветный национальный флаг. Его поднял в 1947 году Джавахарлал Неру в честь провозглашения независимости Индии.

Вход в крепость охраняли полицейские. Они следили за тем, чтобы автомобили не въезжали внутрь. Наш сопровождающий, представитель министерства просвещения, пошел объясняться с блюстителями порядка, хотя было не жарко и мы спокойно могли пройти. Он рассказал полицейским, что мы гости правительства и никак не можем ходить пешком. Наша машина отнюдь не выглядела респектабельно. И номер на ней был совсем обыкновенный. И соответствующих документов у сотрудника скромного министерства не было. Но ему поверили. По извилистому коридору между толстых каменных стен мы въехали в Красный форт. Остановились и вышли из машины.

Внутри обнаружилась вторая стена. Оказывается, наружная ограда была возведена по указанию Аурангзеба. Все-таки он не только разрушал, но кое-что и построил, изрядно попортив общий ансамбль. А как нам объяснили, извилистый коридор между стенами делался именно таким для защиты... от боевых слонов. Дело в том, что слону, который набрал скорость, трудно проходить повороты. А боевой слон не обладает маневренностью. В этом его недостаток, и в этом он уступает танку.

В Красном форте было довольно оживленно. Вдоль стен расположились лавки ремесленников. Здесь вытачивали из слоновой кости, высекали из мрамора, вырезали из дерева. Эти изделия, во всяком случае многие из них, могли быть выставлены в музеях. Но здесь все это продавалось за бесценок, по принципу лишь бы продать. Рядом с резчиками работали вышивальщицы, сплошь мужчины. Бисером и какими-то серебристыми звездочками они расшивали дамские сумочки, с которыми согласно моему представлению положено ходить в оперу. Возле лавок — мастерских ремесленников — можно было и позавтракать. В чугунной ванне шипело масло и плавали пирожки. Тесто для них приготавливалось тут же, на виду у публики. Раскатывал его мальчишка прямо на дощатом полу. Чтобы уголок блина не загибался, он придерживал его носком ноги. Правой ноги, если быть точным.

Красный форт — это мраморные дворцы, это решетки, выточенные из мрамора и тонкие, как кружево. Их вытачивали наверняка предки тех ремесленников, которые тщетно пытаются что-либо продать в лавочках возле стены. Красный форт — это мраморное ложе для ручьев, которые журчали когда-то, проносясь сквозь залы дворца и дальше мимо зеленых газонов. Дно мраморного русла выложено узором в виде лепестков лотоса, кое-где стертых водой.

Английские колонизаторы не раз выгодно использовали Красный форт. Они, например, детально изучали в нем архитектуру. Они изучали ее довольно своеобразно — штыками выковыривали драгоценные камни.

Во дворцах Дели, так же как в Агре, было принято украшать мраморные плиты цветными узорами. Индийские мастера испокон веков владели искусством вделывать сапфиры, аметисты или агаты в мрамор, как говорится, за подлицо. Достигалось это простым, нехитрым способом. Драгоценные камни обтачивались по форме рисунка и вкладывались в выдолбленные углубления.

Потом начиналось главное — полировка. Полировка при помощи трех компонентов: песка, наждака и — основного компонента — пальца. Так вот пальцем миллиметр за миллиметром с утра до ночи, день за днем, месяц за месяцем, год за годом, поколение за поколением. Иногда начинал отец, а заканчивал сын. И получалась идеально гладкая поверхность, ни сучка ни задоринки, ни малейшей шероховатости. Будто природа сама сотворила мрамор с узорами из переплетенных цветов.

В зале для частных аудиенций, в Диван-и-хасе, стояло и стоит чудо из чудес — необычайной формы Павлиний трон стоимостью (нашелся кто-то и подсчитал) в двенадцать миллионов фунтов стерлингов (до девальвации). Шах Джахан любил восседать на нем под балдахином с бахромой из чистого жемчуга, под потолком из чистого серебра. А на стене золотом написано: «Если есть рай на земле, это здесь, это здесь, это здесь...» Для Шах Джахана, наверно, здесь на самом деле был рай. И, может быть, поэтому в орнамент вокруг Павлиньего трона были введены птицы. Что это за рай, если в нем не поют птицы?..

Те, кто думает, что английским солдатам было просто выковыривать из мрамора Павлинъего трона драгоценные камни, жестоко ошибается. Во-первых, надо было следить, чтобы не сломался штык — иначе попадет от начальства, можно сесть на гауптвахту, а в это время приятели поработают и не оставят тебе самого махонького камешка. Кроме того, когда ковыряешь штыком, осколки мрамора могут угодить в лицо или, что хуже, в глаз. Наконец, самое важное, надо умудриться не повредить драгоценный камень, а то лондонские ювелиры не дадут за него хорошую цену.

Одним словом, вкладывать топазы в мрамор — искусство, доставать их оттуда — тоже искусство.

В конце прошлого века лорд Керзон, желая снискать доверие индийцев, отыскал в Лондоне некоторые из украденных камней и вернул в Дели. Но по случайному совпадению самые ценные камни не отыскались.

Сейчас в Красном форте идут реставрационные работы. На мраморе, как следы от пуль, зияют английские отметины.

В Красном форте колонизаторы занимались не только искусствоведением. В 1857 году вспыхнуло восстание индийских солдат — сипаев. К ним присоединялись крестьяне, ремесленники, даже многие феодалы.

То, что в Англии считали военным мятежом, превратилось в великое национальное восстание.

Англичане чудом удержались в Индии. Одним из центров восставших был Дели. Когда англичане захватили город, они начали расправляться со всеми, кто не успел покинуть его. Все колодцы были завалены трупами женщин и детей. А Красный форт был превращен в каземат, где пытали и казнили непокорных солдат.

Великие Моголы не были добрыми правителями. Французский путешественник, описавший посещение двора Шах Джахана (порочная страсть печатать путевые заметки имеет давнюю историю), точно передал чувство страха, которое испытывал каждый допущенный в залу для публичных аудиенций на глаза Великому Моголу. Но по сравнению с британскими колонизаторами Шах Джахан был учеником приготовительного класса. И это логично. Человечество идет вперед. Могол жил в XVII веке. Англичане устроили массовую резню в Дели и заодно разрушили город до основания в середине XIX столетия. Джавахарлал Неру писал, что в Индии «узнали расизм во всех его формах с самого начала английского владычества».

Поздним вечером знакомый журналист повез нас кататься. Мы выехали за пределы города и остановились. И долго, долго смотрели на южное небо, похожее на учебное небо планетария, усыпанное серебристыми звездами. Иссиня-черную ткань расшили звездами, наверно, искусные ремесленники из Красного форта.

А потом нашему другу пришла в голову идея показывать нам достопримечательности. После поездки в Кутб-Минар я не удивился. Может быть, здесь принято смотреть их не только днем, но и по ночам, когда воображение дорисовывает то, чего не видно.

Мы погнали по кольцевой дороге. Так же как и под Москвой, вокруг Дели вьется асфальтовая лента. Журналист жал на акселератор изо всех сил. Машина

мчалась с такой скоростью, будто памятники, которые мы должны были осмотреть, могли украсть и надо было опередить жуликов. Наш друг жил в Дели уже несколько лет. Как каждый нормальный человек, скучал по московской квартире, по снежной зиме, по сосновому лесу. Возможно, ему казалось, что, чем быстрее он едет, тем скорее вернется домой. К тому же наша спутница, наша Переводчица, которая знает английский лучше, чем русский, хинди лучше, чем английский, а русский лучше, чем хинди, любит сумасшедшую езду. Она все время подстегивала водителя: «Быстрее, можно еще быстрее, ну же, быстреей!»

На поворотах из-под шин летели искры. Шины визжали как в сценах погони в гангстерских фильмах. Казалось, еще немного — и машине осточертеет асфальт, она поднимется в воздух, полетит или, что более вероятно, перевернется. Но ничего такого не произошло. И мы и машина остались целы. Правда, назавтра нашему водителю пришлось отдавать шины в ремонт — наваривать новую резину. Но это уже издержки производства.

Чтобы попасть к развалинам древнего амфитеатра, мы не раздумывая проскочили под закрытым железнодорожным шлагбаумом, зацепив за него антенной. Антенна жалобно звякнула. Затем по дороге, которая правильно закрыта для проезда, потому что непригодна для него, мы пробрались к каменной гряде. Ее возраст — девять столетий. На плитах, которые пологой лестницей спускались куда-то далеко-далеко вниз, как на море, лежала лунная дорожка. Наверно, по этим плитам можно было прийти к воде. Говорят, что когда-то здесь стоял Храм солнца.

Потом мы снова выбрались на нормальную дорогу и погнали к Туглакабаду, памятнику XIV столетия. Там были руины каменной крепости и на другой стороне дороги — очередная башня. Ни того ни другого я не

видал вовсе. Луна куда-то подевалась. Может быть, ее закрыли старые-престарые деревья. Единственное, что я разглядел, — это табличка на каменной стене. Я высветил ее карманным фонарем: «За повреждение — штраф 5000 рупий». «Дорого!» — подумал я. Потом перевел луч фонаря на ветки дерева, в дрожащем свете неожиданно объявилось испуганное сморщенное личико обезьяны. Она старательно протирала лапкой глаза, не понимая происходящего.

Возвращаясь домой, т. е. в отель, мы остановились еще раз у Кутб-Минара. Только теперь мы подъехали к нему с другой стороны. Но все равно, казалось мне, Кутб-Минар упрямо валился в противоположную сторону, чтобы, падая, нас не задеть.

И все же мне удалось увидеть Кутб-Минар в ярком солнечном свете, когда он особенно великолепен. Первый раз в Дели — на обложке рекламного буклета. Второй раз в Москве — на обложке журнала «Огонек».

Театральные переживания

Когда человек выезжает за границу, бывает, что у него имеется определенная цель. Руководитель нашей делегации, театральный драматург, рвался поглядеть спектакли. Он повторял на всех встречах: «Я приехал знакомиться с искусством индийского театра!» И это было правдой. Забегая вперед, должен заметить, что ему так и не пришлось увидеть ни одного представления. Если не считать, конечно, маленькой, получасовой пьесы, разыгранной бродячим кукольником. Этот спектакль организовал для нас милейший человек, ученый секретарь «Сангит Натак Академи» (Академии драмы, музыки и танца) Суреш Авастхи. Представьте себе нашего известного артиста Евгения Евстигнеева, у которого вдруг выросли густые волосы, расчесанные посередине на пробор, и вы получите портрет господина Авастхи.

Мы ездили в Академию чуть ли не каждый день, должно быть, порядком там надоели, но Суреш Авастхи переносил наши визиты мужественно.

— Что происходит в театрах вашей страны, — рассказывал он, — мы практически не знаем. Ваших пьес в английских переводах появляется мало. Поэтому мы незнакомы с сегодняшней советской драматургией. Из русских режиссеров, известных нам, можно назвать Станиславского, Мейерхольда, Таирова.

— Не так уж скверно... — вставили мы.

— Да, — продолжал Суреш Авастхи, — но мы не знаем ни одного режиссера, работающего сейчас. Впрочем, мы с вами находимся в одинаковом положении. Взаимная информация поставлена плохо, приезжаем друг к другу от случая к случаю. Далекое — шесть часов полета. Вы ведь тоже мало знаете о наших

делах... И поэтому в порядке общей информации: «Сангит Натак Академи» была создана в 1953 году. Наша основная задача — координировать развитие искусства в общенациональном масштабе, сохранить народное искусство, записывать народную музыку. Мы по сути дела субсидируем талантливых артистов, помогаем полупрофессиональным коллективам. Ведь у нас профессиональных драматических трупп почти нет... Мы устраиваем фестивали, присуждаем ежегодные премии.

Нашему санскритскому театру две тысячи лет. Живая традиция в общем-то умерла еще в VII или VIII веке. Но две семьи вот уже тысячу лет сохраняют ее и передают из поколения в поколение. А современному индийскому театру какая-нибудь сотня лет, он мало чем отличается от театра другой страны.

Но жив и народный театр. Актеры ездят из города в город, из деревни в деревню. Спектакли длятся подолгу, иногда целую ночь, случается, и несколько дней подряд. В них участвуют драматические актеры, танцоры, поэты-певцы, сказители и чтецы. Наш народный театр «синтетический». Он близок брехтовскому театру.

Сейчас есть два направления в искусстве. Одни утверждают — нет смысла в продолжении древней национальной традиции. Она умирает. Добивать ее не надо. Пусть умирает сама по себе... Я разделяю другую точку зрения. Я утверждаю, что надо стремиться к сближению традиции с современностью.

К сожалению, спектаклей народного театра мы так и не посмотрели. Наши пути ни разу не скрестились с маршрутом передвижной труппы.

Господин Крипалани, известный индийский ученый, он тоже работает в Академии, посочувствовал нам:

— Спектакли передвижных театров обычно совпадают с ярмарками. Ставят эти театры и

современные пьесы, но чаще разыгрывают представления на эпические сюжеты. Ведь вряд ли отыщется в Индии человек, который не помнил бы наизусть многие эпизоды народных поэм. Неграмотный прядильщик лучше знает «Рамаяну», чем образованный европеец Гомера. Тагор придавал этому большое значение... На ярмарках по крайней мере уже три тысячи лет, не меньше, устраиваются и поэтические дуэли. Зрители дают поэтам темы. Обычно остро современные, ну, к примеру: «Мало еды!», или «События в Калькутте», или «Русский спутник». Это самый интересный политический комментарий, который можно услышать в нашей стране...

Мы не услышали подобного комментария, потому что ни разу не побывали на ярмарке. На наше невезение, в городах, которые мы посетили, или неподалеку от них, в окрестных деревнях, ярмарок не было.

Суреш Авастхи показал нам театр марионеток.

В Академию специально пригласили семью из Раджастхана во главе с сорокалетним мужчиной довольно живописной внешности. Черные запорожские усы на аскетическом лице, ярко-желтая чалма, обыкновенный стандартный пиджак, надетый на белую индийскую одежду, в руках черный потрепанный портфель — и... босые ноги. Вместе с актером пришла жена. А точнее, одна из жен. Потому что у мистера Малурама их две. Пришла та, которая постарше. Взяла с собой дочку лет четырех-пяти. Очень симпатичное застенчивое существо в клетчатом платице. И еще пришел племянник, лет двадцати пяти, выше дяди на голову и тоже с устрашающими усами.

Господин Малурам поглядел на меня одобрительно, может быть потому, что я тоже ношу усы, правда, не столь эффектные. «Наша семья, — сообщил маэстро, — работает с куклами с XV века. Сейчас мы вам покажем пьесу про войну раджпутов с моголами».

Занавеска была повешена в одной из комнат. Кукольник с помощником ушли за нее, женщина села сбоку, ударила в барабан и запела. Маленькая дочурка, забыв про стеснительность, выдвинулась вперед и стала ждать представления. Она видела его каждый день, иногда по нескольку раз, но все равно ей было интересно.

А над занавеской разыгрывались сцены из жизни двора Великих Моголов. Танцевала прелестная девушка, выступал факир с коброй, лев убивал дрессировщика, а храбрый воин бросался на льва и отсекал ему голову. Воин жонглировал факелами (поразительный по технике номер), занимался вольтижировкой, а в конце концов побеждал могола, который был... в английской форме.

Мы смотрели тридцать минут, тридцать минут слушали пение женщины, мы смотрели бы и час и два. В

этом представлении сочетались детская непосредственность и романтичность.

Потом актер раскрыл портфель и продемонстрировал нам свидетельства славы — какие-то справки и фотографии, на которых он был снят с президентом. Он рассказывал нам, что живет не плохо. Что у него своя палатка. Что он сам делает куклы и продает их...

У входа в Академию на зеленой лужайке установлены мраморные статуи. Ультрасовременные. А может быть, не совсем ультра. Догадаться, что они изображают, можно. Мы, например, быстро опознали женщину с распущенными волосами.

В боковом отсеке Академии — выставочный зал. В нем экспонировались картины Сурьи Пракаша, молодого художника, сорокового года рождения. Несмотря на молодость, это уже известный мастер. Член Академии. Его работы находятся во многих музеях. А картины на выставке — «образы в состоянии метаморфозы». Автор выражает «символическую запутанность мира». Он работает «взрывами красок и контуров». Это из рецензии в газете.

Мы оказались в затруднительном положении. Если в скульптурах у входа мы как-то разобрались, то на выставке наша природная ограниченность не дала нам возможности проникнуть в глубину замыслов. Эффектные взрывы красок и контуров мы уловили отлично. Про символическую запутанность тоже поняли. Но вот что символизируется, какие идеи, настроения, ассоциации — не поняли. И ушли подавленные своей невосприимчивостью.

«Живопись у нас модернизировалась настолько, — сказал господин Крипалани, — что ее не отличишь от живописи любой страны. На мой взгляд, она не отражает дух народа». Может быть, Крипалани преувеличивал. Работает в Дели глубоко национальный

живописец Хасан. Есть и другие. В кабинете самого Крипалани стоит бюст Рабиндраната Тагора. Поразительная работа, полная юмора. Нет, это не дружеский шарж в скульптуре, как, например, делают у нас Кукрыниксы или Решетников. Это просто портрет человека мудрого и с юмором (что обычно соседствует). А лепил портрет по-настоящему современный художник и тоже с юмором (и это обычно соседствует). Он не стремился к фотографическому сходству, он мечтал раскрыть душу писателя. Фамилия автора — Рамкинкер. Родом он из деревни, мальчишкой увязался за бродячим театром. Задники расписывал. Причем получалось у него очень здорово; один из зрителей так восхитился, что написал Тагору. Писатель взял юного Рамкинкера к себе и отдал в школу. Прошло много лет. Теперь Рамкинкер сам преподает в этой школе. И лепит из цемента: в той местности нет камня.

Крипалани посоветовал нам посмотреть работы Ритена Мазумдара. Автор, высокий человек в очках, похожий скорее на ученого, нежели на художника, повел нас по выставке, которая оказалась... выставкой ковров. Но каких!

— Современное искусство имеет прикладной характер, — говорил Мазумдар. — Я не могу оставаться в плену традиций, но традиция так прекрасна...

Круги, треугольники, абстрактные формы сочетались с национальным орнаментом. Мазумдар расписывает ковры кистью. Иногда он делает предварительный эскиз, набросок идеи. А иногда работает сразу, по вдохновению.

Ковры его очень хороши.

Однако он увлекается не только ими. На выставке представлена и резьба по дереву, тоже декоративная. Ширмы, полочки. И подносы, инкрустированные проволокой.

Мазумдар из Бенгалии. Из большой семьи — три брата, шесть сестер. Собирался стать скульптором. Его работы раскупаются. Он было основал фабрику, но увидел — засасывает, на искусство времени не остается, идет поточное производство. Фабрику закрыл.

Перед уходом я осторожно осведомился о цене ковров. От 500 до 700 или даже 1000 рупий. Нет, на командировочные этого не поднимешь...

Наш последний визит в Академию был к Эбрагиму Алькази, режиссеру и актеру с мировым именем. Он руководит Академией драмы.

Алькази буквально ворвался в комнату — небольшой, крепко сбитый, в спортивной курточке. Он заговорил с порога и сразу с такой запальчивостью, будто до этого мы с ним ожесточенно спорили:

— Надо злиться! У нас много богатств, нужно их найти! У нас едят тома, но ничего не знают! У нас великолепный народный театр! Государство сделало единственно умную вещь — нас создало. Теперь мы должны ему отплатить, и пусть положатся на наши мозги! Театр должен занять практическую позицию по отношению к жизни. Нечего сидеть в душных залах, надо выйти на улицу! Мы изучаем движение вашего агитпропа и что он сделал для советского театра. Материалов у нас не хватает. Почему вы нам их не посылаете?.. Я проводил семинар по Станиславскому. У нас было шестнадцать докладов. Здесь, в Академии, мы готовим бойцов нового театра. Не просто бойцов, а партизан. Они учатся три года. Они должны научиться всему — ставить спектакли, играть в них, писать декорации, строить декорации, делать эскизы костюмов, шить костюмы, если понадобится...

Мы играли античную пьесу «Троянские женщины», спускали занавес, восемнадцать футов на двадцать, изображали на нем ужасы войны — от Гойи до

Вьетнама... Нам надо поднимать аудиторию! Пойдемте со мной!..

Он говорил страстно, подкрепляя слова энергичными жестами. Он показал нам маленькую учебную сцену, макеты декораций. Он вывел нас во двор, где пьесы играют на открытом воздухе. Там стояли декорации, нет, не декорации, просто вылепленные из глины деревенские домики с маленькими круглыми отверстиями — окнами. Точно таких вот домиков на севере Индии сотни тысяч...

— Это к пьесе Према Чанда, — объяснял Алькази. — Когда мы ее играем, к нам приходят из Старого Дели. Это нам важно. И вслух комментируют события, происходящие на сцене. Как в вашем детском театре. Это то, что нам нужно. Мы поедем с этим спектаклем по деревням. Драматурги и режиссеры не должны равнодушно фотографировать жизнь. Нужно пробуждать сознание, иначе зачем все это?

Я смотрел на него, слушал и жалел, что мне не посчастливилось видеть его спектаклей. Он много ставил классику — «Царя Эдипа» Софокла, «Трех сестер» Чехова, «Скупого» Мольера, «Святую Иоанну» Шоу. Он сам — прекрасный актер и, говорят, особенно хорош в роли Макбета...

Нет, нам не везло с театром. В те дни, когда мы были в Дели, как на зло, спектакли не шли.

Про Тадж-Махал

В гостиницах сервис начинается с утреннего чая. Где-то в шесть или семь часов утра вам постучат в дверь. Вы вскочите, не понимая спросонья, что произошло — пожар или телеграмма из дому, в чем спали, отопрете дверь, и в номер войдет невозмутимый слуга с подносом. На подносе чай, молоко и печенье. Иногда маленькое пирожное. Слуга поставит поднос на столик возле кровати и степенно удалится. На следующий день с вечера предупредите, что не привыкли кутить на рассвете, попросите не будить и ляжете спать со спокойной совестью. Но все равно в шесть часов утра или в половине седьмого к вам постучат. «Кто там?» — гаркнете вы на иностранном языке. «Вы не хотите чаю?» — спросит вежливый голос. «Я же предупреждал...» — начнете вы раздраженно. «Большое спасибо!» — скажет вежливый голос. Вы упадете на подушку и только погрузитесь в сон, как он, разносчик чая, снова появится. «Вы не хотите?» Есть только один способ избавиться от этого сервиса — покориться ему. Выпить чашку прекрасного чая в семь часов утра и завалиться спать.

Из Дели в Агру мы выезжали рано. Надо было встать в половине шестого, чтобы успеть к поезду. Мы попросили, как говорят у нас, «горничную на этаже», то есть того же слугу, который приходит с чаем, разбудить нас именно в половине шестого и допустили грубую ошибку. Нас подняли в половине пятого, чтобы мы успели выпить чаю, выпить его медленно и с удовольствием. Нам хотели доставить радость и доставили ее.

От Дели до Агры — 127 миль, или 204 и три десятых километра, как написано в путеводителе. Поезд тратит на это три часа. Когда мы ехали на вокзал, сопровождающий нас представитель министерства просвещения поглядел на наши сонные лица и сказал:

— Вы доспите в поезде! Мы взяли на вас троих четырехместное купе!

Мы долго благодарили за трогательную заботу.

Вагон первого класса оказался вполне современным сооружением с мягкими креслами, у которых, как в самолете, откидываются назад спинки. Точно такие вагоны курсируют между Москвой и Ленинградом или между Москвой и Дубной. Купе в них нет, не было и не будет. Но мы ничего не сказали сопровождающему. Наверно, он пожалел нас и пошутил.

Мы ехали в Агру. Мы знали про этот город, что в нем находится Тадж-Махал — мавзолеей любимой жены, признаться, мы точно не помнили, чьей именно жены и как ее звали. Этим исчерпывалась наша агринская эрудиция.

Поезд несся как угорелый. За окном мелькали деревни и бесконечные равнины. По ним разгуливали аисты. Известно, что увидеть аиста — это к счастью. Здесь их было не счесть числа. Наверно, в Индии эта

примета недействительна — иначе получишь столько счастья, что его некуда будет девать.

Рядом с аистами кокетливо изгибались тонкие цапли, белые и серые. Некоторые искали пропитание на спинах у буйволов, выклевывали из них что-то. Бюро добрых услуг к взаимной выгоде. Встречались и другие птицы, названия которых я не знал. На одной из станций на перрон вышла корова. Но наш поезд на этой станции не остановился, и я не смог снять корову в толпе встречающих. Наш поезд очень спешил и прибыл в Агру точно по расписанию.

Заметались носильщики в красных одеждах. Мы вышли на платформу, и мужчина в очках закричал мне в лицо:

— Здравствуйте! Как доехали? Добро пожаловать в Агру. Восемьсот тысяч жителей. Стоит на реке Джамне — это приток Ганга. Дели тоже стоит на Джамне. В Агре находится Тадж-Махал. Вы — мистер такой-то?

Отпираться не имело смысла, и я признался, что действительно я такой-то и есть мистер.

Нас доставили в отель. Мы едва успели привести себя в порядок, как он, мужчина в очках, снова появился, не дал нам передохнуть и повез глядеть Тадж-Махал. Его задача была проста — сразу нас нокаутировать, чтобы мы не могли опомниться, чтобы нас шатало и мы не оказывали сопротивления, все выслушивали, все смотрели, чтобы программа выполнялась по всем пунктам — мечта всех гидов.

Тадж-Махал — одно из чудес нашей планеты, хотя и не входит в семь чудес света. Он не попал в список только потому, что тот составляли в древнем мире, когда еще не существовало Тадж-Махала.

«Монумент любви», «поэма из камня», «мечта в мраморе», «Его купол — это облако, опирающееся на воздушный трон», «Вы можете найти в нем все, что

хотите найти!», «Он начат Титанами и закончен Ювелирами» — это из современных справочников. Марк Твен не поленился привести длиннющие восторженные цитаты из путеводителей XIX века. Сам Марк Твен писал: «Тадж-Махал — это ледяная буря, содеянная руками человека».

До того как увидеть Тадж-Махал в натуре, я видел его в документальных фильмах, в художественных фильмах, просто в фотографиях. Видел вырезанным из слоновой кости (продавался в антиквариате на улице Горького), видел на обложках книг, в рекламах «Посетите Индию» и на почтовых марках.

Реклама, которая двигатель туризма, может испортить все! Не помню, попадалось ли мне изображение целующейся парочки (он — в белом костюме для тенниса, она — в миниюбке) на фоне Тадж-Махала с такой надписью: «Любовь на фоне вечной любви. Посетите Агру!» Если не попадалось — странно, чье-то упущение. Одним словом, я боялся встречи с Тадж-Махалом и решил так: если мавзолей не произведет на меня должного впечатления, никому об этом не скажу!

Был серый день, и по пути он, то есть гид, объяснял нам, что Тадж (он его называл фамильярно, как старого приятеля) лучше смотрится в ясную, солнечную погоду, когда он плывет по синему небу, как белый фрегат, или в лунную ночь, когда купол недвижимо висит в воздухе — он близко, и он далеко...

Мы остановились на площади, на которой туристов ждали другие машины и другие гиды, прошли сквозь парадный вход — нечто вроде глубокой арки из красного песчаника, увидели Тадж-Махал... и потеряли способность соображать.

Тадж-Махал презирает рекламу, все эти открытки, диапозитивы, изделия из слоновой кости или папье-маше. Он существует сам по себе. Все восторженное,

что писали о нем или будут писать, — святая правда, но плюс к этому писать про Тадж-Махал — нелепица. Его необходимо увидеть, и тогда пройдешь несколько этапов.

Сначала просто смотришь в немом восхищении, забыв обо всем на свете. Минуты полного отрешения.

Второй этап — вбираешь в себя общий контур здания и отдельные детали. Напрягаешь зрение, стараешься все увидеть, все запомнить, ничего не забыть.

Третий этап — ясно осознаешь, что понятие невесомости было открыто здесь, в Агре. Потому что этот гигантский мавзолей (в высоту он поднялся на семьдесят пять метров) ничего не весит! Его можно поднять вместе с четырьмя стройными минаретами, которые стоят по углам, и унести на память. Самое сильное впечатление он производит именно издалека. Его авторы отлично это понимали. Прежде всего видишь приподнятую каменную площадку и на ней Тадж-Махал весом в сто граммов или вообще безо всякого веса. Как это удалось, не известно никому. Но это удалось.

Четвертый этап — веришь в то, что находишься здесь, в Агре. Робея, начинаешь приближаться к Тадж-Махалу. Он увеличивается в размере, оказывается, он громаден!

Еще не хочется задавать вопросы, но гид свое не упустит:

— Тадж построен внуком Акбара — императором Шах Джаханом как усыпальница для любимой жены Мумтаз Махал. Ее называют теперь леди из Таджа. Вы видели ее изображение?

Видели. Чернобровая красавица в расшитой золотом одежде. В правой руке держит цветок. Губы прячут лукавую улыбку, будто знают — вот меня не станет, века будут сменяться, а вы будете приходить на мою могилу...

— Леди из Таджа умерла в 1630 году в возрасте тридцати девяти лет при рождении четырнадцатого ребенка. Через год после ее смерти безутешный император приказал начать строительство мавзолея. Его строили долгих двадцать два года десятки тысяч рабочих...

— Кто же автор Тадж-Махала?

— Неизвестно, — отвечает гид. — Одни говорят, что архитектор был из Ирана, другие уверяют, что это мог построить только итальянец. Судя по старинным

рукописям, возглавлял работы местный зодчий Устад-Асе. Но, возможно, он был только исполнителем...

Здесь, в Индии, возле индийского Тадж-Махала, самая мысль о том, что его построил иностранец, кажется святотатством.

Внутри мавзолея — кенотаф Мумтаз Махал из целого куска желтого цейлонского мрамора, будто выточенный из слоновой кости. Как и в делийском Красном форте, мрамор инкрустирован узором из маков. Каждый мак — тридцать два драгоценных камешка. А в мраморной решетке, окружающей кенотаф, — 64 лотоса.

Рядом вторая гробница — самого Шах Джахана. Тоже инкрустацией написаны на ней 99 имен бога. Эту гробницу украшал когда-то бриллиант Кох-и-нур — «гора света». Теперь этот бриллиант — украшение британской короны. Англичане поработали в Тадж-Махале. То, что добрые христиане не должны осквернять могилы, их не остановило. Чем была бы Англия, если бы двести лет не грабила Индию? Поездите по Индии, будете не раз над этим задумываться...

Гид прокричал что-то хриплым голосом. Звук поднялся кверху, несколько раз повторился, он держался, не таял секунд пятнадцать, не меньше.

Внутри мавзолея находятся, если можно так выразиться, символические могилы. Тела умерших захоронены внизу, в подвале.

Мы пробыли возле мавзолея столько, сколько смогли. Одним словом, пока он, наш гид, не дал нам понять, что пора. Иначе сорвется программа, а это для гидов — трагедия.

Мы покорились. Из-под красноватой арки в последний раз взглянули на Тадж-Махал. Нет, честное слово, он ничего не весит!

На обратном пути, уже в самом городе, в центре маленькой площади мы увидели постамент, а на нем бюст, неизвестно чей, потому что бюст был обернут материей и перевязан веревкой. Правда, кто-то уже успел повесить на него гирлянду цветов.

— Это кому памятник?

Водитель остановил машину. И оба — водитель и гид — внимательно поглядели на неизвестного, спрятавшегося под материей.

— Раньше тут торчал какой-то англичанин, — сказал гид.

— Его скинули... — добавил водитель. — И теперь, я слышал, собираются поставить... — Он назвал Шиваджи, вождя одного из индийских народов, маратхов, возглавившего борьбу против Великих Моголов.

Спустя некоторое время мы ехали во дворец Великих Моголов, в форт. Его красные стены высотой в 21 метр возводили при Акбаре. При нем строили крепко, надолго. И главным образом из камня. Это уже потомки Акбара занялись мраморным украшательством.

По пути мы опять увидели памятник в состоянии реконструкции. Здесь уже не бюст был обернут

покрывалом, а фигура в рост. Опять произошел аналогичный разговор.

Я. Это кому памятник?

Гид (водителю).

Давай остановимся и подумаем.

Водитель (остановил машину). Ну, я остановился.

Гид (водителю). Это кому памятник?

Водитель (открыл дверцу, сплунул). Правительству!

Гид (водителю). Они все правительству, но какому именно?

Водитель (философски). Наверно, снесли кого-нибудь из старых, а теперь ставят кому-нибудь из новых.

Гид (оборачиваясь к нам). Кому, по-вашему, здесь поставлен памятник?

Водитель включил скорость, и мы поехали в форт. Тут было чем любоваться. Зал для публичных аудиенций, зал для частных аудиенций, дворец Джахангира. Сохранился трон, но на нем теперь снимаются туристы. Сохранились эффектные галереи, переходы и... дыра. Очень нужная дыра в каменном полу. Дело в том, что при Джахангире всем заправляла его жена. У нее был простой способ прекращать дискуссии. Тот, кто с ней не соглашался, падал в эту дыру, а оттуда прямым ходом оказывался в реке Джамне уже в виде трупа.

Неподалеку от зала для частных аудиенций сохранилось чудо мраморной красоты — скромное жилище, построенное при Шах Джахане для Мумтаз Махал, той самой леди из Таджа. Восьмиугольная мраморная башня с внутренним двором, выложенным восьмиугольными мраморными плитами. Вокруг резные мраморные решетки, скрывавшие красавицу от нескромных взглядов тех, кто оказывался вблизи дворца.

С этой башней связана история, весьма грустная. Именно сюда заключил Аурангзеб своего отца, Шах Джахана, когда захватил императорский трон. Шах Джахан провел здесь семь лет. Отсюда он смотрел на реку Джамну, по которой, если подняться вверх, можно прибыть в Дели. Отсюда был хорошо виден Тадж-Махал. Заключенный мог глядеть на него и вспоминать счастливые дни, проведенные с любимой женой. Правда, потом у него испортилось зрение. Он уже не видел Тадж-Махала. Но тут сын пришел ему на помощь. В стену вделали увеличительную бриллиантовую линзу с таким расчетом, чтобы в ней отражался далекий мавзолей. И теперь умирающий Великий Могол часами стоял у стекла и смотрел на отражение. (Несколько веков спустя и этот бриллиант украли англичане.)

В том, что Аурангзеб заключил отца в тюрьму, нет ничего особенного. С царской точки зрения, он поступил гуманно. Тюрьма была красивая, мраморная. С пейзажем. Все-таки единственная тюрьма на свете, откуда виден Тадж-Махал. Аурангзеб позволил отцу держать при себе любимую дочь, которая скрашивала ему тягостные дни, а после его смерти распорядился похоронить в Тадж-Махале и не поскупился на мрамор и драгоценные камни. Наверно, на похоронах Аурангзеб расчувствовался, может быть, прослезился, вспомнив, как отец держал его на коленях и дарил золотые игрушки. Наверно, рассказал приближенным, как любил отца, которого, к сожалению, пришлось изолировать от общества, поскольку тот проводил неправильную политику — не разрушал индуистских храмов и вообще всячески попустительствовал местному населению.

В царских семьях принято убивать близких родственников. Какую страну, где были цари, императоры или короли, ни возьми, всюду можно сыскать точно такие примеры. Поэтому монаршие персоны всегда стояли перед дилеммой: иметь детей

или не иметь? С одной стороны, надо род продолжать, а с противоположной стороны — подрастет дитя, и берегись!

Мы, конечно, постояли в мраморной тюрьме. Нам было хорошо. Нас никто не собирался здесь задерживать на семь лет. Отсюда Тадж-Махал был виден отлично. Вечерело уже, и Тадж-Махал...

Все-таки как его описать?

Я знаю: монумент любви Тадж-Махал — это поэма из камня, мечта в мраморе. Сейчас, к вечеру, его купол был облаком, опиравшимся на воздушный трон. В Тадж-Махале можно найти все, что хочешь найти. Он начат Титанами, а закончен Ювелирами. Это ледяная буря, содеянная руками человека...

Два мертвых города

В Агре мы жили в английском отеле, то есть в отеле, который до сих пор держат англичане.

Это дорогой отель с садом, с плавательным бассейном и площадкой, где можно загорать. Центральное строение украшено белыми колоннами. На веранде расставлены столики. Здесь заказывают коктейль, чай, кофе. Вдоль стен — киоски с сувенирами. Один из нас купил кинжал в деревянных ножнах. После этого нам все время предлагали ножи в деревянной оправе, кожаной, костяной, серебряной, еще какой-то. Стоило это гроши. Ремесленников много, а сбыта нет. У входа в сад дежурил юноша со связкой блестящих браслетов. Подделка под драгоценности, но выполнена прекрасно. И тоже стоили гроши. А на веранде другой юноша «с рук» торговал змеиной кожей. «Кобра, сэр». А услышав русскую речь, обращался по-русски: «Змея, сэр» или «Черепашка, сэр», и тоже очень дешево. Некому продавать!..

От колоннады в ресторан вел узкий коридор. В нем висела на стене под стеклом бесценная реликвия — благодарственное письмо английской королевы. Когда-то она посетила Агру, удостоила этот отель высокой чести — отобедала в нем. Наверняка здесь с ног сбились, чтобы угодить Ее Величеству. И угодили. Из Лондона пришло письмо с гербом. Его повесили в коридоре, где мало света, чтобы бумага не желтела.

Один из хозяев, поменьше ростом, дежурил за стойкой портье, где принимали посетителей. Другой, покрупнее, помассивнее, действовал в ресторане в качестве метрдотеля. Днем он появлялся в ливрейной курточке с лоснящимися лацканами, а вечером переодевался в черный костюм, такого же рокового

возраста, что и владелец. И официанты, как на подбор, были старые.

И по стенам висели старые картины. На них березки, стога сена, затянутые трясинной болотца. Скучные картинки сомнительного художественного качества. Тоска по родным местам... А за столиками — иностранные туристы, больше туристки, и тоже, как правило, старые. Точнее, древние. Хозяева отеля отлично ладили с ними. Явно испытывали взаимную симпатию. Туристы, конечно, жалели хозяев: вот куда забросила судьба, а уехать нельзя. Бизнес здесь, привычка здесь. А дети, конечно, уехали. Для хозяев же отеля эти старые женщины — ниточки от другой жизни. Тут-то ниточка в сорок седьмом обрезана. Какие они в сущности теперь хозяева?

Номера были расположены в длинных одноэтажных постройках. Современные номера. Эр-кондишн. Горячая вода. И телефон.

На стенах коттеджей по трафарету выведено: «Ноу типпинг!», что значит «Не оставлять на чай!» А сколько

получает слуга в отеле? Сорок рупий? Ну, пятьдесят, то есть ровно столько, чтобы не умереть с голоду, и ровно столько, чтобы не быть сытым. Нет, не надо фарисействовать, надо оставлять. Потому что эти монетки помогут семье продержаться! Ну, это так, между прочим...

Отель был тихий. Тихий. Тихий. И никто громко не разговаривал. И во всем был идеальный порядок. И во всей этой тишине и во всем этом идеальном порядке было что-то от вымирания...

На следующее утро мы выехали из отеля на громоздком ярко-синем «додже» и сразу попали в адский шум базара. Зазывали торговцы, кричали разносчики. Наш водитель без перерыва сигналил. Машина занимала как раз всю ширину улочек. Более неудачного автомобиля для Агры придумать было нельзя. Почему мы не разрушили ни одной лавки и не сбили десяток велорикш, остается тайной. Но то, что, поездив на этой машине несколько дней, можно оглохнуть, это истина. Гудок на машине был поставлен с таким расчетом, чтобы перегудеть шум улиц и рев базара.

Базар — это горы фруктов, горы желтого шафрана, горы тканей. Тысячи маленьких лавочек с громкими названиями. Тысячи продавцов, которые орут. Тысячи покупателей, которые тоже шумят, но почти ничего не покупают. Базар — это повозки, запряженные красавцами буйволами. Рога у буйволов покрашены в зеленый или в розовый цвет, иногда на них надеты золоченые набалдашники, а глаза подведены синей краской. Базар — это парикмахерские, это лавки, виноват, кабинеты врачей. На одном было написано: «Хирург и физиолог». Хирург, он же физиолог, сидел на терраске и читал газету. У его ног на его терраске расположилась деревенская компания, чай пила. А возле ступенек собрал толпу фокусник.

Неподалеку мы увидели другую вывеску: «Зубной врач». У зубного врача был пациент. Он сидел в кресле для пыток на виду у толпы, рот его был раскрыт, в глазах застыл ужас. Обычная картина. Но тут врача окликнул кто-то, может быть приятель. Врач сказал больному: «Не закрывать» — и вступил с приятелем в медленную приятную беседу. А клиент застыл с раскрытым ртом. Наша машина, застряв в одна тысяча триста двадцать второй раз, долго стояла возле «кабинета» врача. Водитель без перерыва сигналил. На его сигналы никто не обращал никакого внимания. Продавец гуавы, маленьких зеленоватых плодов (его товар был у него на голове в тазу), продал нам их с килограмм. (Потом в отеле мы их съели с перцем и солью.) Зубной врач все еще разговаривал с приятелем. Оба смеялись. Я вспомнил, как в детстве доктор Зарецкий говорил мне: «Не закрывать!» — и шел слушать последние известия. В Агре несчастный клиент все сидел с открытым ртом, как я в далеком детстве...

Мы долго пробивались сквозь базар. Еще я запомнил гору медных кувшинов, начищенных до блеска, гору

глиняных кувшинов возле лавки с надписью «Отель Агра». И почему-то возле палатки со сладостями точно такая же палатка, и в ней продают... шарикоподшипники. А рядом... фотопленку «Орво» из ГДР...

Мы выбрались на загородное шоссе и, все так же сигналив, поехали по направлению к Фатхпур-Сикри, городу победы, а теперь Мертвому городу, индийскому варианту Помпеи. Правда, Фатхпур-Сикри не пережил извержение вулкана, и в нем никто не погиб. В городе просто не было воды, и люди ушли из него. И вот уже сколько веков стоит он покинутый...

Мы проезжали мимо деревень, удручающе бедных, с земляными домиками, с открытыми дворами, в которых уныло жевали буйволы или белые брахманские быки с длинными рогами. Иногда возле деревень располагались табором лохары. Стук, стук, стук... Лохары — это кузнецы, наследники гордых лохаров, которые из века в век ковали оружие. Больше четырехсот лет назад враги напали на их город Читторгарх, жители его дрались до последнего. А женщины не сдались врагу и сожгли себя заживо. Тогда-то и дали обет лохары не жить под крышей, пока не освободят родной город. В 1955 году Неру во главе праздничного шествия вошел в Читторгарх, символически возвращая его гордым воинам и гордым кузнецам. Неру призвал лохаров к оседлой жизни, но и сегодня больше ста тысяч кузнецов странствуют по Индии.

А вот над маленьким одиноким домиком развевается цветной флаг. Такие флажки встречались нередко, это означало, что в доме жил святой. Позже, в Мадрасе, мне удалось послушать святого...

Где-то уже на подходе к Фатхпур-Сикри глазам нашим представилось мрачное зрелище. Слева от дороги пировала стая огромных черных птиц.

«Пожалуйста, стоп!» — закричал я водителю. Тот перестал гудеть, остановился, и я выскочил с фотоаппаратом, услышав при этом: «Какая гадость, грифы!»

Черными сюртуками, голыми старческими шеями, обрамленными пушистыми воротниками, крючками-клювами они напоминали судебных Домье. Им подфартило, грифам, пал верблюдов. Отходил, а точнее, отбегал свой верблюжий век, лет тридцать, может, сорок. Теперь у грифов был банкет. Те, которые наелись, сидели в сторонке, вцепившись в землю короткими когтями, подремывали. Какая-то собачонка, наверно, из ближайшей деревни, затесалась в самую середину, суетилась, лаяла, грифы на нее — никакого внимания. Те, которые еще кутили, энергично работали клювами, длинные шеи их надувались и изгибались от удовольствия, даже крыльями взмахивали грифы.

Я подошел совсем близко, нацелил аппарат. Но от отвращения рука дрогнула, и диапозитив (я снимал на диапозитивную, обратимую пленку) вышел бракованным. Какая все-таки дрянь эти грифы! Недаром их презрительно именуют стервятниками. Ну конечно, дрянь. Никого не убивают. Падаль едят.

Я вернулся в машину, и мы поспешили убраться подальше от грифов. Когда же часа через три мы возвращались, птиц уже не было и в помине, на земле лежал скелет верблюда, будто разделанный препаратором из зоологического музея...

Фатхпур-Сикри, город былой славы, был виден издалека. Он поднялся на скалистую возвышенность, и красным крепостным стенам потребовалось пробежать семь миль, чтобы принять город под защиту. У строителей его был превосходный материал — красный песчаник. Его использовали во многих местах, и Фатхпур-Сикри отличало не это, а мужественная простота, величие, совершенство.

Императорские строения сохранились лучше всего остального. Это понятно: их строили основательно, фундаментально, прочно. Как и везде у Моголов — зал для публичных аудиенций с большим каменным двором, где Акбар осуществлял юриспруденцию — кого казнил, кого миловал, кого награждал. Потом еще один каменный двор, и в нем загадочное здание, высокое, узкое, украшенное башенками. Оно смотрелось как двухэтажное, но представляло собой, собственно, один этаж. Внутри оказалась резная колонна, геометрически правильная, как бы каменный стебель, который кверху распускался пышным каменным цветком. Здесь Акбар принимал доверенных лиц и иностранных послов. Отсюда он выходил поиграть в шахматы. Для этого часть двора вымощена плитами двух цветов: черными и белыми. Задолго до Ботвинника и Смылова Акбар любил играть живыми шахматами. Во все времена приятнее смотреть на юных красавиц, нежели на деревянного или костяного ферзя.

Сохранилась спальня Акбара с каменным ложем, поднятым на двухметровую высоту. Тут и сейчас было прохладно: спальня расположена так, что ее постоянно обвевал ветер — эр-кондишн XVI века. Сохранилось множество зданий с арками из камня, с резными гирляндами над входами, тоже из камня, и самого различного назначения — дворцы, мечети, помещения для жен, помещения для служанок, конюшни для верблюдов, для слонов.

— Леди и джентльмены! — кричал нам гид. — Не расходитесь, господа! Прошу всех леди и всех джентльменов держаться ко мне поближе, чтоб всем было хорошо слышно.

Нас было-то леди в количестве одна и джентльменов — в количестве два. Видимо, гид привык работать с большими группами и привычка сидела в нем глубоко-глубоко.

— Леди и джентльмены! — Голос гида звучал хрипло, как голос из мегафона. — Не теряйте меня из виду! Фатхпур-Сикри построен при Акбаре в 1570–1580 годах и находится в двадцати трех милях от Агры. Сейчас мы посмотрим «Дворец для игры в прятки». Здесь Акбар прятал по постелям драгоценности, а жены их искали. Очень веселая игра, если учесть, что жены были, ну, как бы сказать, легко одеты.

Иногда император со всем гаремом отправлялся кутить в причудливый пятиэтажный дворец. Внизу он держится на восьмидесяти четырех колоннах, уже на следующем этаже их остается пятьдесят шесть, а на самом верху — только четыре тонкие колонны, заботливо упрятанные под купол.

— Леди и джентльмены! — автоматически волновался гид. — Не стойте у самого края, у вас может закружиться голова. побыстрее, господа, нам еще многое надо посмотреть. Прошу вас. Поторопимся...

В одном из зданий лежали предки наших железобетонных перекрытий, здоровенные каменные плиты. Они и сейчас годились бы для дела. На плитах чистили перышки зеленые попугаи. Потом они с визгом взлетали и мчались, неожиданно похожие в полете на реактивные истребители.

Сохранилось и здание библиотеки, где Акбар собрал когда-то редкостную коллекцию рукописей. Их было несколько десятков тысяч. Суть, конечно, не в количестве, а в том, что, по утверждению некоторых историков, император Акбар не умел ни читать, ни писать. Это не помешало ему, однако, стать великим государем. Он правил чуть ли не пятьдесят лет и сотворил немало: пытался возродить единую Индию, примирить непримиримые религии на основе новой «божественной веры», он женился на раджпутской княжне и тем доказал свои симпатии к гордым индуистским князьям, он женился на итальянке Марии

Мазани, чем доказал, что не чужд культуре Адриатики, он женился на дочери турецкого султана, напомнив, что он — мусульманин. У него было несколько сот жен, а наложниц еще больше. Это был жизнерадостный и любознательный человек. Португальские иезуиты писали, что он «интересовался многими вещами и обладал глубокими знаниями не только в области политики, но и в области техники». (И мавзолеем Акбара в Сикандре пощадила судьба: он целехонек, в саду у мавзолея сеют пшеницу.) Имя Акбара встречается чуть ли не во всех книгах об Индии и всегда с заслуженными лестными эпитетами.

Годы правления его отмечены подлинным расцветом искусства. Именно при нем жил великий музыкант по имени Тансен. Именно при дворе Акбара работали художники, которые создали школу могольской миниатюры. Такие отличные миниатюры, как, например, «Уставший Акбар», до сих пор репродуцируются многими прославленными издательствами, в том числе нашим издательством «Искусство».

Четырнадцать счастливых лет провел Акбар в Фатхпур-Сикри. На площади возле высоких ворот нас, как и всех, поразила красотой и изяществом мраморная гробница. Очередной шедевр индийских мастеров резьбы по мрамору.

Это гробница Шейха Селима Чишти.

Возле нее было полным-полно туристов. А в центре каменной площади, сидя на корточках, два молодых парня пели пронзительно-грустными голосами песню о принце Салиме. Один подыгрывал себе на барабане, другой старательно раздувал меха фисгармонии. Песня была длинная-длинная, не имела ни начала ни конца, потому что музыканты пели ее с утра до вечера, от первого туриста до последнего и подбирали монетки, на которые надо кормить семью. У одного из них, между

прочим, семеро детей... Вот в вольном переложении содержание песни:

— Император Акбар не испытывал недостатка в женах. Всем были хороши жены, любили его, не устраивали сцен, но, словно сговорившись, рожали ему только девочек. А Акбару нужен был сын для продолжения рода Великих Моголов. Как только родится, сразу уже Великий...

Император Акбар выезжал за пределы форта в Агре, где он тогда жил, то поохотиться, то просто так, покататься. Выезжал он верхом на любимом белом слоне. Хобот слона прикрывала золотая ливрея. На толстых ногах позвякивали золотые браслеты. А над головой у императора был золотой шатер. И вот однажды в маленькой деревне Акбар увидел прорицателя Селима Чишти. За доступную плату тот предсказывал людям, что с ними стряется. Вряд ли Акбар слез с белого слона. Более вероятно, что подозвал прорицателя к себе:

— Скажи мне, когда у меня родится сын?

Прорицатель посмотрел Акбару в глаза, если он их видел. Акбар сидел на слоне, это высоко. А прорицатель был уже не молод.

— Я смотрю тебе в глаза, Великий Император... Значит, так. Сегодня ночью пригласи к себе раджпутскую княжну, и ровно через девять месяцев и один день у тебя родится сын. Я кончил, денег с тебя не беру...

И действительно, в назначенный срок у Акбара родился сын, которого в честь святого Шейха Селима Чишти назвали Салимом. Они очень любили друг друга — Акбар и принц Салим, впоследствии император Джахангир. Только однажды они поссорились из-за уличной танцовщицы, цветка граната Анаркали...

Это опять длинная история. Она уж никак сюда не влезает. Скажу только коротко, что глупая танцовщица предпочла юного принца мудрому старому императору. Чтобы не ревновать и не ссориться с сыном, Акбар ее закопал в землю живой — вот и весь рассказ.

Утверждают, что Акбар построил Фатхпур-Сикри возле той деревни, где жил этот святой. И не случайно его встретил, утверждают другие источники, а нарочно к нему ездил посоветоваться. Но это не имеет существенного значения.

Если гордый и величественный Фатхпур-Сикри посещают туристы, чтобы подумать о былом величии империи Моголов и насладиться строгой красотой города, то к гробнице Селима Чишти приезжают не только туристы. Сюда среди прочих приезжают и женщины, у которых нет детей. Они завязывают шерстяные ниточки на мраморной решетке. И говорят, это помогает независимо от вероисповедания.

Мы долго бродили по Фатхпур-Сикри. Это город, откуда не хочется уезжать. Постояли у старого дерева, склонившегося к самой земле. Его корни ушли под каменную площадку...

Пока не кончилась пленка, я щелкал аппаратом. Компания молодежи играла в карты в беседке, которая словно повисла в воздухе на высоте третьего этажа. Но обувь оставила «при входе»... Прошла мусульманская семья. Он впереди, она с ребенком сзади. Она в чадре. Через плечо транзистор... Продавец воды стоял с ведром и стаканом.

Когда-то Акбар ушел из Фатхпур-Сикри потому, что иссякла вода. И неоткуда было ее взять. Но опять же есть другие историки, которые утверждают, что вода тут ни при чем. Просто, когда святой умер и его похоронили, суеверный Акбар ушел из города, чтобы не тревожить сон умершего.

Все, кто уезжает из Фатхпур-Сикри, поворачивают голову и смотрят, смотрят назад до тех пор, пока город не исчезает из виду. Я бы хотел побывать в нем ночью, когда нет туристов. Нет никого. Только мертвый город, в котором жили когда-то тысячи людей. Были счастливы, были несчастливы. Кому как удавалось...

На обратном пути мы снова окунулись в буйный шум базара. И вдруг в самой толчее увидели свадьбу, точнее, приготовление к свадебной процессии. Верхом на гнедом коне, спокойно глядя поверх толпы, восседал жених. На нем была ковбойская широкополая шляпа, черный пиджак, белая рубаха. Он выглядел бы по-европейски, если бы на лбу не был нарисован красный кружок. Жених сидел прямой и неподвижный, стоически перенося тяжесть цветочных гирлянд, добрый десяток которых висел у него на шее. Конь был тоже убран цветами. И толпа мужчин в черном, приятелей жениха, и музыканты в оранжевой форме — все были в цветочных гирляндах.

А вокруг весело гудел базар. Возле самого коня старик в чалме торговал жареными орехами, развешивая их на старинных весах. Возле лавки женщины выбирали материю на сари. Выбирали не торопясь, перебрасывая через плечо красочные полотна. Мальчишки, радуясь удаче, приплясывали вокруг свадебной процессии, неожиданно грянули трубы, но и те не могли перешуметь радостного детского крика. Мальчишки хохотали и что-то пели.

Невесты мы не видели. Ей не полагалось здесь находиться. Ее еще прятали дома.

— Поедем в отель? — спросил гид.

— Нет! — сказал Руководитель делегации. — На английское кладбище.

— Куда? — удивились мы все.

— На христианское кладбище! — повторил Руководитель. Он был начальством, его слова были распоряжением, и гид начал советовать. Полбазара включилось в дискуссию, где находится это кладбище. Вскоре уже спрашивали: кто умер?..

Наша неуклюжая машина долго плутала по улицам и переулкам, пока не очутилась возле длинного грязно-черного забора. Само кладбище, как и наш отель,

содержалось в порядке. Но памятники потеряли первоначальную форму и цвет. Мрамор был в каких-то потеках, из белого стал серым. А песчаник — здесь из него было множество памятников — из красного превратился в черно-коричневый. «Незабвенному мужу от тоскующей Бетси. До скорой встречи».

Надо полагать, они уже встретились наверху (или внизу, смотря откуда глядеть). И там, наверху или внизу, им здорово обидно, что здесь царит запустение — дорожки не присыпаны галькой, на клумбах нет цветов, надписи стерты, родственники не приходят, ящерицы ползают. И не водят сюда туристов. Вот забрело трое чудаков и с ними гид. Гид, обычно такой разговорчивый, и то молчит. А ведь здесь лежат положительные люди. Они неплохо зарабатывали в Агре и переводили кругленькие суммы на текущие счета в Лондоне, Бирмингеме или Глазго. Памятники ставили навечно, а оказалось — нет. Эти трое и гид ходят с унылыми, постными лицами, не побыли и десяти минут, а уже шагают к выходу, точно зря потеряли время.

Нет, не зря. Наш Руководитель подал неплохую идею — посетить это кладбище. И увидеть еще один мертвый город. В отличие от Фатхпур-Сикри он не войдет в историю как достижение творческой мысли...

Поздно вечером мы пошли слоняться по Агре, просто так, без гида и без дела. К вечеру Агра, как Старый Дели, запахла пережаренным растительным маслом. На одной из ближайших к отелю улочек загремел патефон. Пластинки сменяли одна другую, и музыка не смолкала потом до утра. Возле дома дерево под названием «ним» было иллюминировано маленькими разноцветными лампочками. И тут свадьба! Начался сезон свадеб. Здесь, где патефон, дом невесты. Она сейчас сидела за занавеской, ждала жениха. Ей приносили подарки. Если приходила супружеская пара,

женщину допускали к невесте вручить подарок, в это время мужчина вкушал угощение. Двое мужчин, по-нашему шаферов, поехали на велорикше за женихом, держа на коленях большие фонари. Фонари были зажжены. Два светящихся круга стали удаляться, потом превратились в точки и наконец исчезли в глубине темной улицы. Жениха привезут только под утро. Привезут на лошади, украшенной цветами. Нам объяснили, что лицо у жениха будет закрыто. Тогда почему днем на базаре лицо у жениха было открыто? Непонятно, но интересно.

Мы двинулись дальше. Нас сопровождал эскорт велорикш. Переводчица разговаривала с ними так:

— Большое спасибо за внимание. Извините, нам не нужно.

Тогда они отъезжали. На одном перекрестке компания велорикш играла в карты. На столбе было написано: «Велорикши. Сервис круглосуточно». Велорикши живут максимум тридцать три года. От непосильного труда начинается эмфизема легких, потом туберкулез.

Торговали сладостями. Торговали орехами. Торговали бананами. Апельсинами. Мандаринами. Сладкими лимонами. Возле какого-то офиса, похожего на мастерскую, на коврике перед дверью спала собака. Не уличная собака, хозяйская. Спит на коврике. На

вывеске были имена, потом написано «и компани», потом «лимитед».

Мы купили орешков. Очень вкусные орешки. Мы долго гуляли. И лавочки с фонарями нам нравились. И горожане, которые, как это часто бывает на юге, почему-то не спали ночью, а ели сладости и пили чай, тоже нам нравились. И даже запах казался нам симпатичным. Мы вглядывались в темноту, и нам виделись очертания Тадж-Махала и Фатхпур-Сикри, города Победы, который практически невозможно увидеть из Агры. Не хотелось возвращаться в отель. Навстречу нам попался мальчишка лет восьми, он по-хозяйски шел посередине улицы и распевал во все мальчишечье горло:

— Пусть ветер коснется губ твоих...

Пользуйтесь услугами «Индиэн Эрлайнс»!

В наш век от авиации некуда податься. Нет человека в Советском Союзе, который не видел бы рекламы «Пользуйтесь услугами Аэрофлота!». У нас она особенно необходима, потому что другой авиакомпании нет, а летать надо.

В Индии внутренние рейсы обеспечивает компания «Индиэн эрлайнс» — индийские воздушные линии. Когда мы вернулись из Агры, выяснилось, что нам надо срочно лететь в Мадрас, в столицу тамилгов. Это прекрасно, но как же Калькутта? Как же знаменитый театр Утпал Датта? Мы еще в Москве хотели посмотреть «Шторм на море» о восстании бомбейских моряков или другую прогрессивную пьесу — «Раскаленные угли».

О поездке в Калькутту не может быть и речи. Там беспорядки, говорили нам хозяева, там стреляют на улицах, а мы вовсе не хотим, чтобы по ошибке попали в вас. Да, вы должны были сначала лететь в Калькутту, а потом в Мадрас. Теперь вы напрямик отправляетесь в Мадрас.

Волнения в Калькутте были связаны вот с чем. После того как правящая партия Индийский национальный конгресс потерпела здесь поражение на выборах, к власти в штате Западная Бенгалия пришла коалиция левого фронта. Коалиция возникла не по единству политических взглядов, это было формальное объединение противников Национального конгресса. Вскоре коалиция практически распалась. Надо было назначить новые выборы, но вместо этого центральное правительство назначило главного министра штата, что

было прямым нарушением демократии. В Калькутте вспыхнули волнения.

Одна из главных трудностей, с которой сталкивается и центральное правительство и правительства отдельных штатов, связана с проблемой общегосударственного языка, отсутствие такового сильно тормозит экономическое и культурное развитие страны. Центральное правительство стремится заменить английский язык языком хинди. Его понимают, главным образом на Севере, более 150 миллионов человек.

Вообще же в Индии четырнадцать языков получили по конституции статус официального языка штатов (всего в стране 232 языка и диалекта — это по статистике). В Мадрасе, например, говорят на тамили, в южном штате Керала — на малайялам, в Бомбее — на маратхи и гуджарати. Житель Мадраса равно не понимает делийца с его хинди и уроженца Калькутты, для которого родной язык — бенгали. К тому же у каждого языка своя письменность. Крупные торговые фирмы имеют по 14 пишущих машинок с различными шрифтами (13 основных языков плюс английский).

О роли хинди как языка межнационального общения записано в конституции. Однако в штатах, где не говорят на хинди, эта идея зачастую встречает сопротивление.

В поисках выхода правительство предложило, чтобы каждый индиец изучал родной язык, хинди и английский. Но это предложение не удовлетворяет сторонников хинди. Кроме того, в Дели, в Агре, в других городах не раз вспыхивали волнения, вызванные употреблением английского языка.

В Калькутте мы так и не побывали. Наш Руководитель утешал себя тем, что увидит театры Мадраса, а позже — Бомбея. Он еще не оставил мысли ознакомиться с театральной жизнью вплотную.

Мы приехали на аэродром рано утром, за полчаса до вылета. Первое, что мы услышали, было объявление по радио:

— Вылет задерживается!

Диктор выдержала паузу и внесла поправку:

— Вылет задерживается ненадолго!

Мы знали, что такое ненадолго в гражданской авиации, и расположились поудобнее на мягких диванах.

Через некоторое время выяснилось, что вылет откладывается, так как нам не на чем лететь. Самолета нет. Он еще не прибыл из Бомбей и прибудет с минуты на минуту. А затем без задержки махнет в Мадрас. Самолеты все время летают по треугольнику Дели — Мадрас — Бомбей — Дели и наоборот: Дели — Бомбей — Мадрас — Дели...

Мы спокойно сидели часа полтора. Потом принялись осматривать аэродром. В нем обнаружилось несметное количество обслуживающего персонала. Явно сказывалась тенденция занять как можно больше народу. И поэтому многие работали, ничего не делая. У справочного бюро толпилось порядочно пассажиров, которые, как мне казалось, ничего не могли узнать толком. Я тоже протиснулся и спросил, что с нашим самолетом. Мне ответили «спасибо» и «вы скоро улетите». Рядом со справочным бюро находилось бюро страхования имущества и жизни. Это как-то настраивало перед полетом.

Мы изучили в книжном киоске названия пятидесяти пяти романов Агаты Кристи, которые продавались там в дешевых изданиях. Осмотрели сувениры в сувенирном киоске. Про наш самолет ничего не было слышно. Улетел самолет в Калькутту, куда нас не взяли. Значит, погода летная.

Мы приехали на аэродром рано утром. В двенадцать тридцать нас пригласили к ленчу. Мы уселись за

длинным столом вместе с другими жаждущими подняться к облакам и недурно поели. Предварительно официанты осведомились у каждого, кто вегетарианец, а кто — нет. Мы были — нет... После этого объявили посадку на Бомбей. Выяснилось, что мы не расслышали и съели чужой ленч. Потому что отлетавших в Мадрас позвали в другой зал и... там снова стали кормить тем же ленчем. Ленч из трех блюд был тот же, и официанты те же. Официант посматривал на нас, ничем не выдавая внутренних чувств. Но я знал, что он видит в нас людей, которые готовы есть в любом количестве, лишь бы за счет индийских авиакомпаний. Однако он просчитался: вторая еда в нас не влезла. Мы сидели за столом и изучали большую картину, которая занимала напротив целый простенок. На ней изображалась лирическая сцена из жизни Великих Моголов. Было полным-полно красавиц, а сам император выглядывал из окна. Но самое интересное в этой картине были две обрамлявшие ее кулисы. Слева на большой вертикали по высоте, равной картине, было написано «Леди», справа — «Джентльмены».

Это вообще был замечательный зал. В нем находилась огромная карта мира, призывающая летать самолетами компании «Эр-Франс». На этой карте не было названий городов, их заменяли рисунки. Поглядев на карту, можно было понять, что в нашей стране в Москве есть Кремль и церкви, в Ленинграде — Медный всадник, на севере ездят на оленях и т. д. Рядом с картой располагался еще один киоск сувениров с сенсационной надписью «Андетейкер». Что хотели этим сказать, вообще понятно. Надпись была над киоском, сверху. Те, кто ее писал, знали, что «анде» значит «внизу», а глагол «ту тейк» — «брать». Вот они и написали — берите, мол, внизу, т. е. покупайте. Но понимающие по-английски шарахались от киоска в сторону, и их перед вылетом бил озноб. Дело в том, что

«андетейкер» значит по-английски «гробовщик». Одним словом, похоронное бюро. Это было похлеще, чем бюро страхования в главном вестибюле.

После повторного ленча по радио объявили, что наш самолет почему-то вместо Дели оказался в Лакхнау. Зачем он там оказался, нам не объяснили.

Лакхнау — это на юго-восток от Дели, приблизительно раза в два дальше, чем Агра. То ли летчикам захотелось посмотреть знаменитые розовые сады Лакхнау, то ли они давно не были в его знаменитом Государственном музее. А может быть, у них росли дочери, и они решили присоединить свои голоса к голосам участниц женской конференции, которая там проходила и на которой женщины Индии выражали протест против традиции давать за невестой большое приданое. Кстати, один из руководителей профсоюза почтово-телеграфных служащих в Дели рассказывал нам, как ему трудно собрать деньги — тысяч десять надо сколотить, — чтобы дочь могла выйти замуж...

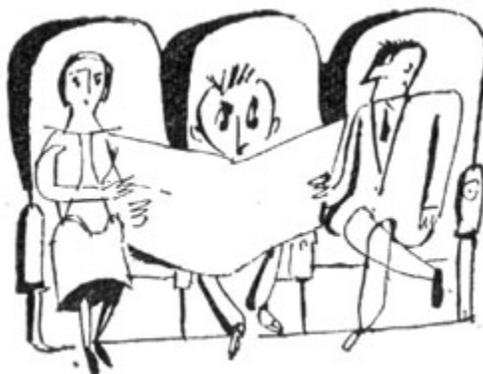
А может быть, летчики совершили в Лакхнау вынужденную посадку, может быть, вообще самолет разбился, и нам не хотят сообщить об этом. Разные мысли приходят в голову на аэродроме, когда рядом лавка гробовщика!

Наконец в половине четвертого нам объявили, что мы вправе покинуть аэродром. Мы свободны до восьми вечера. До свидания. Спасибо. Пользуйтесь услугами «Индиэн эрлайнс»...

И все-таки мы улетели в Мадрас около одиннадцати часов вечера. Улетели на прекрасном французском самолете «Каравелла», который много лет трудится на индийских линиях. В этой машине тихо-тихо: двигатели укреплены сзади, летит она плавно и, как говорят, всегда долетает до нужного пункта или до какого-нибудь Лакхнау, но, главное, долетает.

...Под нами сверкнул огнями ночной Дели. Сверху казалось, что город прекрасно освещен. На самом деле это не так. Стюардессы в синих сари, высокие, эффектные, подобно всем стюардессам мира, раздали конфеты, а потом стали разносить газеты. Они бесшумно двигались по кабине. Сари, как и положено, открывало на пояснице бронзовую полосу спины.

Я робко взял газету: боюсь печатных изданий, которые предлагаются на большой высоте. Я развернул газету... вот: «Авария трех самолетов». Мне захотелось скомкать газету, вместо этого я, разумеется, лихорадочно прочел заметку. В ней сообщалось, что в Калькутте на аэродроме тягач, который тащил на поводке самолет, врезался в два других. Ах, на земле... Я облегченно вздохнул. А мы — в воздухе. Здесь спокойнее, здесь нет тягачей.

Другая газета. Что в ней? Ага. В самолете, который летел из Мадраса на Цейлон, в воздухе открылась дверь. Самолет благополучно вернулся в аэропорт. Пассажиры не успели замерзнуть... Что у нас с дверью?

Не вижу, дверь от меня далеко.

Я вспомнил, как несколько лет назад летел самолетом бразильской компании «Васп». В воздухе мне предложили журнал с цветным фоторепортажем о гибели самолета фирмы «Вариг». Особенно впечатляла

кукла — она целехонькая валялась среди обломков. Совершенно естественно, что следующий рейс я совершал на самолете компании «Вариг». Я немедленно попросил стюардессу дать мне журнал с репортажем о гибели самолета фирмы «Васп».

Стюардесса покраснела:

— В нашей компании это был единичный случай, а вот у фирмы «Васп» машины бьются регулярно.

Знакомый корреспондент, провожавший нас на аэродроме в Дели, не нашел ничего лучшего, как рассказать перед самым вылетом такую веселую историю. Она произошла в Индии. Однажды самолет, на котором летел корреспондент, сильно встряхнуло и он предпринял отчаянную попытку камнем свалиться вниз. В это время летчик находился в салоне и беседовал с пассажирами. Это любимое времяпрепровождение индийских летчиков — ставить машину на автопилот и покуривать в салоне, проверяя нервную систему пассажиров, которым, представьте, не нравится кататься на аэроплане без летчика. Так вот, перепуганный летчик успел добраться до штурвала, сумел выровнять машину и с грехом пополам посадить на ближайшем аэродроме. Оказалось, в машину угодила орел!

Все эти истории и еще масса других хорошо вспоминаются в воздухе. До Мадраса 2400 километров. Мы летели два часа двадцать минут. За это время я вспомнил еще, как лет пять назад в проходе между сиденьями появилась сияющая стюардесса и весело объявила:

— А мы идем на вынужденную посадку. Мы попали в тучку.

Мы глянули в окна и увидели безоблачную синь.

Началась паника.

Через десять минут та же стюардесса объявила:

— Тучка рассеялась. Мы не будем делать вынужденную посадку. Спасибо за внимание!

Приятно, например, лететь через океан. Особенно приятно, когда хорошенькая тоненькая стюардесса учит пассажиров надевать спасательный пояс (это на тот крайний случай, если самолет вздумает свалиться в воду) и еще объясняет, как пользоваться свистком. Когда будешь болтаться в океане на спасательном поясе, надо свистеть, привлекая внимание.

Но чье?..

В Мадрас мы долетели без приключений. И в этом рейсе и во всех последующих с нами ничего не приключилось, хотя мы летали потом не только на «Каравелле», но и на машине марки «Фоккефрендшип». По виду она такова, что от нее лучше держаться на почтительном расстоянии.

Мы приземлились в Мадрасе в час ночи. Встречающие нас мучались на аэродроме с самого утра. Им все время обещали, что мы прилетим ну буквально через несколько минут. Приготовленные для торжественной встречи гирлянды из нежно-розовых и

бледно-фиолетовых роз держали в воде, чтобы цветы не завяли.

Тяжелые мокрые гирлянды надели на нас. От усталости, от пьянящего аромата роз кружилась голова, а по спине текла вода. От земли поднималось тепло. В час ночи термометр показывал плюс двадцать пять градусов по Цельсию. Это пятого декабря, в день нашей Конституции.

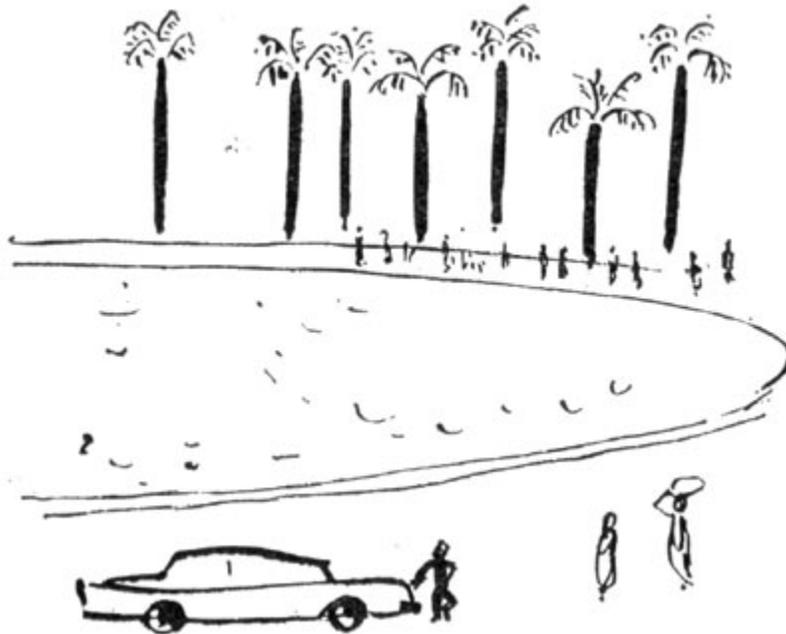
Мы были на 13-й параллели, на восточном побережье Индии, на берегу Индийского океана.

Пользуйтесь услугами «Индиэн эрлайнс»!

На берегу океана

Когда находишься в Мадрасе, не верится, что это город с трехмиллионным населением, четвертый по числу жителей город Индии после Бомбея, Калькутты и Дели. Впечатление такое, будто много маленьких городов переходят один в другой и вместе образуют Мадрас. Это впечатление складывается оттого, что он не делится на центр и на окраины в обычном представлении. Мадрас, столица тропического тамильского края, на много миль распластался по берегу океана. Океан узкими лагунами врезается в город. По краю лагун растут высокие элегантные пальмы. Сравнительно с ними раскидистые баньяны кажутся пришельцами из далеких, давно минувших эпох. Под пышной листвой скрываются мускулистые воздушные корни, уже сверху врастающие в землю. А вначале птицы заносят семена баньяна на какое-нибудь дерево. Баньян прорастает на чужих ветвях, губит приемного отца и собственными корнями прикрепляется к почве. В южной части города растет дерево, в тени которого может укрыться от солнца пятьсот человек! Забавно, что эти причудливые гиганты, когда-то они считались священными и высаживались у храмов, — дальние родственники фикусов, тех самых фикусов, которые наши бабушки выращивают в глиняных горшках.

Индийский океан отстоит от Сауф-Бич-Роуд, широкой современной магистрали, метров на двести — двести пятьдесят. Эти метры заняты песком, желтым и чистым.

В первый раз мы были на Сауф-Бич-Роуд днем. Океан неторопливо подкатывался к желтому пляжу. Точно такой пляж тянулся отсюда до мыса Коморин, самой южной точки на карте Индии. Было тепло, но никто не купался. Опасно. Акулы. Однако в месте, специально выгороженном для купания, тоже никого не было. И открытый бассейн на берегу пустовал, хотя здесь, разумеется, не могло оказаться акул. «Холодно, — объяснил нам господин Минакшисундарам, сотрудник Академии музыки, драмы и танца, поэт и актер. Всю неделю он сопровождал нас по Мадрасу. — В такую холодную погоду у нас никто не купается. Всего тридцать один градус...»

Минакшисундарам (что по-русски значит «быстроглазый красавец») происходит из брахманского рода. Он высок, медлителен и грациозен в движениях, а лицом похож на льва из древнего храма. У него длинные пальцы пианиста. Он скромнен и не говорит о себе, как положено воспитанному человеку, и только однажды прочел нам свои прелестные, полные иронии стихи. В них рассказывалось о том, что жизнь человека

связана с тремя папками: синей, желтой и красной. Красная для срочных бумаг, желтая для докладов по начальству, а синяя для документов, которые вполне могут обождают. Пока человек работает, он все время что-нибудь подшивает в папки и убежден, что это важно. А когда уходит на пенсию, папки закрываются и тоже уходят на пенсию. Их сдают в архив, и никто в них не заглядывает. Человек же, оставшись без них, медленно умирает...

У Минакшисундарам двое детей. «Свадьба, — с гордостью рассказывал он, — была в день полета Гагарина». Жена его по профессии инженер-химик. Но работу по специальности она найти не смогла и устроилась оператором на телефонную станцию. Уже перед моим отъездом Минакшисундарам привел к нам дочерей. Младшая все время порывалась смеяться, и старшая зажимала ей рот рукой, приказывая вести себя как следует. У старшей в ухе висела сережка. Ей исполнилось шесть лет. Она чувствовала себя взрослой, ведь сестренке было всего четыре года...

На Сауф-Бич-Роуд дома возведены только с одной стороны, так что из окон открывается вид на океан. На Сауф-Бич-Роуд мы посмотрели два монумента. Оба принадлежали великолепному индийскому мастеру Д. Р. Чоудхри. Первый — «Гимн труду» передавал невероятное напряжение людей, поднимавших бревна. Напряжение достигало предела. И вместе с тем была в этом мужественная красота. Вторая скульптура изображала Ганди. Ганди, казалось, не стоял на памятнике, а шел, без усталости шагал по земле в поисках правды.

На Сауф-Бич-Роуд можно увидеть не только скульптуры работы Чоудхри. Здесь сохранились и памятники английским королям и королевам. На Юге их не трогают, потому что, как нам объяснили,

памятники — тоже история, пусть трагическая. Это было, и об этом надо помнить.

В конце магистрали расположен форт Сен-Джордж. Низкие массивные стены британской крепости некрасивы и никакой архитектурной ценности не представляют. Пират Френсис Дрейк открыл в этом месте когда-то торговую базу Ост-Индской компании. Возле нее в 1653 году и был построен форт, по сути дела один из главных опорных пунктов, откуда англичане начали завоевание Индии.

Больше чем в трех милях от форта, на другом конце магистрали, португальцы построили католический собор св. Фомы. С годами стены его кое-где почернели, будто обуглились. От этого собор стал как бы двухцветным и приобрел очарование.

Неподалеку от собора св. Фомы находится Академия музыки, танца и драмы. Мы часто ездили туда к писателю и режиссеру С. Д. Сундараму. По стенам рабочих комнат были развешаны изображения богов, портреты классиков тамильской литературы и... портрет К. С. Станиславского.

Как-то, прогуливаясь у входа в Академию, я увидел, что наша машина собирается отъезжать, и поспешил вдогонку. Рядом с шофером сидел служитель и держал на коленях большой белый термос — отправлялись за кофе: надо было кого-то угощать. Я напросился с ними. Мы доехали до собора св. Фомы, повернули в сторону и попали в другой мир, в район Майлапор.

На мой вкус, это самый интересный район Мадраса. И, кстати, чуть ли не самый древний. Он существовал сам по себе как город Майлапор, когда Мадраса не было и в помине.

Мы покатали по прелестным узким улицам. Шофер притормозил возле школы. Была перемена, и во дворе играло множество девочек в школьной форме — бледно-розовых сари. Брызнул дождь, и ученицы с

визгом кинулись в разные стороны. Феерическая картина — серое небо, серые стены школы и сотни нежно-розовых сари...

Навстречу нам попался велорикша. Шофер вывернул руль, и мы потеснились, давая тому возможность проехать. В его коляске восседала красавица — мадрасский вариант «Неизвестной» Крамского. Она сидела прямая и гордая, вздернув круглый подбородок. В ноздре блестела маленькая золотая сережка. Красавица была завернута в желтую ткань с голубыми разводами по краям. Она смотрела прямо на нас и, как положено красавице, не видела нас, не достаивала вниманием. Вслед за велорикшей просеменил обыкновенный рикша (в Мадрасе они еще сохранились). Он вез старуху, которая держала на коленях клетку с попугаем...

Справа остался старый-престарый храм, пирамидой ушедший ввысь. Дождь весело стучал по маленькому искусственному озерцу возле входа в храм.

Потом мы буквально втиснулись в узкое пространство между лавками, в которых висели шелка всех расцветок, всех, какие только можно выдумать, миновали фруктовый рынок и подкатили к крохотному

индийскому ресторанчику, известному тем, что в нем подают прекрасный кофе. Но сегодня кофе не оказалось, не знаю почему. Мы опять принялись плутать по узким улочкам, стараясь найти дорогу между лавками и лежащими в лужах буйволами. На рога их были насажены блестящие украшения, иногда похожие на шишечки с никелированных кроватей, а иногда на наконечники для стрел. Сами буйволы своими лоснящимися лиловатыми телами издалека напоминали бегемотов. Они не сторонились машин, но, когда те проезжали близко, жмурились ласковые глаза.

В индийском отеле мы наконец добыли кофе нужного качества, наполнили термос и поехали обратно. Вся процедура доставки кофе заняла не более часа, и благодаря ей я побывал в районе Майлапор. По возвращении выяснилось, что я ездил за кофе, чтобы угощать... самого себя. Служитель достал чашки, которые хранились в книжном шкафу. Нет, я не зря ездил: кофе был замечательный. И, если понадобится, я с удовольствием поеду за ним хоть сейчас от станции метро «Аэропорт», где живу.

Наверно, почтовый адрес мадрасских рыбаков тоже Сауф-Бич-Роуд. Бамбуковые шалаши их, крытые соломой, лепятся на прибрежном песке между океаном и асфальтовой магистралью. Отсюда на катамаранах (два бревна внизу и два бревна сверху, связанные веревкой) с парусом из обрывка грубой ткани и с расщепленными бамбуковыми палками для гребли отправляются они за уловом. Зарабатывают рыбаки всего-навсего тридцать, ну, сорок рупий в месяц. А если рыба ловится скверно, то и того меньше. Уходят они в море на несколько часов, на день, на два дня, а иногда на несколько дней. Бывает, и не возвращаются. Сколько раз проезжали мы мимо хижин, столько раз видели — женщины смотрят в море...

Нищие рыбацьи хижины и такие же убогие лачуги мусорщиков из касты неприкасаемых резко контрастировали с чистым современным Мадрасом, особенно современным в часы пик, когда город наполнялся автомобилями.

Ездят в Мадрасе по принципу как придется. Главное — развить побольше скорость. Потому что все predetermined, и коль скоро тебе суждено разбиться на машине, то разобьешься, даже если будешь сидеть дома. Вот и гонят так, что дух захватывает.

В центре города специальное табло постоянно напоминает о грозящей опасности. За время нашего пребывания в Мадрасе цифра погибших поднялась со 131 до 137. Газеты сообщали, что в прошлом году на то же число было сто погибших.

Мы предприняли попытку увеличить цифру 137 до 143: нас было шестеро в машине. Водитель пошел на обгон автобуса, который сам шел на обгон. Это на языке нашей милиции называется «идти на обгон третьим рядом». Но — еще одна деталь — нам навстречу, тоже совершая обгон, шел второй автобус. Как мы остались живы, неведомо...

При нас в 75 наиболее опасных местах развешивали знаки «остановись и езжай», по-нашему — «пересечение с главной дорогой». Водитель, подъезжая к перекрестку, обычно нерегулируемому, обязан остановиться, оглядеться и только потом ехать. Штраф за нарушение увеличили в Мадрасе до 50 рупий. Иногда это пятьдесят процентов месячной зарплаты водителя!

А на регулируемых перекрестках в поте лица трудились местные «орудовцы». Останавливали движение, выбрасывая руку, в которой был зажат кружок с надписью «Стоп». «Орудовцы» были в шортах. От тропического солнца голову защищал шлем. (Полицейские тоже в шортах, но на головах у них не шлемы, а тюрбаны, серые в красную полоску.)

После того как развеска знаков была закончена, в первый же день под одним из них сбили зазевавшегося пешехода.

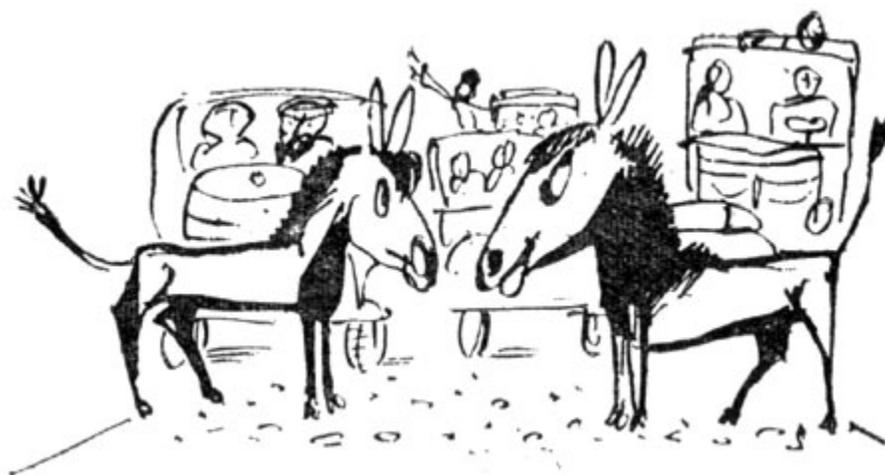
Знакомый мадрасец, дети которого ездят в школу, говорил мне, что он в состоянии давать им деньги на такси, но не делает этого, так как боится за их жизнь. Автобусы в том направлении не ходят, и потому он нанимает велорикшу, который отвозит детей в школу и привозит обратно. Велорикша — наиболее безопасный вид транспорта.

Однажды мы стали свидетелями такой картины. Посреди дороги стояли два осла и вели дружеский разговор. Полицейский пытался усювестить животных: ударить и отогнать их он не смел. Мы возвращались по той же дороге часа через три. И попали в затор. Причиной затора были... те же ослы. Они стояли на прежнем месте. Число полицейских, уговаривающих животных, удвоилось. Теперь на каждого несговорчивого осла приходилось по полисмену, но это мало помогало...

Обычно к ленчу мы возвращались в отель. Я надевал пиджак и шел в ресторан. Я надевал пиджак не потому, что так принято. Просто в ресторане было холодно. Установка для кондиционирования воздуха работала с такой силой, что на улице было тридцать-тридцать один, а в помещении... всего лишь плюс четырнадцать! В моей жизни это был первый случай, когда я, выходя на улицу, раздевался, а входя в помещение, наоборот — поспешно надевал пиджак или джемпер...

Вечером мы снова поехали на берег океана. Светились огнями рекламы кинотеатров. Деревья возле собора были иллюминированы, и светящиеся цифры сообщали, сколько дней осталось до рождества. На Сауф-Бич-Роуд было темно. Здесь нет ни магазинов, ни кинотеатров. Мы подъехали к памятнику Ганди. Шофер развернул машину и поставил ее так, чтобы свет фар

выхватывал из темноты бронзовую фигуру. Теперь Ганди шагал в луче. И ничто не могло остановить его...

Потом мы вышли из машины и по мягкому песку направились к океану. Идти было тяжело, песок мгновенно набился в туфли, но мы не останавливались. Океан притягивал нас. По мере приближения к нему мощный гул все усиливался. Мы медленно подошли к самой кромке песка, о которую ударялся прибой, и сели.

Глаза привыкли к темноте, и при слабом свете луны мы стали различать волны с надетыми на них белыми кружевами. По небу проплывали облака, и казалось, что это тоже волны. Мы обернулись. Сзади была кромешная тьма. Иногда мелькали желтые или красные огоньки, проезжала вдали машина, и снова все становилось черно. Мы были один на один с океаном. Он миловал нас. Он подкатывал волны к нашим ногам, говорил что-то и откатывался назад. Потом волна хлестнула нас по ногам, брызги полетели в лицо и опять стало спокойно...

Это удивительное ощущение — сидеть ночью на берегу океана, который отсюда, от Мадраса, простирается до Австралии и Антарктиды. Отчетливо понимаешь, что сам... это так... капелька воды. Океан,

он ставит человека на место. И тех, которые возомнят о себе, полезно привозить сюда ночью и оставлять на темном берегу...

Океан снисходительно бился о берег, но вскоре ему надоело лениво плескаться. Поднялись крупные волны, и мы позорно бежали.

В старинной индийской книге сказано приблизительно так: и волна — это вода, и океан — это вода. Чтобы волне стать океаном, нужно только пространство и время.

На обратном пути мы заблудились. Луна зашла. И мы долго вязли в песке, прежде чем вышли к машине.

Королевский перстень

— Каковы у вас взаимоотношения между сценаристами и режиссерами?

Когда на дружеской встрече с писателями мне задали этот вопрос, я подпрыгнул на стуле от удивления. Мне показалось, что я не в Мадрасе, а в Москве, в Союзе кинематографистов.

Оказывается, кинодраматурги всего мира обижаются на судьбу. Кинодраматурги сажают в землю зернышко, то есть вынашивают замысел, выращивают саженец, то есть пишут сценарий, а когда с помощью солнца, то есть актеров, на дереве картине вырастают лавровые листья, то их срывает, надевает на себя или кладет в суп режиссер.

Был ли случай, чтобы картину назвали по имени писателя? Например, фильм Чезаре Дзаваттини, фильм Кришана Чандра или фильм Евгения Габриловича? Не было такого случая и не будет никогда ни в Москве, ни в Мадрасе. Картину всегда называли и называют по имени режиссера. Драматург должен утешаться тем, что зрители, делясь впечатлениями о фильме, всегда пересказывают сюжет.

Например:

Маша полюбила Пашу, а Паша уехал в Индию строить лекарственный комбинат.

И почти никто не рассказывает так:

Помните, в том кадре режиссер, повесив в комнате Паши на стенке слева фотографию храма из Махабалипурама, образно намекнул на то, что герой удерет от своей возлюбленной в далекую страну.

Кинодраматургам всего мира следует помнить, что, поскольку именно они выдумывают порох, постольку совершенно ясно, стрелять не им — всегда выдумывает

один, а лавры получает другой. Это случается не только с драматургами.

На то, что критики даже в газете писателей, в «Литературной газете», частенько забывают назвать фамилию автора картины, обижаться не надо. Во-первых, тщеславие — это порок, во-вторых, знакомые заметят, что не назвали, и посочувствуют. Драматург должен быть занят исключительно творческими проблемами и борьбой с режиссером, который переписывает принятый сценарий.

А те кинодраматурги, кому все это не по душе, пусть переквалифицируются в кинорежиссеры, как это сделали Фредерико Феллини, Ходжа Аббас, Будимир Метельников и Даниил Храбровицкий.

Обо всем этом мы говорили на встрече с писателями, которые работают для радиотеатра. Здесь собрались великолепные писатели — Аквилон, Джанаки Раман и многие другие. Радиодраматургия очень популярна в Мадрасе. Телевидения нет. Профессионального театра практически тоже нет. В кино работать тяжело: нужно гнать коммерческую продукцию. Радио — желанное прибежище для драматурга.

Как я выяснил в Мадрасе, нам, советским кинодраматургам, живется лучше, чем нашим индийским коллегам. У нас — редакторы, в Индии — продюсеры. Счет 1:1. У нас — режиссеры, там — режиссеры. Счет 2:2. Но у нас не вмешиваются кинозвезды, а там они диктуют в самом прямом смысле слова. Они, кинозвезды, диктаторы кинопроизводства. Счет 3:2 в пользу наших драматургов. Если же прибавить к этому, что в порядке исключения у нас удастся и опубликовать литературный сценарий, то счет становится 4:2!

На всех пресс-конференциях, на всех встречах с режиссерами, актерами, продюсерами большим

успехом пользовался наш рассказ про кинопробы, про то, что даже знаменитые актеры подвергаются творчески необходимой, но морально уязвимой процедуре — экзамену под названием «кинопроба».

— А если они не хотят? — спрашивали меня.

— Тогда их не снимают! — отвечал я.

Кажется, мне не верили. И так как исключение только подтверждает правило, я добавлял, что, бывает, у нас снимают без проб — Иннокентия Смоктуновского, например, или Евгения Леонова.

Мои слушатели покачивали головами налево-направо, налево-направо — знак вежливого внимания. Меня слушали, но доверия я не вызывал.

Смоктуновского знают в Индии по фильму «Гамлет», а Леонова... по «Полосатому рейсу». В последнее время «Полосатый рейс» и совсем недавно «Спящая красавица» представляли на индийских экранах наш кинематограф. Да, да. До Дели шесть часов полета. Но индийская общественность имеет о нашем киноискусстве, мягко выражаясь, туманное представление. Надо сказать, что мы не остаемся в долгу. Мы тоже мало знаем об индийском кинематографе и часто покупаем далеко не лучшие образцы. Вряд ли советский зритель хорошо знаком с творчеством калькуттского режиссера Сатьяджита Рэя, а это большой художник. Дело не в количестве наград, полученных Рэем на разных фестивалях (его киотрилогия, «Патхер панчали» «Апараджито» и «Апу сансар», получила в общей сложности шестнадцать международных наград), дело в том, что творчество Рэя противостоит бездумным фильмам, наводнившим кинотеатры Индии. Его произведения пронизаны любовью к народной жизни, стремлением глубоко проанализировать народные характеры. Рэй не одинок. Шел у нас фильм недавно умершего Бимала Роя «Два бигха земли» или купленный по рекомендации

Пудовкина фильм «Обездоленные» Нимоя Гхоша. Кстати, мы с ним встретились в Мадрасе, сам-то он, правда, бенгалец. Пудовкин побывал когда-то в тех краях вместе с Черкасовым, а потом с восторгом рассказывал об этой поездке.

В Индии ставятся фильмы на двенадцати языках, а в Мадрасе не только на тамильском, но и на языке телугу. На нем говорят, между прочим, свыше тридцати миллионов человек, по индийским масштабам цифра небольшая.

Первые национальные кинокомпании возникли еще в начале века. В 1913 году состоялся просмотр индийского фильма «Харишчандра» режиссера Дадасахиба Пхальке. Этот фильм имел буквально оглушительный успех. Позже Пхальке создал около ста художественных картин.

Вначале центром индийского кинопроизводства был Бомбей. Однако теперь Мадрас успешно конкурирует с Бомбеем, а по числу фильмов, выпущенных, скажем, в 1967 году, даже обошел его. В том году в Мадрасе было создано сто девяносто семь картин, в Бомбее — лишь сто одна, всего же в стране — триста тридцать полнометражных фильмов. Цифра огромная! Вообще любопытно привести несколько данных:

в кинопроизводстве Индии занято около ста тридцати тысяч человек;

в стране пятьдесят девять киностудий, из них одна государственная и пятьдесят восемь частных;

в стране около тысячи кинокомпаний, из которых триста чисто производственных;

в городе Пуна самый крупный в Азии киноинститут, он готовит режиссеров, сценаристов, операторов, звукооператоров, монтажеров, актеров.

В Индии кинематографу принадлежит особая роль. Миллионы людей безграмотны. Кино для них не только развлечение, но и источник познаний. Однако каких?

Кино могло бы выполнять огромную просветительную миссию, а зрителя пичкают главным образом банальными мелодрамами вперемежку с танцевальными номерами. Фильмы идут длинные, до трех часов. Так что поход в кинотеатр — это дело серьезное. Платят за вход обычно от рупии до трех с половиной рупий. И посещают кинотеатры очень хорошо.

Мы не были на самой известной в Мадрасе киностудии Нага Реди, но побывали на другой — под названием «Джамини». Мы ехали куда-то очень далеко. И всю дорогу нас сопровождала кинореклама: красивые полные молодые люди и красивые молодые женщины с пышными бюстами.

Здание киностудии было построено в стиле модерн. Эффектные белые строения удачно сочетались с веерообразными бананами, кокосовыми пальмами и изящными бассейнами.

Нас прямиком провели в просторный зал и показали картину, особенную картину. Она имела бешеный коммерческий успех, шла на экранах пять месяцев подряд в шестидесяти кинотеатрах! Все сто пятьдесят дней в кинотеатрах было полным-полно зрителей. Картина называлась «Девять ночей». В ней знаменитый актер Шиваджи Ганешан выступал в девяти ролях, в девяти новеллах. Каждая новелла иллюстрировала одно из девяти настроений классического индийского театра. Сюжеты были современные. Шиваджи играл распутника, бандита, доброго доктора, бедного крестьянина, прокаженного и еще четверых. Вначале он появлялся в смокинге, который носить не умел, и принимал торжественные позы. В последующих новеллах он выглядел получше, но сами сюжеты были настолько банальны и примитивны, что нас, не буду скрывать, съедала скука. Мы никак не могли понять, почему Шиваджи — знаменитый актер и почему этот

фильм так нравился? Наконец, Шиваджи появился в облике уличного скомороха. И тут мы сразу забыли про то, что в просмотровом зале нет микшера — регулятора звука и звук «кричит», рискуя пробить нам барабанные перепонки, забыли, что смотрим картину уже больше часа, а секунду назад не могли дождаться, когда она кончится. В роли уличного скомороха актер был неподражаем. Этот полный, неуклюжий увалень, казалось, преобразился. Он задвигался с удивительной грацией. Он танцевал так, словно родился танцовщиком. В нем обнаружился юмор. В нем обнаружилось обаяние... После этой новеллы мы уже по-другому смотрели конец фильма.

Интересно, что одна из газет провела анкету — в какой из девяти ролей Шиваджи понравился больше всего? И подавляющее число зрителей — а откликнулось на анкету триста тысяч или что-то в этом роде — ответило: в роли доброго доктора!

Нам в этом качестве Шиваджи показался симпатичным, но несколько сентиментальным. То, что именно эта роль имела наибольший успех, легко понять. Индийцы — очень добрый народ. И превыше всего ценят в людях доброе, отзывчивое сердце.

После просмотра нас провели в съемочный павильон. В нем работал режиссер Раджаманикам, тот самый, который поставил «Девять ночей» и написал для них сценарий. Огромный, толстый, он походил на добродушного медведя. И хоть он давал на съемке команду «Приготовиться» и ассистент кричал «Сайленс!» (Молчание!), хозяином на съемке был не режиссер, а все тот же Шиваджи. Он играл короля или принца. На нем была короткая золотая курточка, золотые штаны, на голове — золотое украшение ромбовидной формы, может быть, оно объясняло, король он или принц. При нем была очаровательная юная возлюбленная, тоже вся в золотом. (Потом

выяснилось, что у актрисы вчера вышла замуж девятнадцатилетняя дочь.)

Играли эпизод, в котором Шиваджи ссорился с возлюбленной. Он уходил от нее либо уезжал на войну, а она умоляла его не делать этого. Актеры рвали страсть в клочья и одежду на себе тоже рвали. Режиссер попросил повторить. Я думал, что в новом дубле он успокоит артистов. Ничего подобного. Актеры еще прибавили! Ну что же, везде свои вкусы...

Только не подумайте, что сцена носила сексуальный характер. В индийском кино это невозможно. Рядом с ним наш невинный кинематограф выглядит излишне смелым. Покупая американские или французские ленты, индийские продюсеры безжалостно вырезают из них все объятия, поцелуи или рискованные сцены. Может быть, продюсеры поступали бы иначе, но ми один индийский фильм не выходит на экран без цензурного разрешения. Первый кадр любой картины — фото этого разрешения с датой и подписью цензора.

Мы недолго разговаривали с Шиваджи и с Раджаманикамом. Они были вежливы, милы, но мы-то знали, что им некогда, что надо давать метраж. На прощание актер снял с пальца огромный королевский перстень с мерцающим голубым камнем, окруженным бриллиантами (не волнуйтесь, поддельными: других бриллиантов в кино не бывает), и сказал:

— Мне легко дарить — оно ненастоящее, зато чувства настоящие!

Я поклонился Его Величеству и ответил:

— Первый раз в жизни я получаю подарок из рук короля!

На киностудии мы видели еще одну картину, документальную — «Да здравствует Индия!». Шиваджи снимался и в ней, потому что в эту картину были введены игровые сцены.

Он играл в них просто превосходно.

Автором картины, сценаристом и режиссером был наш хозяин и друг, милый, легко смущающийся С. Д. Сундарам. При англичанах молодой Сундарам много лет провел в тюрьме. Там он написал поэтическую драму «Кавийн Канаву». Эта пьеса звучала призывом к борьбе и освобождению. Первый раз она была поставлена в 1944 году. После этого выдержала тысячу пятьсот представлений.

С. Д. Сундарам написал немало пьес. Некоторые из них были экранизированы. В «Человеке и звере» главную роль играл Шиваджи Ганешан. К сожалению, пьесы, как и сценарии, мало интересуют издателей. И С. Д. Сундарам издает их на собственные деньги.

«На это, — грустно шутил он, — уходит все, что я зарабатываю в Академии».

Фильм «Да здравствует Индия!» пронизывала единая мысль — Индия пробудилась, освободилась, и нет силы на свете, которая помешает ей строить новую жизнь!

Когда мы возвращались со студии, был зимний декабрьский полдень и температура поднялась до плюс тридцати двух. В Мадрасе бывает три варианта погоды: «жарко», «очень жарко» и «невыносимо жарко». При нас было просто жарко...

Теперь мы уже узнавали Шиваджи на кинорекламе, но нередко путали его с его главным конкурентом, другой мадрасской кинозвездой, Раджендрой. Над одним из кинотеатров Раджендра стоял вырезанный из фанеры, размером в три или четыре человеческих

роста, лампочка над его головой светилась, как нимб над головой святого.

С Раджендрой мы познакомились вечером на просмотре кинодрамы с его участием. В этой драме были сконцентрированы все беды, которые могут обрушиться на человека. Герой фильма изменил жене (изменял он так: бегал с возлюбленной по песчаной отмели, держась за руки) и за этот грех впал в бедность, потом его по несправедливому обвинению в краже приговорили к смертной казни и казнили — отрезали голову. Жена, которая не переставала любить мужа, от горя лишилась рассудка. Из-за этого произошли всякие ужасные события, в том числе рухнул город и погибли все его жители до одного!

Раджендра — в жизни славный, привлекательный человек — в фильме, само собой разумеется, если страдал, так уж страдал! Если гневался, так уж гневался! А если умирал, то уж так умирал, что у зрителя мурашки по спине бегали!

Законы коммерческого кино! Надо поражать зрителя! Надо устраивать землетрясения! Пожары! Бури!

В этом же фильме был живой комедийный эпизод со змеями, сделанный наивно, но по-настоящему весело. Сущность эпизода в том, что шантажист, получивший корзину денег, случайно менялся корзинами с заклинателем и приносил домой не деньги, а кобр!

Раджендра любезно пригласил нас на свадьбу. Он выдавал замуж свояченицу. Свадьба была назначена на завтра, на... девять тридцать утра. Ничего удивительного. Современные астрологи сверились с гороскопом, и тот показал, что самое удачное время для будущей счастливой жизни — половина десятого утра.

Не знаю, на каком бракосочетании я побывал — по любви или по сговору. Но большинство браков даже в культурных семьях до сих пор совершается по сговору

родителей. Зачастую еще в раннем детстве происходит обручение. Маленькая девочка знакомится с будущим мужем, а мальчик — с будущей женой.

Как-то, это было в Бомбее, я обратил внимание на необычайную нежность и предупредительность, с которой обращались друг с другом уже немолодые индийские артисты. Они женаты четверть века, и у них две взрослые дочери, теперь тоже актрисы. Я позволил себе задать бестактный вопрос:

— Простите, пожалуйста, как вы поженились, если удобно это спросить?

Он ответил, видимо с охотой:

— Когда мне было одиннадцать, а ей четыре года, нас обручили. И мы всю жизнь счастливы.

Он улыбнулся и добавил не без иронии:

— Я знаю, у вас женятся по любви. Но разве у вас все семьи счастливые?..

И все-таки молодежь решительно возражает против традиции, и конфликты отцов и детей — частое явление. Теперь браки совершаются в более позднем возрасте, чем прежде. Юноша должен достичь шестнадцати лет, а девочка — четырнадцати. А совсем недавно родители устраивали свадьбу, когда жениху или невесте было одиннадцать-двенадцать лет.

Мы подъехали к зданию, где происходит торжественная церемония, ровно в половине десятого утра. И с первой минуты я почувствовал себя участником гигантской киномассовки.

Возле здания плотной стеной выстроились любопытные. Чтобы они не ворвались в помещение, вход охраняли дюжие полицейские. Их коллеги регулировали прибытие машин и указывали прибывающим гостям, куда идти.

Вначале я попал в длинный коридор, он вел ко входу в здание и с двух сторон был увит цветами. Гостей встречал сам Раджендра, он уважаемый глава рода и

потому на свадьбе — хозяин. Мне помазали лоб краской, окунули пальцы во вкусно пахнущую воду, предложили сладости, посыпали чем-то сверху, представили жене Раджендры, тоже известной кинозвезде, платье которой сверкало камнями, я думаю, настоящими. Наконец, провели в церемониальный зал.

В зале собралось человек около тысячи. И все глядели на сцену. Она представляла собой возвышение, поддерживаемое колоннами — розовыми с зеленым. Точно такие колонны были на киностудии, где снимался эпизод в королевском доме. С потолка чуть ли не до пола свешивались гирлянды живых роз. Медленно оплывали десятки горящих свечей. В центре сцены сидели в креслах жених и невеста. Жених был в черном европейском костюме, невеста в желтом парчовом сари. Я поднялся по ступенькам, поздравил жениха и пожелал ему побольше детей. Жених встал, и мы обменялись рукопожатием. Подруги невесты на всякий случай собственными телами закрыли ее от меня. Европейцы — народ несмышленный. Вполне могут нарушить этикет и полезть с поздравлениями к молодой. А этого как раз делать не положено.

Мне удалось отыскать место во втором ряду. Возле оказалась девушка лет пятнадцати. Ее косы были оплетены золотой лентой, на конце покачивался золотой помпон. Девушка встала, выглядывая кого-то, и я заметил, что помпон ударил по полу. Подбежала подруга. У подруги тоже была длиннющая коса (не знаю, своя или чужая), на конце позвякивал колокольчик.

В зале стоял легкий гул нетерпения. Где-то в глубине сцены тихонечко играл оркестр. Раджендра то и дело появлялся в дверях, проводя новых гостей. Некоторые из них вешали на шею жениху свежие гирлянды роз. На женихе и на невесте гирлянд набралось столько, что я опасался за их позвоночники.

Наконец оркестр сыграл подобие туша. На сцене появился главный гость — главный министр штата. Все вешали на шею жениха розовые гирлянды, он — желтые с белым. Он сказал в микрофон краткую и выразительную речь. Пока он говорил, у его ног шныряли чьи-то дети, во время всей церемонии они бегали по проходам, залезали на сцену, пытались опрокинуть горящие свечи и кидались сладостями. Их никто не останавливал. Дети есть дети. Все были детьми, это прекрасные годы, не надо их омрачать.

Главный министр недолго поздравлял жениха, молодого инженера, и вскоре заговорил о той важной роли, которую играет в киноискусстве знаменитый Раджендра, порассуждал и об искусстве вообще. Один из моих мадрасских друзей наклонился и пошутил:

— Когда он начинает говорить об искусстве, то для искусства это скверно!

Вслед за министром на сцену потянулись другие ораторы — популярные общественные деятели. Сначала выступали мужчины, потом у микрофона очутилась жена министра продовольствия. А затем один из поздравлявших выгодно использовал ситуацию (он ведь говорил в микрофон и его все слышали) — он пожелал молодоженам детей, таких, как главный министр, — сильных, энергичных и интеллектуальных!

Мы пробыли на церемонии около часа. Речи все еще продолжались. За стол никто не садился по причине отсутствия стола. Мы были не на самой свадьбе, а на том, что ей предшествует, — на официальном торжестве. Когда мы уходили, нам, как на детской елке, вручили целлофановые пакетики. В моем пакетике помещались куколка, немножко шафрану и перец!

Если фильмы выпускаются во все возрастающем количестве и кинематографическая жизнь Мадраса бурлит, то о театральной жизни этого сказать нельзя. Любительских трупп довольно много, а с профессиональным театром дело обстоит неважно. Попытки оживить театральную жизнь в значительной степени связаны с именем писателя и актера С. В. Сахасастраманана. Он один из «столпов» тамильской драмы, основатель школы драматического искусства.

Мы нанесли ему визит. Хозяин встретил нас у дверей двухэтажного дома. Мы сняли туфли и по узкой лестнице поднялись вверх. Здесь уже привычно окунули пальцы в теплую воду, которая пахла духами, и последовали к месту для гостей, к циновке, расстеленной на полу. Перед нами был установлен низкий стол. На столе разложено угощение — маленькие королевские бананы, красноватые в крапинку (лучший сорт), сушеные бананы, лепешки из бананов и, конечно, орехи. А в центре стола высился микрофон.

Старейший мадрасский режиссер Рамайя пододвинул к себе микрофон и представил нас гостям. Судя по его словам, я был по крайней мере Чехов, Эйзенштейн и все советские драматурги в одном лице. Правда, он слегка запнулся, произнося фамилию столь знаменитого человека, но, может быть, для него эта

неизвестная иностранная фамилия была сложна по произношению.

Покончив со мной, добрый человек стал представлять гостей. Их собралось здесь сорок три (я пересчитал). Они сидели на корточках вдоль стен огромного зала с зарешеченными окнами, по очереди вставали, подходили к нам, и Рамайя называл каждого по имени и фамилии.

Нам на шею надели гирлянды из коры сандалового дерева. Тлели сандаловые палочки. Со стен смотрели на нас картины на темы индийского эпоса, а среди них затесалась олеография — русский император Александр Третий и его супруга, бывшая датская принцесса. Наверно, хозяин подумал, что русским гостям будет приятно увидеть русскую картину.

С каждым из мужчин, которого представлял Рамайя, мы здоровались сначала по-индийски, складывая руки лодочкой, это называется «намаете» (так дети складывают ручонки перед тем, как играть в ладушки),

а после по-европейски — жали друг другу руки. Женщин мы приветствовали намаете, улыбкой и легким поклоном. (Женщинам на Востоке не полагается здороваться за руку.)

Начался концерт. Сперва была прочитана, точнее, пропета молитва. Потом в центр зала вышла девушка, описывать которую бесполезно — настолько она была хороша. Высокая, тонкая, она украсила жгуче-черные волосы лиловыми цветами. Она тоже помолилась, затем станцевала приглашение к танцу, потом уже сам танец, действие которого происходило в лунную ночь.

После исполнялись отрывки из пьес, классических и современных. Это тоже было интересно, ибо уровень актерского исполнения был высоким. А потом взял слово хозяин. С. В. Сахастранаман говорил по-тамильски, и я не понял точно, что именно он говорил, но догадывался: в его речи все время мелькали русские фамилии — Ермолова, Станиславский, Мейерхольд, опять Ермолова, Толстой, Горький...

Хозяин дома в 1961 году побывал в Советском Союзе в качестве главы индийской культурной делегации. Пользуясь нашим присутствием, он долго рассказывал гостям о советском театральном искусстве. Потом предоставили слово мне. Первый раз в жизни я произносил речь в микрофон, сидя в одних носках и к тому же на полу. Но я настолько проникся происходящим, что мне казалось — так и надо! И все сошло хорошо. Правда, переводчица крупными буквами заранее написала мне фамилию хозяина, чтобы я ни в коем случае не ошибся в произношении. Однако шпартгалка куда-то задевалась и я произнес не так, как следует. Надеюсь, меня простили...

В Мадрасе мне довелось видеть артиста, про которого я позволю себе сказать «великий». Это было на концерте, который устраивала Академия в память Тьягараджа, поэта, жившего несколько веков назад.

На сцене разложили ковер и на него уселся актер, старый человек, совершенно лысый, крупный, массивный. Уселся он как-то по-особенному, уютно, хорошо. И на слова Тьягараджа он пел часа два, наверно, причем музыканты подхватывали импровизированную мелодию, и еще один парень и девушка подпевали ему. Среди музыкантов был молодой скрипач Джайдраман, уже всемирно известный, скрипку ему подарил Менухин.

В голосе артиста было что-то чарующее. Голос его был странный, с хрипотцой, сильный, могучий. И слушать его было наслаждение.

Зовут великого артиста Бхагаватхар.

В последний мадрасский вечер мы поехали в местное отделение общества индо-советской дружбы. Здесь нас долго спрашивали о советском театре, о советском кинематографе, мы тоже задавали вопросы. И засиделись допоздна. В окна видна была реклама кинотеатра. На ней улыбался Шиваджи Ганешан. Я полез в карман — королевский перстень был при мне.

Невозможно — циклон!

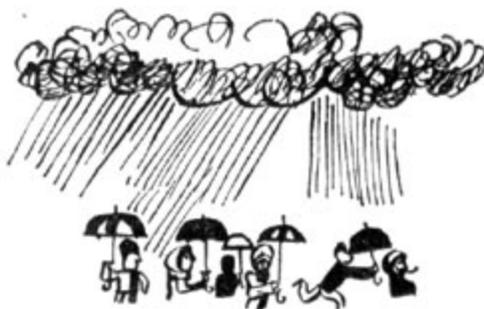
Дело шло к тому, что мы все-таки увидим спектакль. Пьесу написал министр. Это внушало некоторые опасения, однако он написал пьесу, когда еще не был министром, и это внушало надежды. Мы должны были посмотреть еще один спектакль на классическом тамильском материале, и в нем должен был играть наш друг Минакшисундарам...

Но коль не везет, так не везет. Мы не увидели ни первой, ни второй пьесы. Когда уже ничего не могло помешать, природа устроила циклон.

До поездки в Индию циклон был для меня неким теоретическим понятием, за которое прячется Бюро прогнозов, чтобы оправдать свое неведение по поводу внезапной перемены погоды. Вдруг похолодало, и по радио сообщают, что вот циклон прибыл. А он не предупреждает заранее о своем прибытии.

Про тропические циклоны я читал в энциклопедии. Они возникают между пятым и двадцать пятым градусами северной или южной широты. Часть из них развивается в циклоны с ураганной силой ветра — до семидесяти метров в секунду. Отдельные порывы достигают скорости ста метров. В море начинаются штормы. Наиболее часты тропические циклоны летом и в начале осени...

Наш циклон возник в декабре и захватил Мадрас краешком. Те, кто любят ходить по грибы, знают, что попасть под край тучи — значит наверняка промокнуть до нитки...

Наш циклон напоминал вот что: кто-то, неизвестно кто, стоял наверху и с упорством, достойным лучшего применения, в хорошем темпе опрокидывал на Мадрас ведра воды.

Вот уж когда действительно оправдывалась поговорка «Льет как из ведра». Стена дождя стояла между небом и землей. Она дрожала и гудела, потому что ее сотрясал ветер. Ветер пытался сломать стену, но ему это никак не удавалось. Он отыгрывался на крышах домов, на фонарных столбах, на хижинах бедняков.

Дождь лил несколько дней подряд, безо всякой передышки, не прекращаясь ни на секунду, не оставляя никакой надежды на то, что этому будет конец. Стрелы дождя с упругой силой вонзались в асфальт и, казалось, должны были просверлить в нем миллионы дыр. Неба не было видно вовсе. Просто часть серого океана переместилась и повисла наверху, над городом. А та часть океана, которая осталась на прежнем месте, щедро выплескивала на берег тонны воды. Заливала знаменитую Сауф-Бич-Роуд и так, богатырской силы ради, выкинула большой греческий пароход. Он беспомощно завяз в прибрежном песке, но и на песке его качало, как в открытом море.

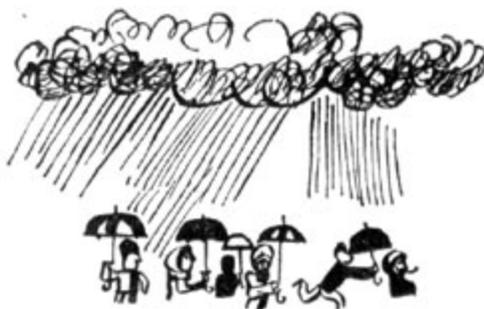
Дождь бил по крыше отеля. Ночью чудилось, что идет ремонт и сотни молотков прибивают новую крышу.

Дорогу, которая связывала город с одним из ближних островов, размыло совсем. На острове были

разрушены дома. Замыкало электрические провода, и вспыхивали пожары. Без перерыва работали спасательные команды.

По улицам Мадраса плыли какие-то обломки, коробки, ящики, корзинки, циновки. Это циклоном в очередной раз разбило жилища свипперов — мусорщиков из касты неприкасаемых.

Автобусы продолжали ходить. Пассажиры высаживались из них, оказываясь по колено или по пояс, в зависимости от роста, в воде. Легковые машины тоже ходили. Тормозные колодки у них намокали, и останавливались машины с трудом. Велорикши брели по воде, измученные и мокрые. Они не могли позволить себе такую роскошь — не работать в циклон. А дождь лил и лил, и бил ветер, мокро хлестал по лицу, вырывал из рук зонты; надо было ходить согнувшись, чтобы не упасть.

В довершение ко всему температура держалась плюс тридцать один. Дышать было нечем. Вместе с остатками воздуха в легкие проникали капельки дождя.

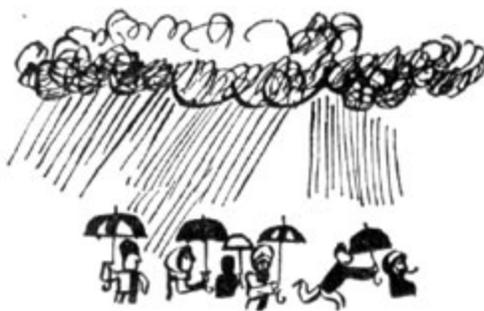
Газеты печатали карту распространения циклона и подробные сообщения о жертвах и разрушениях.

Циклон нанес урон и нашей делегации. Заболел Руководитель. От перемены температуры, от чрезмерной влажности, словом, от тропиков стало пошаливать сердце и поднялось давление. Наши

гостеприимные хозяева начали возить к больному врачей.

Врачи приезжали несколько раз в день, брали анализы, измеряли давление и изучали показания электрокардиографа. Но этим они не ограничились. Они повезли нашего Руководителя в больницу, чтобы часть анализов проделать в клинических условиях. Там они предприняли попытку оставить больного в клинике на неопределенный срок, вылечить от всех болезней, явных и тайных, и даже... заново прооперировать аппендицит. Аппендикса давно уже не было, его удалили лет двадцать назад, если не больше, но местным хирургам шов показался некрасивым... Больной оказал сопротивление и из больницы удрал. Врачи не ослабили усилий и строго следили за тем, чтоб пациент не вставал с постели и принимал лекарства во все возрастающем количестве.

В разгар циклона в Мадрасе появились афиши, возвещавшие, что город осчастливила своим прибытием советская футбольная команда «Жальгирис» из города Вильнюса. Футболистов расселили в нашем же отеле. По утрам можно было видеть, как неустойчивые ребята выскакивали на зеленую лужайку и там под ливнем бегали, прыгали, кувыркались, а вратарь раз за разом падал в большую лужу. Было ясно, что футболисты готовились к игре и никакой циклон не мог остановить их спортивный порыв.

При команде обнаружился доктор. Плотный мужчина с широкими плечами и тяжелой походкой человека, которого вырубил из камня. Глядя на него, в голову могла прийти мысль, что, заболел кто-нибудь из защитников, доктор подменит его. Нападающие противника столкнутся с доктором, и их унесут с поля.

Футбольный доктор тоже пришел посмотреть нашего Руководителя.

— Ну что? — спросил он. — Болеете?

Больной был вынужден сознаться, что да, дескать, случилась такая беда.

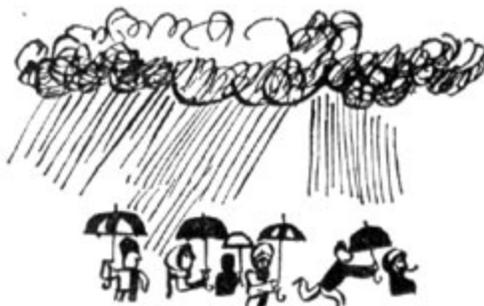
— Чем болеете?

Больной прозрачно намекнул, что медицине виднее.

Доктор с этим согласился, выслушал больного и сказал:

— Вполне может быть воспаление легких и бронхит тоже, а может, что-нибудь с сердцем, а может, просто перемена климата. Чтобы установить диагноз, надо сделать двести анализов...

— Местных лекарств я не знаю... — продолжал доктор. — Но от витамина С вреда не будет. Мы всегда даем его футболистам перед игрой...

Спустя несколько дней индийская профессура установила: больной транспортабелен. Мудрое слово, которое в данном случае означало, что нашего

Руководителя можно и должно отправить домой, на Родину. А продолжать путешествие и оставаться в тропиках ему противопоказано.

Мы проводили Руководителя на аэродром и посадили в самолет, который летел в Дели. Мы нагрузили больного человека письмами и наказом незамедлительно по приезде вручить эти письма родным. Мы распрощались с грустью, ибо уже привыкли друг к другу и успели подружиться. Писатель Сундарам набросил на плечи уезжающему цветную шаль, а на шею надел гирлянду из сандала. Запах сандала не исчезнет и будет напоминать о Мадрасе.

К моменту вылета дождь поутих, «Каравелла» взмыла в воздух, и мы остались без начальства.

На аэродроме я встретил футболистов. Они ждали самолета в какой-то маленький городок. Сыграть в Мадрасе им не удалось — циклон! На стадионе можно было играть в водное поло, но никак не в футбол. Для меня, футбольного болельщика, их отъезд был очередной неприятностью, причиненной циклоном.

Потом мы снова встретились в Бомбее. Здесь мне опять не повезло, и на стадион я не попал: матч был назначен как раз на то время, когда мы покидали город. А в центре, чтобы нас поддразнить, висела афиша: «В Бомбее играет „Жальгирис“, лидер советского футбола».

Выступая в ответственной роли нашего футбольного лидера, литовцы оказались на должной высоте: чуть ли не все матчи они выигрывали с одинаковым счетом 6:0! В Индии футбол, конечно, популярен, но не так, как травяной хоккей. В этой игре индийцы были и чемпионами мира и чемпионами Олимпийских игр. И матч по травяному хоккею мне не удалось посмотреть. Правда, в Мадрасе я видел мальчишек из миссионерской школы. Они шли на урок физкультуры, и каждый нес в руке клюшку. Миссионер-индеец тоже нес

клюшку. На стадионе в Бомбее несколько минут я наблюдал за тренировкой местных чемпионов. Они мчались по полю на таких скоростях и так владели клюшкой, что мне казалось, будто старшиновская тройка вдруг очутилась здесь...

Советские спортсмены дружат с индийскими и часто сюда приезжают. Незадолго до нашего прибытия здесь побывали наши борцы. Советские теннисисты регулярно выступают на открытом первенстве в Индии и даже выигрывали его. А в Национальном институте спорта в Патиале (штат Пенджаб) работают советские тренеры. Один из них, Николай Такайшвили, был тренером сборной Индии по спортивной гимнастике...

Циклон внес существенные поправки в нашу мадрасскую программу.

Мы приехали в Государственную художественную школу, она была закрыта — циклон.

Мы должны были поехать в город тысячи храмов, иначе его называют «золотой город» — Канчипурам. Говорят, это город неслыханной красоты, но дорога к нему была непроезжей — циклон.

Нас позвали в гости в очень интересный дом и отменили приглашение — циклон.

Наш милейший Минакшисундарам никак не мог попасть к себе в Академию. Улицу заливало водой. Он добирался по... трубам, которые случайно лежали вдоль дороги. Минакшисундарам нырнул в одну из них и так пропутешествовал целую милю. Циклон! Белую одежду, отороченную золотой полоской, которую носил Минакшисундарам, надо было менять ежедневно. А стиральщик не пришел — циклон! Мы вместе добрались до магазина и срочно купили новую одежду.

Мы не смогли подняться на маяк и поглядеть на Мадрас с высоты — циклон!

Мы не встретились с министром, с которым должны были встретиться, — циклон!

Мы не смогли побывать на портовом рынке — циклон!

В газете была напечатана новая реклама оборудования для эр-кондишн. Она начиналась так: «Погоду трудно предсказать и невозможно контролировать. Погода внутри дома — другое дело. Если вы собираетесь строить дом и даже в циклон иметь в нем хорошую погоду...»

И наконец, только циклоном можно объяснить такое:

«Волны возмущения против нескромности женской одежды вызвали к жизни организацию «Фронт скромности», которую возглавил священник Фр. Фаустино Соуза.

Фронт будет бороться за соблюдение следующих правил:

1. Шея не должна быть слишком открытой, то есть никаких декольте.

2. Нижняя линия должна закрывать колени (т. е. никаких миниюбок).

3. Рукава должны закрывать локти.

4. Платья не должны облегать фигуру, дабы не было намека на то, что надето под платьем.

5. Сари следует носить так, чтобы ни спереди, ни сзади не было видно голого тела».

Бедный Фр. Фаустино Соуза! В циклон ему стало невмоготу бороться с соблазнами.

Но циклон кончился так же внезапно, как и начался. И новая организация, может быть, распадется.

Бедняки принялись латать крыши и стены хижин. Все имущество их сушилось на заборах или на тех же крышах.

Птицы тоже сидели на крышах, распускали крылья, высушивали их, чтобы снова научиться летать.

На прибрежной полосе рыбаки восстанавливали свои жилища и спешно спускали на воду катамараны. А детишки бродили по песку и собирали ракушки.

Улицы, дома, одежда — все просыхало под палящим солнцем. Туман стоял над Мадрасом. Дышать было

нечем. Но настроение было отличным — циклон
кончился! Кончился циклон!

Интермедия со змеями...

Побывать в Индии и ничего не написать про змей, значило бы нарушить традицию. Все, кто посетил эту страну, рассказывают или пишут про заклинателей; про змею, которая заползла в квартиру, но случайно никого не укусила; про змею, которая оказалась в бассейне, потом из него спустили воду и выяснилось — это не змея, а длинный кусок черной резины...

Первый раз я встретил заклинателей змей в Агре. На зеленой лужайке в тени под деревом расположилась какая-то компания. Завидев, что останавливается машина, четверо (наверно, была их очередь) бросились к ней. Двое несли в руках корзины, третий был оплетен тугой лентой буро-желтого цвета, а четвертый, казалось, мчался просто из чистого энтузиазма. Когда они подбежали ближе, я понял, что третий, который нес тигрового питона (а может быть, это была исполинская ная или еще какая-нибудь гадость), не справлялся с тяжестью, и четвертый держал змеиный хвост.

Первые двое сели на корточки, поставили перед собой плетеные корзины и достали из-за пазухи дудки. У одного она была простенькая, коричневая, а у другого разноцветная с серебристыми украшениями. Потом они сняли с корзин крышки и задудели, что было сил. Сначала показалась змея у заклинателя с простенькой дудкой. Она подняла над корзиной круглую голову, в центре которой были нарисованы очки. Оттого ее называют очковой, или попросту коброй. Правда, по зоологии это не голова, а расширение шеи. Из этого расширения показался раздвоенный язык, и змея стала слегка покачиваться из стороны в сторону. Ее язычок играл со струей воздуха, выходившего из флейты. Другая змея ни за что не хотела работать. Она чуть

высунулась из корзины, но то ли мы ей не понравились, то ли силы ее уже были на исходе, то ли не было у нее актерского настроения — словом, она спряталась обратно. Хозяин продолжал дудеть, змея не вылезала. Хозяин дудел изо всей мочи, казалось, лопнут оба — и он и дудка. Змея чуть приподняла голову-шею, хозяин изловчился и как даст ей по этому месту! Выяснилось, что змеи не любят, когда их бьют. Она поднялась как миленькая и принялась покачиваться и играть языком. Правда, змеи не шипели и не кидались на хозяина или на нас...

В том, что заклинатель бьет кобру, не боясь быть укушенным, нет ничего особенного. Ядовитые зубы у змеи выдраны. Без зубов же ей кусаться нечем. Так что каждый может стать заклинателем, если научится дудеть и... выдирать у змей ядовитые зубы. Следует учесть, правда, что змея оказывает сильное сопротивление. И что у нее в отличие от людей удаленные зубы вырастают снова. И надо не прозевать этот момент. А в остальном спокойная профессия...

Те, которые были с питоном, хотели показать нам изумительное зрелище: питон душит человека. Но мы были не кровожадны.

Когда заклинатели вдоволь надуделись, показался еще один маэстро. Он тащил на поводке упирающегося симпатичного зверька, мохнатенького, похожего на большую белку.

— Мангуста! — закричали заклинатели нестройным хором.

За демонстрацию кобр мы заплатили. Теперь за несколько дополнительных рупий нам предлагали еще одно зрелище: бой мангусты со змеей. Маленький бесстрашный зверек кидается на змею и в жестокой схватке прокусывает ей голову. В этой схватке девяносто девять шансов у мангусты и только один у кобры. Кобра, представляющая для человека такую

опасность, для мангусты — обыкновенная еда. А павлины, например, тоже ловко бьют кобр острыми клювами, как наши куры бьют гадюк...

Просто так, «лицом к лицу», мы со змеями не встречались...

Но однажды, это было в Мадрасе, мы поехали в Академию музыки, драмы и танца. Двухэтажный особняк, где она разместилась, окружен прекрасным садом, который выходит к морской лагуне. Я пошел гулять по саду, любясь деревьями, травой и ослепительными тропическими бабочками — пределом мечтаний московских коллекционеров. Вдруг раздался отчаянный крик. Наш милый хозяин, писатель Сундарам, увидел меня в саду. Не понимая причин паники, я медленно повернул обратно. Как выяснилось, я гулял по известному змеиному месту. Здешний сад кишмя кишел ядовитыми гадами. Правда, змея никогда не нападает первой, предварительно нужно на нее наступить. Очевидно, я не наступил. Перед тем как напасть и цапнуть, змея закидывает назад голову, выдерживает паузу и только потом выбрасывает вперед переднюю половину тела. Во время этой паузы можно успеть прочесть начальные слова молитвы. Больше я не гулял по садам...

Советское консульство в Мадрасе тоже расположено в неплохом особняке с садом. Время от времени туда приглашают «дударей». Они дудят, змеи выползают из нор, заклинатели хватают их за хвосты и переправляют в мешки. Осенью выловили дюжину кобр, а при нас — двадцать пять. Причем двадцать пятая была уже дохлой. Она погибла при попытке проникнуть в дом через установку для кондиционирования воздуха. Ее победила техника.

Во дворе консульства живет дикий мангуста. Когда змей отлавливают, он остается без прокорма и переходит на колбасу.

Если все это правда и змей действительно ловят при помощи музыки, возникает естественный вопрос: можно ли в Мадрасе пользоваться магнитофоном?

Змеями принято пугать всех приезжих. Один мой знакомый с серьезным видом объяснял: в отеле одеяло подворачивают с боков под матрац, чтобы не забралась змея. И слуга, который заходит в номер вечером, смотрит, не заползла ли кобра, и, если находит ее, просит удалиться.

Змей в Индии обычно не убивают. В Кочине рыбаки при нас выловили в сетях ядовитую морскую змею. (Однажды мне довелось видеть, как она плавает, гордо подняв над водой тонкую голову.) Они ее не убили, а взяли палку, расщепленную на конце (у нас на юге такими палками снимают с дерева груши), подцепили змею и отправили обратно в море.

В Индии змеи священны. Они живут в храмах и, говорят, безобидны. Они уничтожают мышей и крыс. Рассказывают, что в некоторых деревнях крестьяне держат ручных змей, которые пьют молоко и ловят мышей, как кошки.

Но есть у кобр еще одно свойство, что дает им возможность в какой-то степени конкурировать с

мавзолеем Селима Чишти в Мертвом городе. Дело в том, что, по народному поверью, человек, который убьет кобру, не будет иметь детей! В музее Мадраса можно увидеть древние «змеиные» камни. Их устанавливали под священным деревом те, у кого не было детей. Раз нет детей, значит, в предыдущем рождении они прикончили кобру и теперь замаливают грехи (по индийской религии, человек рождается много раз. Но про предыдущие жизни ничего не помнит)...

В Агре я упал. Примитивно и некрасиво упал в номере, когда складывал чемодан, и растянул мышцу на спине. Я кое-как доплелся до машины. Потом с трудом перебрался в поезд и вышел в Дели полным инвалидом. Меня начали одолевать всякие грустные мысли. Утешало лишь то, что с моим другом и постоянным соавтором Эльдаром Рязановым приключилась в Бразилии аналогичная история. Он, правда, и на этот раз перещеголял меня — упал не в номере гостиницы, а роскошно свалился на бетон у новейшего достижения архитектуры. Он получил растяжение мышц, и его вылечили втираниями випратокса, препарата, содержащего змеиный яд. Мне тоже купили випратокс, я растер им спину и наутро был почти здоров, а после второго растирания вовсе забыл про неприятное происшествие.

Поэтому я присоединяюсь к призыву, который был опубликован в газете «Известия»: «Берегите змей, особенно ядовитых».

Очевидно, в этой главе следует рассказать и о настоящей интермедии со змеями, которая разыгрывается обычно в середине августа в деревне Ширала, в двухстах пятидесяти милях от Бомбея. Существует предание, что жители Ширалы обладают наследственным иммунитетом против укуса кобр. Когда-то, очень давно, в Ширале жил святой, который считается основателем иммунитета.

Праздник называется Нааг Панчами. Мужчины отлавливают сотни кобр и приносят их к храму. Разумеется, живыми. Причем каждый из мужчин старается добыть как можно больше змей.

Женщины надевают на себя лучшие одежды, приносят в храм глиняные блюдечки и кувшины с молоком. Над головами живых кобр наливают в блюдечки молоко и предлагают им угощение. После долгого богослужения кобр (тех, которые не расползлись) относят в поле, и там опытные мастера показывают традиционные представления. Наверно, играют на свирелях, а змеи «танцуют». Я пишу «наверно», потому что, по счастью, на этом празднестве не был. Но то, что поздно вечером, когда уже совершенно темно и не видно, в какую сторону змеи направятся, их всех отпускают, это совершенно точно...

Нисхождение Ганги

В наш электронный, космический, кибернетический, сверхскоростной век мы постепенно разучились поражаться, все принимаем как должное.

Архитектура нас тоже не потрясает. Сидя дома у телевизора, попивая, ну, скажем, томатный сок, мы спокойно взираем на творения Казакова, Палладио и Оскара Нимайера. «Ну и что?» — говорим мы. «Корбюзье спланировал город Чандигарх. Посмотрите, пожалуйста», — приглашает нас ведущий передачу. Мы смотрим на голубой экран и в этот же момент едим творог, который полезен человеческому организму и от чего-то предохраняет. Мы смотрим на экран и делаем замечание сыну, чтобы он наконец оставил свой нос в покое. Телевидение прочно вошло в нашу жизнь, расширило наш кругозор и сделало нас образованными в мировом телевизионном масштабе. Телевидение было последним этапом в разрушении человеческой эмоции, которая называлась когда-то «удивление, смешанное с восторгом». Из туристских поездок никто не шлет теперь восторженных писем. Пишут обычно так: «Были в Венеции. Очень симпатичные каналы. Только вот пахнут... Посетили могилу известного художника Тициана. Катались на гондолах. Гондола — это лодка без весел, лодочник-гондольер держит в руках шест. Помнишь, мы видели его в передаче Клуба кинопутешественников, которую ведет товарищ Шнейдеров. Еще мы ели лепешки с сыром. Да, на мосту Риальто я купил кофточку тебе и кофточку дочке, зеленую...»

Телевидение — это великая сила. Теперь оно стало цветным. Скоро картины Рембрандта, Веронезе, Ван-Гога, Серова станут «транслировать» в цвете. И тогда

мы перестанем удивляться поразительному красочному богатству великих мастеров.

Нет, нас не удивишь. И мы гордимся этим. Мы верим в торжество разума, который расщепил атом. Да, кто-то расколол атом, как грецкий орех, а кто-то написал собрание сочинений. Оно вышло в зеленых переплетах и называется собрание сочинении Рабиндраната Тагора. Каждому свое. Мы отдаем должное, но не удивляемся.

В первый день после циклопа мы поехали в Махабалипурам. Есть такое местечко под Мадрасом. Гостеприимные хозяева собирались пас удивить. Мы вежливо помалкивали, зная, что этого не произойдет...

По дороге возле рынка мы увидели святого. Нормальный святой с длинными спутанными волосами и в мятой рубашке. Он говорил речь. Я попросил остановиться и послушал.

Вот что он декларировал:

— Возьмем электричество. Что это за явление? Это — энергия. Она, энергия, проявляется по-разному: в роторе крутит машину, в холодильнике дает холод, в лампочке — свет и так далее. В конечном счете, — продолжал святой, — электрический ток — это движение материн. А что такое материя? Она все, она бесконечна, не имеет ни начала ни конца. Точно так же наша религия. Она все, она бесконечна, не имеет ни начала ни конца. И проявляется по-разному...

Даже святые на окраине Мадраса не забывают, что живут в век техники.

В Махабалипурам вела прекрасная асфальтированная дорога, сорок миль ровно на юг, вдоль берега океана. Дорога иногда сворачивала в сторону, но потом, чтобы не сбиться с направления, опять возвращалась к воде. Впрочем, после циклона вода держалась и на полях. И пальмиры — долговязые пальмы с голым стволом и хохолком зеленых волос на самом верху — стояли по щиколотку в воде. Это

полезные деревья. Их почки едят, как овощи. Из стволов и соцветий гонят ароматное вино под названием «тодди». Очень вкусное. А из древесины делают массу нужных вещей.

Мы ехали по естественному ботаническому саду. Тут росли арековая пальма, из орехов которой добывают главную часть для бетелевой жвачки, кокосовая пальма. Плоды, еще зеленые, наполненные тягучим соком, на мой вкус приторно-сладким, свисали с нее, как украшения. Кое-где орехи стали уже желтыми и годились на то, чтобы из семян выжимать масло, остаток пустить на корм скоту, из твердой оболочки изготавливать домашнюю посуду и даже настольные лампы. И на многое другое годятся орехи и сами пальмы. Их используют больше чем в двухстах случаях. И даже музыкальные инструменты делают из пальм. Их чуткий ствол вобрал в себя говор моря и шелест ветра. Встречались и другие растения, названия которых мы не знали.

Одна за другой мелькали деревни. Сравнительно с деревнями на Севере они выглядели богаче, но, когда мы вглядывались повнимательнее, обнаруживали потресканные глиняные стены и ветхие крыши. Возле домов, вроде бы на завалинках, сидели старухи и, прикрыв лица анчалами, верхней частью сари, так что видны были только морщинистые лбы и углы глаз, пристально смотрели на проезжающих. На полях с мотыгами в руках работали семьи. От стариков до детей. Участочки маленькие, а семьи большие. Земли не хватает, и на благодатной почве низкие урожаи: нет здесь ни машин, ни удобрений! То и дело попадались крестьяне, которые на длинных коромыслах тащили пальмовые ветви. Значит, строили или ремонтировали дома.

Миновали рыбаков. Это про них когда-то кто-то невесело пошутил, что одеты они в чалму и в носовой

платок. Их темные тела от сочетания с белым казались еще темнее. Они вылавливали рыбу, которую в циклон занесло в узкие лагуны.

Проехали странную деревню, где работали портные, числом восемь. Наружных стен в домиках не было, и взору открывались крохотные комнатухи, в которых портные бодро наяривали на швейных машинах. Что они шили? Кому?

Потом нас остановили какие-то люди с плакатом «Пейте кока-колу!». Дорогу преграждал патруль. Кока-кола отличный напиток, но нельзя же заставлять его пить насильно. Оказалось, студенты-медики организовали больницу для бедных. Средств нет. Они на дороге торгуют кока-колой, зарабатывают на содержание больницы.

На шоссе было оживленно. Мы обгоняли автобусы — линия № 19/А, 19/В, 68. В одном месте пришлось дать изрядный крюк в сторону: дорогу размыло циклоном. По кочкам гордо вышагивали белые цапли. На асфальте грелись вороны. Шофер их аккуратно объезжал. Объехал он и собаку, которая лежала как раз посередине шоссе и выглядела мертвой. Вдруг мертвая собака встала, сделала несколько шагов и снова легла — спать хотела. По пути наша машина выполняла различные дополнительные функции. Помогала высушивать мешки, разложенные на асфальте, — проехала по ним. Давила какие-то колосья, то есть работала в качестве молотилки. Как нужна техника индийскому крестьянину!

Мы добирались до Махабалипурама около двух часов. Проскочили центр маленького городка, даже не городка, а скорее поселка, и через минут пять остановились на каменном пригорке. Прямо перед нами росли пальмы, сквозь них внизу виднелся океан. А слева и справа громоздились одна на другую серые гранитные скалы.

Надо было вылезать. Солнце палило нещадно. Я пожалел о том, что не купил в Москве белую кепку или картузик, как у велосипедиста. Перекинув через плечо аппарат, я проверил еще раз в кармане блокнот и шариковую ручку, лениво поднялся и, хотя никто не указывал мне, куда идти, сделал несколько шагов вправо...

Первое впечатление было... Даже не знаю, как его описать. Представьте, вы устали, не выспались, потому что пришлось рано вставать, хотите пить, вы понятия не имеете об этих исторических памятниках да и перевидали их достаточно (одним больше, одним меньше). И вдруг все это, словно надпись на школьной доске, разом стирается. Вы начинаете жить будто в другом измерении, забываете о себе, забываете о других. Вы испытываете потрясение. Выходит, рационализм двадцатого века не сумел вытравить из вас все живое. И сейчас вам хочется смотреть и смотреть... и кружится голова...

Передо мной на глубине ну три четверти метра оказалась расчищенная каменная площадка. И на ней кто-то когда-то играючи вырубил из скал фигуры животных и маленькие изящные храмы. Помните, Роден говорил, что профессия скульптора весьма проста: надо взять глыбу мрамора и отсечь все лишнее. Вот эти неизвестные гении пришли, увидели скалы и отсекали лишнее. Среди камней, среди осколков гранита (видимо, не успели убрать), среди желтого песка остались на века пять игрушечных храмов высотой двенадцать-тринадцать метров.

Каждый из храмов, их называют «ратхами», украшен изумительно. Здесь и колонны, и маленькие львы, охраняющие вход, и десятки фигур в нишах — гордые мужчины и пленительно изогнутые женщины. И так стоят они в тишине, в этих каменных дворцах, на каменном распадке тысячу двести лет. Дуют ветры,

гонят желтый песок, льют тропические дожди. Приходят поколения, уходят поколения. Уже давным-давно нет дравидийских императоров Паллавов, при которых воздвигли все это. И про Паллавов иностранцы, как правило, даже не слышали: их имена можно повстречать только в исторической литературе и в путеводителях. Да и тем, кто приезжает сюда, в Махабалипурам, в общем-то все равно, при ком это построено.

Впрочем, тысячу двести лет назад некоторые сильные мира сего имели вполне сегодняшние слабости — были хвастливы и тщеславны. И, может быть, догадывались, что потомкам надо о себе напомнить. Император Мамалла Нарасимхаварман повелел среди статуй богов установить собственную статую и обозначить, чтобы потомки прочли. Он это делал не зря. Вот я, например, упоминаю его имя, а о тех, кто превратил обыкновенные скалы в произведения искусства, не знает никто. Такова историческая справедливость...

Четыре ратхи, изящные пирамидки с плоской крышей, стоят рядом, а пятая — чуть в стороне. Ученые выяснили — одна из них посвящена богине Дурге. Рядом лежит огромный каменный лев, собран и напряжен, готов к борьбе. Возле другой ратхи спокойно отдыхает бык. Тут храм Шивы. У третьей замер, ждет команды слон. Это храм бога Индры. Лев смотрит на север, слон — на юг, а бык — на восток...

Было тихо-тихо. Вдруг с пронзительным криком пролетела птица, которую здесь именуют Кингфишер — «король рыбаков». Продавец кокосовых орехов принес тяжелые зеленые плоды, кривым ножом срезал верхушку и вложил в сердцевину полиэтиленовую трубочку. Торговцы ракушками — лотки их стояли чуть в стороне — не зазывали. Они уже знали по опыту:

когда человек бродит среди этих каменных памятников, лучше его не трогать.

Я попытался представить себе, как в далекие времена приходили сюда воины помолиться перед походами, а моряки — перед отплытием. Махабалипурам был известным торговым портом, о нем писал Птолемей. О нем упоминали греческие мореходы еще в I веке. Корабли дравидов часто плавали на Цейлон. Торговые суда многих стран бросали здесь якоря. Тысячи людей приходили сюда выпрашивать у богов счастье. Потому что все люди во все времена хотят быть счастливыми.

Потом распалась империя, жители ушли из Махабалипурама, и порт исчез, словно его и не было. Люди воздвигли новые храмы в новых городах и в сердцах своих. А танцовщицы в каменных нишах все так же кокетливо изгибаются. Богиня Дурга все так же стоит на лотосе, Шива облокотился на своего быка. Бродят туристы, щелкают затворы фотокамер, стрекочут киноаппараты.

Тысяча двести лет назад умели строить и умели лепить. Наверно, им было неинтересно, этим силачам, работать в тесных мастерских. Для них подходящей мастерской была сама природа. И если уж резали по камню, так крушили гигантские скалы! Чтобы оставалось на века!

Когда подворачивалась подходящая каменная гряда, они вырубали в ней глубокие пещеры и превращали их в храмы. Стены храмов украшали скульптурами, не единичными статуями, а скульптурными группами, из которых складывались как бы новеллы в камне.

Расставшись с ратхами, мы направились к этим пещерам. В них было темновато. Солнечный свет едва проникал внутрь и останавливался на пороге, высвечивая то колонну со львом у основания, то часть

боковой стены. Глаза должны были привыкнуть, прежде чем увидеть удивительные картины, созданные древними Микеланджело, неизвестными, никому не ведомыми мастерами.

Вот богиня Дурга, богиня битвы, богиня возмездия, мчится на разъяренном льве. У нее десять рук, и в каждой — оружие. Сейчас она вступит в смертельную схватку со злом. Сопровождает Дургу почетный эскорт — девушки-воины. А зло воплощается в образе чудовища с бычьей головой...

А вот сцена из жизни Кришны, самого популярного из богов индуистского пантеона (восьмое воплощение бога Вишну), с именем которого связано множество легенд. Образ его, образ прекрасного юноши, озорного, веселого, служил постоянным источником вдохновения для поэтов, художников, музыкантов. Здесь, в пещере, рассказывается трогательная история. Бог Индра разгневался на пастухов и наслал на них ураган и страшные дожди. Но тут появился Кришна, поднял над головой гору (ему это было нипочем!), сделал из нее зонтик и спрятал под ним пастухов с их семьями и скотом. Вот молодая пастушка доит корову, а корова облизывает теленка...

В другой пещере, самой темной, среди рельефов на божественные темы — две группы императоров Паллавов вместе с женами. Но мы не разглядели эти фигуры. Чтоб их рассмотреть, надо иметь карманный фонарик. У нас его не было.

После пещер мы поднялись в храм Шивы, который стоит на горе. Оттого его не раз использовали в качестве маяка. Сверху были видны прибрежная полоса, и красноватая земля, и глыбы скал, и квадраты рисовых полей, и пальмиры, торчащие, как метелки на длинной-предлинной палке.

Потом мы пошли на берег океана. Вода была очень соленая. Капли ее, попадая на лицо, вызвали легкое

пощипывание кожи. Никто не купался. Может быть, поэтому, а может быть, потому, что здесь, говорят, много морских змей. Кстати, заклинатель с корзинкой сидел неподалеку и зазывал нас на отличном английском языке:

— Господа! Вы лишаетесь интересного зрелища всего за одну рупию! Одна рупия! Змеи подешевели в связи с небольшим спросом!

Змея добровольно высунулась из корзины и кокетливо покачала головой — тоже зазывала.

Тут же на берегу стоит храм, который так и называют «Прибрежный». Когда-то их было восемь, время уничтожило семь. Его охраняют десятки каменных бычков. Они улеглись под открытым небом; их обвевают ветры, многие из них частично разрушены, но, как и тысячу двести лет назад, они сторожат святыню. Год за годом соленые волны подкатывались к храму, били по камням и разъедали их. Налетали штормы. Ревели ураганы. Но он выстоял. Теперь соорудили волнорез, который немного защищает древние стены. Прибрежный храм был первым храмом в Южной Индии, построенным из гранита. Наверно, он особенно хорошо смотрелся со стороны океана. И когда моряки возвращались из плавания в родной Махабалипурам, то, конечно, старались прежде всего

отыскать глазами Прибрежный и, найдя его, радовались. Всякий человек радуется при возвращении домой.

И все-таки самое интересное в Махабалиपुरаме — не Прибрежный храм, и не каменные пещеры, и даже не маленькие ратхи.

Самое интересное — это гигантский рельеф «Нисхождение Ганги». Представьте себе выпуклую скалу 27 метров длиной и 9 метров высотой, сплошь заполненную барельефом, который кто-то удивительно точно назвал «фреской в камне».

Существует в Индии такая легенда: когда-то, очень давно, Ганга, дочь царя горного царства, протекала в раю. А люди мечтали о том, чтобы она сошла на землю, напоила ее водой и очистила от грехов. Один раджа тысячу лет простоял на левой ноге, согнув в колене правую ногу и скрестив руки над головой — в позе йогов. Наконец бог Брахма приказал Ганге спуститься на землю. Ей крайне не хотелось этого, и она решила, что при падении уничтожит землю. Но Ганга не учла мощь Шивы. Он подставил свою голову под падающую реку, та запуталась в его волосах и долго искала выход. Измучившись, она, покорная, семью потоками сошла на землю...

Гигантская скала разделена естественной расщелиной на две части. Наверно, когда-то по этой расщелине весело сбегала вниз вода.

Слева и справа от расщелины — две страницы каменной книги. На них изображены боги и богини, слоны, леопарды, обезьяны, кошки, мыши, птицы — 153 живые фигуры. Именно живые, иначе не скажешь. Если долго смотреть на скалу, не отрываясь, то кажется, что она приходит в движение. Танцовщицы буквально летают по воздуху. Парень набрал воды и тащит ее куда-то наверх, видимо, живет наверху. Слышится бух-бух — это весело, важно шагают к воде слоны. Впереди

степенно, солидно выступает папа слон (длина его больше пяти метров), за ним слониха изящно согнула ногу. Балуются маленькие слонята. Антилопа, повернув назад голову, почесывает ее копытом. И старый раджа (за тысячу лет он устал стоять на одной ноге, он выполнил обет, данный ради людей) сейчас выпрямит правую ногу, встанет на нее и наконец отдохнет...

Древние мастера не боялись, что их обвинят в излишней приверженности к реализму. Они любили природу, умели ее наблюдать и оставались верными ей в своих творениях. Но они умели отбирать, умели подчеркивать самое главное, самое существенное. Поэтому 153 фигуры — это 153 характера. И ни один не повторяется. Здесь десятки танцовщиц — все разные! Охотники тоже все разные! Мудрецы, ученики мудрецов...

Махабалипурам. Два часа езды от Мадраса. К сожалению, далековато от Москвы.

Махабалипурам. Это — прекрасное место для проверки человека на духовную ценность. Привозить бы сюда скептиков, циников, душевно черствых и равнодушных, и если их не проберет, метить их специальной меткой, чтобы издалека было видно — вон идет человек, не воспринимающий вечную красоту!

Но, говорят, нет людей, которые побывали бы в Махабалипураме и сумели остаться спокойными.

Я зря брал с собой блокнот и шариковую ручку. Я ничего не записал, начисто забыл о них и не подумал, что потом, в Москве, буду жалеть, что нет никаких записей. Спихватился я, когда мы уже покидали Махабалипурам.

Мы заехали в рестхауз. По-нашему — это дом отдыха, только не надо никаких путевок и медицинских карточек. Заезжаешь на день, на два дня, на час или полчаса. Можно помыться, можно пойти искупаться — к океану ведет песчаная дорожка, окаймленная

розами, — можно выпить ледяного сока. Можно просто посидеть в прохладной гостиной, отдохнуть и поразмышлять о том, как хорошо, что на нашей планете есть такие места, как Махабалипурам.

На обратном пути мне удалось купить путеводитель. Мальчишка взял с меня рупию и деловито объяснил, что брошюра стоит восемьдесят пайс, а двадцать пайс — это его, мальчишки, бизнес. Из путеводителя я узнал массу полезных вещей: неподалеку от Махабалипурама находится атомная электростанция; смотреть рельеф «Нисхождение Ганги» нужно при помощи трубы, свернутой из картона или толстой бумаги; в Махабалипураме есть нечто вроде художественной школы, где за четыре года готовят резчиков по камню. Я узнал, наконец, что надо брать с собой транзистор. Там так и напечатано: «Транзистор добавит удовольствие к этому визиту». Подразумевается визит в Махабалипурам. Хорошо, что я прочел путеводитель после визита и не смог воспользоваться цепным советом автора.

Мой совет путешественникам: избегайте, пожалуйста, и путеводителей и транзисторов!

Ода поезду!

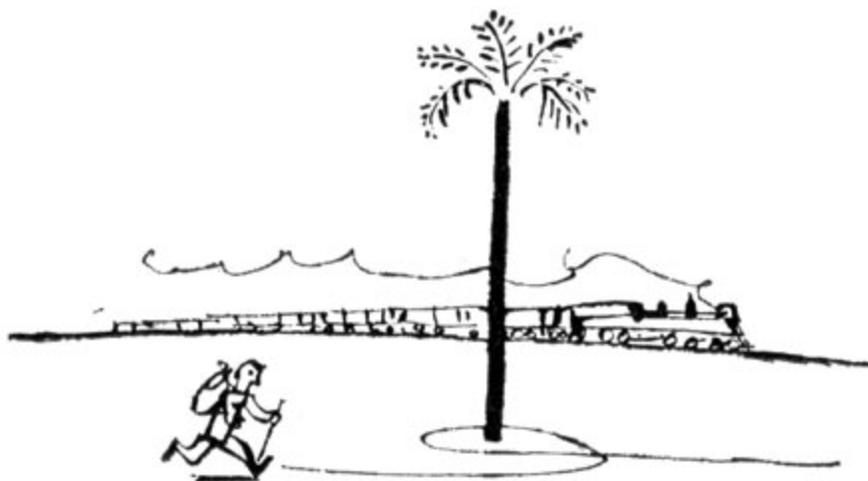
Давайте подумаем о том, что значит «путешествовать». В толковом словаре Даля сказано просто и логично:

«Путешествие — странствованье, странничанье, ходьба или езда по чужим местам», и соответственно «путешественник» — это тот, «кто находится в пути, перепутье, в езде, в ходьбе...»

Конечно же, настоящий путешественник идет пешком по пыльной дороге, за плечами котомка — теперь ее называют рюкзак, — в руке палочка. Он идет и напевает популярную песенку из фильма Радж Капура: «Бродяга я... там-тарарам...» И, самое главное, глазет по сторонам.

Некоторые путешественники не любят ходить пешком, предпочитают велосипед. Катят, не торопясь, не устанавливая рекордов, и тоже напевают «Бродяга я...». А если прокол, лопнула шина, то починить ее можно в любом городе Индии: висит на дереве реклама — драная велосипедная крышка, — и сидит под деревом мастер в возрасте от девяти лет и старше. Это великолепный велосипедный сервис.

Некоторые путешественники едут на автомобиле, тоже смотрят по сторонам. В окна им хорошо видно, что находится слева и что обнаружилось справа. Правда, мешают мысли о том, что бензин на исходе, в переднем левом колесе постукивает, а заднее правое — греется. И петь, сидя за рулем, не рекомендуется: рискуешь отвлечься и кого-нибудь задавить. Но все-таки на автомобиле можно путешествовать. Где понравилось — остановишься. Где захочется — переночуешь.

В самолете уже ничего не видно, кроме куска неба, куска крыла, спинки кресла впереди и надписи на стене: «Пристегнуть ремни. Не курить!» Скорость невероятная. И, когда наконец приземлишься, невольно испытываешь облегчение.

Что это за путешествие, коли ты рад, что оно закончилось, и по дороге ничего не видел!

Нет, самолет — только вид транспорта.

В отличие от поезда...

Заранее настраиваешься на неторопливый железнодорожный лад. Думаешь, на какой станции купить вареной картошки или связку бананов, в зависимости от того, по какой стране едешь. Знакомишься с соседями по купе и за сутки узнаешь про каждого из них значительно больше, нежели отдел кадров выясняет за год. Выходишь на станциях размять ноги и подышать местным воздухом. Забыв про наказания, покупаешь немытые фрукты и овощи. Но, главное, смотришь в окно. Картины сменяют одна другую, и не успеваешь их разглядеть. Вечером интересно всматриваться в темноту. Вдруг в ней возникают россыпи огоньков — это города. Незнакомые вечерние вокзалы кажутся таинственными... Можно книжку почитать, можно поухаживать за соседкой,

можно перекинуться в картишки, сыграть в шахматы. Можно тихонечко затянуть «Бродяга я...», и соседи по купе станут подпевать. Потому что человечество любит петь хором.

А если сам не запоешь, то по радио песенку из кинофильма Радж Капура передадут обязательно...

Нет, поезд — это прекрасно! В последние годы мы как-то перестали любить поезда. Зря!

Из Мадраса на запад, в город Кочин, мы ехали поездом.

«Подвижной состав железнодорожного пути и сигнализация находятся в неудовлетворительном состоянии, что приводит к частому крушению поездов», — сообщала в статье об Индии Большая советская энциклопедия, том 18, страница 49. Но этой информации уже 15 лет, и, надо полагать, она устарела. Поезда в Индии ходят неплохо.

Мы путешествовали из Мадраса в Кочин поездом, и этому путешествию посвящается очередная глава.

Едем в Кочин, а приезжаем в Эрнаукулам

В Мадрасе мы жили напротив одного из вокзалов, но уезжали, разумеется, с другого вокзала, совсем в другой части города. Из-за циклона наш отъезд несколько раз откладывался, мы неоднократно ездили туда, и наш любезный хозяин — Минакшисундарам улаживал билетные дела. Я в это время изучал привокзальную площадь. Движение на ней строилось по принципу каждый едет, куда ему вздумается. Правда, полисмен пытался регулировать поток машин, но делал это без всякого энтузиазма и соответственно без всякого успеха. Когда мы прибыли на вокзал в первый раз, то едва не сбили велорикшу. «Легче!» — сказал шоферу Минакшисундарам. Все, кроме меня, оставались при этом спокойными — и шофер, и Минакшисундарам, и велорикша, хотя нашу машину и повозку велорикши разделяли миллиметры. На вокзале и привокзальной площади царил беспорядок, возведенный в принцип. Все куда-то спешили и, казалось, толком не знали куда. Мелькали носильщики, неся на голове здоровенные сундуки, на которых покачивались пудовые амбарные замки. Прямо на платформу выгрузили автоматы солдаты индийской армии. Автоматы привлекли внимание молодых людей из гражданского сословия. Они поднимали оружие, вскидывали, прицеливались — солдаты не обращали на них никакого внимания. Либо автоматы не были заряжены, либо солдаты надеялись, что любопытные не умеют стрелять. Появилась элегантная юная красавица в сари с розовыми цветами. Шофер такси предупредительно открыл дверцу. Прежде чем войти в автомобиль, леди сняла обувь.

Шофер прокрутил счетчик, который находился снаружи, и занял свое место. Точно такие большие черные счетчики были на таксомоторах времен моего детства.

Прошла деревенская компания. Впереди выступал мальчик лет шести, «одетый» в нитку серебряного цвета, на которой висел того же цвета кулон. Другой одежды на мальчике не было. Очевидно, неподалеку была стройка, и, как тысячу лет назад, женщины и дети, да, дети, нескончаемой вереницей несли на головах тяжелые тазы с цементом. Показалась семья — глава ее, жена и пятеро ребят и при них тринадцать чемоданов, шестнадцать пакетов, три медных кувшина, четыре маленькие сумки. На каждом из пяти ребят было надето по фотоаппарату — люди состоятельные.

Сбоку от вокзальной площади, где сбились в кучу такси и рикши, было нечто вроде базарчика. Прямо на тротуаре с лотка торговали мылом в зеленой обертке. Почему-то около лотка собралась толпа. Правда, никто мыла не покупал, но зато все внимательно слушали продавца, что-то громко рассказывавшего. Тут же алхимик демонстрировал искусственное золото, которое не разъедает даже серная кислота. Рядом с алхимиком работал фокусник. А возле него сидел на корточках гадалщик.

Шум. Суета. Но все это было чепухой сравнительно с посадкой на поезд.

Трудно представить, какая была толкотня и неразбериха. Толпа ломилась в вагоны и брала их с бою. Носильщики через головы подавали багаж. Кто-то проталкивал в окно чемодан, а кто-то сам пытался влезть в окно. Тут же предлагали товар разносчики фруктов, кока-колы и сладостей, выпрашивали подаяние нищие. Кричали женщины, плакали дети. Носильщики и проводники сохраняли невозмутимость. Они привыкли. Проводники умудрялись даже при входе в вагон спрашивать билеты. Иногда билеты

предъявляли. Я заглянул внутрь бесплацкартных, так называемых общих, вагонов — там сидели на полках и на полу тоже сидели. Третьим классом пользуется большинство населения. Ежедневно поезда Индии перевозят более 4 миллионов пассажиров! Индийская железнодорожная сеть самая большая в Азии.

Нас, иностранных гостей, отправляли первым классом. Купе, маленький двухместный номер с двумя раздвигающимися дверьми на противоположных сторонах, как в нашем метро, было совершенно изолировано от остального вагона, на окнах были решетки, узкие полки походили на нары. Все это могло бы сойти за тюремную камеру, но арестованным вряд ли доставляют такое удовольствие, как прогулка по Индии с кормежкой чуть ли не на каждой станции. При купе имелось дополнительное помещение с душем, и надпись поясняла: «Туалет западного стиля».

Итак, мы покидали Мадрас. Нам надели на шею гирлянды из коры сандалового дерева, накрыли плечи шалью, подарили на счастье павлина, чей хвост был выложен из разноцветных медных пластинок. Павлин — священная птица. Он танцует перед дождем, а дождь нужен людям.

До свидания, Мадрас! Было семь часов вечера. За окнами стояла темнота. Нам предстояло проехать что-то вроде пятисот миль, или, по-нашему, около восьмисот километров. На стене купе висела карта. Сначала поезд должен был брать на юго-запад и в этом направлении следовать до города Тричур, а уже от него резко свернуть на юг и прибыть в Кочин. Когда я собирал в детстве марки, марки княжества Траванкур и Кочин считались у нас в школе самыми редкими. Теперь я ехал в это бывшее княжество, а ныне штат Керала.

Под потолком мерно жужжали пропеллеры фена, упрятого в железную сетку. Но все равно было невыносимо душно. Откуда-то из-под полки вылезли

большие черные жуки, посмотрели на меня и начали нахально мотаться по купе, искали, чего бы поесть. Я понадеялся, что они не кусаются. На ближайшей станции продавали бананы, холодную воду и опять бананы. Путешествие началось.

Это удивительное и ни с чем не сравнимое ощущение — мчишься по Индии ночью, вроде бы отрезанный от всего остального мира. Только ночь за окном и Индия, которую не столько видишь, сколько чувствуешь. Вот блеснул огнями поселок. Вот показалось ночное небо с понатыканными на нем звездами. Надсадно кричали лягушки, некоторые кричали басом. А на ночных станциях было оживленно, как днем. В свете фонарей цветные одежды выглядели по-особому чарующими. Бегали разносчики с горячим кофе. В палатках продавали съестное. Выскакивали заспанные пассажиры, съедали ужин — и бегом обратно. Сновали мальчишки, несли тяжелые связки бананов. Потом вокзал исчезал, поезд снова погружался в ночь и снова было бесконечное небо, и бесчисленные звезды, и силуэты пальм...

А затем настало утро. И тут уж юг Индии стал всю хвастаться щедрой красотой. Если пальмы, так сотни пальм и кокосов на них тысячи. Если пальмиры, так леса пальмир. Если манговые рощи, так километры манговых рощ (правда, плодов не было видно — не сезон). И километры банановых плантаций. И густые непроходимые леса. И горы. Снова горы. Горные реки и песок, чистоты и желтизны невероятной. И земля цвета жженого кирпича. И маленькие озерца, на которых цвел лотос, розовый или белый. Жарко. Лежали в воде лиловые буйволы. Один, хитрюга, стоял по шею в воде, голову вытянул, жевал на берегу сочную зеленую траву. И станции пошли с такими названиями: Турруппур, Коямпуттур, Тричур...

На станциях появлялись вежливые официанты с неизменным подносом. Кормили нас как на убой. Только мы должны были все съесть, пока поезд не тронулся. Однажды мы запоздали, и стаканы от кофе у нас принимали уже на ходу. Официант сверкнул белозубой улыбкой, сказал «большое спасибо» и спрыгнул на платформу.

Отъехав от Тричура, мы вдруг с ужасом обнаружили, что поезд мчится, словно ошалелый, а с наружной стороны нашего купе висит на поручнях мальчишка лет десяти. Мы немедленно отворили дверь и втащили парнишку внутрь.

Он ни капельки не смутился, держался уверенно, я бы даже сказал — по-хозяйски. Все спокойно оглядел, медленно, подробно, улыбнулся нам, не заискивающе, а на равных, что ли. Мы попытались с ним объясниться. Но он не знал ни одного слова ни на английском, ни на хинди. Он говорил только на малайялам, а Переводчица, которая говорит на всех остальных языках мира, малайялам почему-то упустила. Нам удалось выяснить лишь, что зовут парнишку Чандра. Такие слова, как русский или Москва, Чандре ничего не сказали. На ближайшей станции он соскочил, и мы жестами показали ему, чтобы он садился на обратный поезд, а то мама будет волноваться. Он помахал нам рукой — мол, берегите нервы!

Когда наш поезд тронулся, Чандра снова повис на поручнях. В этом возрасте я тоже, случалось, висел на трамвайной подножке, наиболее смелые из нас катались на буфере, тогда это называлось — на колбасе. Мы делали это для удальства, ну, и сэкономили на проезде, конечно. Не знаю почему, но мне показалось, что Чандра ехал по делу, а не просто катался на поезде. Но какое может быть у десятилетнего мальчика дело, требующее к тому же дальней поездки? Не знаю. Он был серьезный не по

годам. Бедно, но опрятно одет, держался с достоинством. Когда мы предложили ему банан и сладкий лимон, он принял фрукты и жестом показал, что и нам следовало бы поесть с ним заодно. И мы поели.

Больше он не покидал наше купе. На одной из станций его заметил начальник поезда и спросил с изумлением:

— Кто это?

— Наша компания! — ответили мы, и это было правдой.

Чандра ехал с нами до конечной станции, до Кочина. Он осчастливил нас своим присутствием, был любезен, обращал наше внимание на детали пейзажа за окном, которые, по его мнению, могли нас заинтересовать...

Живет на свете мальчик, ему десять лет, он на три года моложе моего сына. Зовут мальчика Чандра. Может быть, он ходит в школу. Наверяд ли. Я не знаю, что с ним случится в жизни. Что ему предстоит. Но жалости Чандра не вызывал. Нет, он вызывал уважение. Ни в жалости, ни в покровительстве он не нуждался.

Мы так и не поняли, возвращался он домой или, наоборот, ему еще предстояло добираться до Тричура. Когда мы подъезжали к Кочину, в купе вошел специальный служитель, обязанности которого заключаются в том, чтобы собрать постельное белье и доставить его в прачечную. Увидев мальчишку, он быстро сориентировался, что-то сказал Чандре, а затем взвалил ему на голову два тяжелых одеяла, подушки, простыни, пододеяльники.

Чандра поправил груз на голове и понес его как ни в чем не бывало. Это была работа, а работа — это хорошо!

И, может быть, теперь Чандра пристроится у этого служителя, а потом к мальчику привыкнут и возьмут на

службу. Может быть, Чандра нашел постоянную работу... Можег быть...

Но это было уже в Кочине. Мы должны были прибыть туда в двенадцать часов дня, а прибыли только в четыре. До Кочина мы долго стояли в Эрнаукуламе. Мимо окон ходили какие-то люди с тюками на головах. А над тюками покачивались зонтики — жарко. Тропики!

И в вагоне было так жарко, что хотелось одного — пить! Только пить!

— Неужели в Кочине нам устроят торжественную встречу? — спросил я у Переводчицы. — И на измученных жарой и грязных, точнее, черных от железнодорожной пыли станут надевать гирлянды?

— Обязательно! — сказала Переводчица.

К нам в купе еще на ходу прыгнул носильщик. Прежде чем мы успели опомниться, он уже вынес на платформу наше имущество и тотчас обнаружил не без изумления, что его подопечные иностранцы не имеют никакого желания двигаться к выходу. Мы действительно застряли на платформе, пребывая в несколько странном, оторопелом состоянии. Уже прошли все пассажиры, и на платформе, кроме нас, никого не было. Дело в том, что нас никто не встречал! Оставалась последняя надежда, что нас ждут у выхода с перрона, ну, не знают номера вагона.

Мы направились к выходу. Но и в помещении вокзала нас никто не встречал, так что мои опасения насчет ароматных гирлянд оказались напрасными.

Крохотный вокзал быстро опустел. Мы попросили носильщика снять багаж с головы и подождать неизвестно сколько. Мы отбили атаку водителей такси, водителей скугтеров и велорикш. Каждый водитель непременно считал своим долгом выйти из машины и вежливо осведомиться, куда нам надо ехать. Некоторые решительно брались за чемоданы. Тогда носильщик, он

терпеливо ждал, сидя на корточках, жестом показывал — оставь в покое, с ними не договоришься, с непонятливыми иностранцами. Мы бы с удовольствием поехали, но понятия не имели куда. Переводчица отправилась звонить по телефону. Она держалась мужественно, однако не знала, куда и кому звонить. Я остался с Кочином с глазу на глаз. Пахло несвежей рыбой. Пахло морем...

Переводчица появилась через час, покрасневшая от жары и от переживаний, и сообщила без энтузиазма:

— Как вам должно быть известно, Кочин — не столица штата Керала... Столица в Тривандруме. Очевидно, телеграмму о нашем прибытии заслали туда. Здесь никто ничего не знает. Министерство просвещения тоже в Тривандруме.

— Может быть, поехать в Тривандрум? — робко предложил я.

— Ждите! — ответила Переводчица и исчезла.

Я ждал. У меня не было иного выхода. Я наблюдал, как мальчишка запустил в приятеля апельсином. Тот ловко поймал метательный снаряд, очистил от кожуры и съел. Кожуру он тоже использовал — запустил ею в зачинщика. Потом, наверно для вокзального ресторана, привезли гору бананов. Я смотрел, как их разгружали. Затем подъехало такси, из которого вышел босой бородатый водитель в полинялой армейской форме:

— Куда ехать?

— На край света! — ответил я.

— Хорошо! — согласился водитель и взялся за чемодан. Он поступил правильно. Именно в этот момент возникла Переводчица и сказала:

— Едем!

Носильщик отнес багаж в машину.

— Куда мы едем? — робко спросил я, влезая в автомобиль, в котором было сто, а может быть, двести градусов тепла.

Ответ был таким:

— К губернатору! Я точно не знаю, как его называют. Одним словом, к тому, кто здесь самый главный, пусть разбирается!

«Самый главный» помещался в Эрнауламе. Теперь мы возвращались в Эрнаулам, у вокзала которого долго стоял наш поезд, а мы не догадались сойти.

Обнаружилось, что Кочин и Эрнаулам — по сути дела один и тот же город. Они разделены широкой полосой морского залива. Эрнаулам находится на материке, вокзал Кочина и аэропорт на острове, а еще дальше выдвинулся в море узкий клочок земли, на котором находятся форт Кочин, знаменитая гавань и местные исторические достопримечательности. В заливе суда могут надежно укрыться от штормов и ветров в любую погоду и в любое время года, а когда понадобится, узким проливом выйти в открытое Аравийское море. Залив естественный, а вот остров, где вокзал и аэропорт, искусственный. Оба города соединяются между собой длинными мостами.

К «самому главному» я не пошел и был вознагражден — увидел парад моряков. В эти дни в штате Керала проходила «морская неделя», о чем возвещали многочисленные плакаты. Матросы шли в бескозырках. Среди бескозырок вдруг возникали чалмы мусульман и тюрбаны сикхов. Впереди и сбоку выступали офицеры, размахивая саблями. Особенно хорош был оркестр. Им командовал капельмейстер, завернутый в тигровую шкуру. За строем моряков бежали мальчишки.

Наше такси стояло во дворе. Неподалеку монтер чинил телефонный провод. Проводка была воздушной. Монтер безо всяких кошек вскарабкался на высоченный шест и спокойно принялся за работу. Наверно, монтер привык лазить на пальмы за кокосовыми орехами.

На вокзале я пробыл полтора часа, здесь — всего лишь сорок минут. За эти сорок минут все отлично устроилось. Оказывается, нас ждали, в прекрасном гэстхаузе нам приготовили номера, для нас составили обширную программу, а то, что нас не встретили, — досадное недоразумение. Оно не должно испортить впечатление от города Кочина, от города Эрнаулама и от их окрестностей. В гэстхаузе мы заняли верхний этаж, целый этаж на двоих. Это был дом, явно построенный англичанами, с холлами, каминами, с портретами в гостиной. Теперь вместо портретов королей в старые рамы вставили портреты общественных деятелей. От англичан остались репродукции с картин Боттичелли, Леонардо, Рафаэля, громоздкая старая мебель, старое серебро в шкафу и одиннадцать зеркал в моих апартаментах. Все двухэтажное здание занимали индеец из Бомбея и две японки, толстенькая и тоненькая, обе в очках, обе все время молчали и смотрели вниз, обе были вооружены множеством путеводителей, справочников, фотоаппаратов и кинокамер.

Окна номера выходили в сад. В саду росли пальмы. А за пальмами был залив, то есть частица Аравийского моря. Медленно проплывали лодки с круглыми навесами из пальмовых ветвей. Здесь было мелко, и лодочки отталкивались шестами. Вечерело. Небо стало желтым. Желтое дробилось и на волнах, где-то светлело, где-то темнело. Симфония желтого. Вдалеке, на том берегу залива (мы были в Эрнауламе, а тот, едва видный берег — это Кочин), стрелы порталных кранов цепляли лиловые облака. Потом закат полностью вступил в свои права. Небо стало красным. И море послушно приняло красные отсветы. На кранах зажглись белые лампочки, и такие же лампочки очертили на фоне быстро гаснущего неба стройный силуэт корабля.

В комнате под потолком трудился мощный фен. Его можно было включать с разной скоростью, на стенах комнаты замерли юркие ящерицы — гекко. Это славные ребята. Они ловят moskitov. Один гекко, поумнее, замер возле настенной лампы. Moskity летели на свет. Гекко был тут как тут.

Первый же вечер мы решили провести с пользой. Мы прошлись по торговому ряду. Он находился в нескольких шагах от нашего гэстхауза. Торговая улица была узкой. У дорогих магазинов с одного конца на другой перекинут тент из пальмовых циновок. Это для жаркого времени дня. Горели иллюминированные морские звезды. Во многих лавках продавались свечи, изображения Христа в терновом венце, четки. Приближалось рождество, а христиан в Эрнауламе много.

Несмотря на поздний час, в магазинах все еще толпились покупатели; у лавок, где продавали ткани на сари, пили чай или кофе. Когда выбираешь материю, стоит подумать. И выбирать приходят надолго. Лавки в Керале нарядны и живописны. В стеклянных витринах, как правило, выставлены многоярусные медные светильники и фигурки слонов, вырезанные из сандалового дерева.

Оживление царило у входа в кинотеатр. Показывали картину «Гром из Пекина», но на рекламе не было никакого Пекина, а улыбалась девушка... в купальном костюме. То ли она вызывала гром, то ли гром действовал ей на нервы, то ли эта девушка рекламировала фильм и не появлялась в нем. Не знаю, картину не видел.

В аптеке, где мы купили зубную пасту, продавали и ювелирные изделия. Аптекарь или врач щупал у посетителя пульс.

Потом мы наняли такси и поехали по двум ночным городам — Эрнауламу и Кочину. Шофер был тертый

малый, он сразу сказал, что счетчик не работает и надо ориентироваться по спидометру, который укажет, сколько мы отмахаем. Так же поступают и наши таксисты, если им вдруг удастся подцепить провинциалов, теряющих присутствие духа при виде собора Василия Блаженного или Новодевичьего монастыря. Здесь в роли провинциалов выступили мы; когда мы вернулись, таксист предъявил нам такой счет, что у нас перехватило дыхание. Потом мы набрали в легкие свежего морского воздуха и расплатились. Но это было потом. А пока мы медленно катили по пленительным тропическим городам. Проехали над заливом. На набережной праздновали «морскую неделю» и играл духовой оркестр. Мы пересекали бесчисленные, совсем венецианские каналы. По берегам их росли пальмы и стояли дома, нередко покрытые черепицей. На одной из улочек мы успели увидеть кабинет «исключительного врача», как было написано на вывеске. Сам «исключительный врач» работал — наносил татуировку. Мы проезжали мимо маленьких оживленных базаров, а затем вдоль замерших пакгаузов. Ехали долго, наконец остановились на самом берегу и вышли из машины. Здесь, у моря, дул теплый, замшевый ветер. Возле мостков замер огромный датский лайнер. Его можно было осмотреть, но мы не захотели. На бетонных бортах набережной мы вдруг прочли имена кораблей, которые побывали в порту Кочина. Наверно, это традиция — масляной краской писать названия судов. Мы отыскивали русские буквы: «Казбек. 16.08.65», «Апшерон. 12.3.65», «Керчь. 09.12» и тоже «65». Наконец, большими белыми буквами — «Херсон», но без числа.

Названия русских кораблей были как бы приветом из дома. Когда я вернулся в Москву под Новый год, то получил поздравительную телеграмму от моего друга,

радиста с «Василия Докучаева» Ивана Олейникова.
Телеграмма заканчивалась так:

«Идем рейсом Мадрас — Кочин».

Значит, на набережной кочинской гавани появится
теперь надпись «Василий Докучаев».

Принес ли пользу Васко да Гама?

Штат Керала был образован после достижения независимости из бывших княжеств Траванкур, Кочин и Малабарского округа провинции Мадрас. Население этих районов говорит на малаялам.

Название «Керала» происходит от санскритского «кера» — кокосовый орех. Правда, некоторые источники утверждают, что оно происходит вовсе от искаженного тамильского слова, обозначающего «наклонная гора».

Я могу поверить в оба толкования. В этом краю полным-полно кокосовых пальм и есть красивые горы, поросшие лесом. Они отделяют штат от остального Декана. А Деканом называют ту часть Индии, которая расположена между Бенгальским заливом и Аравийским морем.

Керала — очень маленький штат. Это узкая полоса Малабарского побережья — триста миль с севера на юг и всего лишь около тридцати миль в ширину. Эта узкая полоса богата кокосами, рисом, каучуком, чаем, черным перцем, кофе, сахарным тростником, кардамоном, корицей, имбирем. Здесь насчитывается шестьсот сортов деревьев, и среди них ценнейшие породы — черное дерево, красное, розовое, сандаловое, тик, манго.

Керала — штат с самой высокой грамотностью населения в Индии. Именно Керала стала первым штатом в стране, где в результате свободных выборов в 1957 году пришло к власти коммунистическое правительство...

Грамотных здесь подавляющее большинство жителей. Девять детей из десяти ходят в школу. Тысячи

людей получают высшее образование. Но в этом сельскохозяйственном штате предприятий немного, и потому среди интеллигенции число безработных весьма велико.

...История края начинается в глубокой древности. Неподалеку от Кочина ученые нашли каменные сельскохозяйственные орудия, которые пролежали в земле с четвертого тысячелетия до нашей эры.

Древнюю Кералу посещали корабли финикийцев. Они приплывали сюда за слоновой костью и сандаловым деревом. За тысячу лет до нашей эры приставали к берегу и корабли царя Соломона. В те времена здесь торговали с арабами и китайцами.

Западные Гаты защищали Кералу от нашествия со стороны материка. Великие Моголы так и не присоединили территорию края к своей обширной империи. А если какой-нибудь соседний раджа делал попытку перейти горы, он получал отпор.

Когда на пороге XVI столетия в Керале высадились португальцы, они оказались на этой земле не первыми христианами. Уже существовала церковь, которая была построена чуть ли не в 400 году нашей эры. Основали ее выходцы из Сирии, поселившиеся тут много раньше. Они успели испытать на себе индийские влияния, и оттого колонны в церкви резные, на местный манер.

Добрый и приветливый народ Кералы принял христиан из Сирии и не пытался навязать им свою веру. Кочин, быть может, единственное место на планете, где, как говорится, на одном пятаке мирно соседствуют голландский дворец, индуистский храм и синагога. Евреи появились в Керале в I веке, после того как бежали из Иудеи, занятой римлянами.

Нас прежде всего повезли осматривать двухэтажный голландский дворец. Обнаружилось, что в середине XVI столетия его построили португальцы, а позже он перешел к голландцам и те уже подарили его

кочинскому радже. Узкие лестницы, мелкие переплеты окон, деревянные двери, а выглянуть из окна во двор — нагромождение черепичных крыш. Зато резные потолки и фрески на стенах — это уже Индия. Фрески воспроизводят сцены из «Рамаяны». В центре комнат выставлены аляповатые паланкины, которые возили на слонах. Над паланкинами возвышались зонты из пальмиры. Позже их стали делать из ткани. Рядом — маленькие женские паланкины. Слуги носили их, держа за ручки, сделанные в виде змеиных голов.

После голландского дворца мы направились дальше по туристскому курсу в старенькую церковь св. Франциска. Ее построили в 1510 году. Как известно, св. Франциск родом из маленького городка Ассизи, что неподалеку от Рима. Ассизи славится тем, что там на каждую тысячу жителей приходится один собор, всего их двадцать четыре. Но еще больше славится городок тем, что в соборе св. Франциска фрески кисти Джотто...

В церкви города Кочина не оказалось никаких фресок. Внутри было довольно мрачно. Над алтарем светился витраж — крест, красный с синим, и на стене был такой же отблеск — красный с синим. Под потолком висел старинный вентилятор — длинные доски в резной раме, к которым прикреплены пальмировые опахала. От досок за окно, в церковный двор, тянулись веревки. Во время службы слуги дергали во дворе за веревки, опахала покачивались, господам не было жарко. В церкви хоронили зажиточных горожан. Вот на стене потрескавшаяся плита. Надпись можно разобрать — Яков Схуур. 1682 г. Судя по фамилии, голландец. Спустя полтора века после сооружения церковь отошла к голландцам, а потом, уже в начале XIX века, — к англичанам, стала протестантской. Вот на стене мраморная доска:

«Джордж Блантон. Родился в Бирмингеме. Умер в Лондоне». Почему упоминают о нем на этой земле?

«Более 50 лет жил в Кочине. Был председателем кочинского муниципалитета, мировым судьей, президентом торговой палаты».

В церковном приделе нам показали манускрипт на узких пальмировых листах. На нем был указ раджи, который разрешал европейцам построить церковь на этом самом месте, разрешение выписано на имя Васко да Гамы...

Минуточку, есть ли человек, который не знает этого имени?

Вот его могила, первая, у него могил и то было несколько. Из-за Васко да Гамы привозят сюда иностранцев, а не ради того, чтобы показывать манускрипты. На южной стороне, при входе справа, между шестым и седьмым рядами стульев для прихожан, шесть ступней в длину, две с половиной ступни в ширину, на полу под циновкой — каменная плита и на ней: «Васко да Гама». Под этой плитой давно уже ничего нет. Васко да Гама пролежал здесь всего 14 лет. Потом его пятый сын перевез останки отца в Португалию и похоронил там в Видигвейра. В 1872 году Васко да Гама снова побеспокоили и погребли в Лиссабоне. Таким образом, он и после смерти оставался путешественником.

Перенесемся в 1498 год. Сейчас 20 мая. Нестерпимая жара. Четыре португальских корабля покачиваются на волнах. С кораблей моряки разглядывают индийский берег и город Каликут, столицу каликутского государства, правитель которого носит титул «заморин», или «владыка моря». Его владения невелики, они занимают всего лишь северную часть нынешней Кералы. Южнее правят раджи Кочина и Траванкура. Пожалуйста, не путайте город Каликут, иначе его называют Кожикод, с Калькуттой, она находится совсем в другом месте.

Командира португальской эскадры, которая вышла в плавание 8 июля 1497 года, зовут Васко да Гама. Пот струится по его высокому лбу (про всех знаменитостей пишут, упоминая высокий лоб) и по бороде, но он не обращает на это внимания, он занят, в руках подозрная труба.

«Прибыли! — думает Васко да Гама. — Служа Господу и во славу португальской короны, прибыли живыми! Слава Господу, слава мне и спасибо лоцману арабу Ибн-Маджид-Ахтаду, хорошо, я догадался прихватить его по дороге. Этот доверчивый лоцман помог мне провести суда через Индийский океан. Теперь мы, португальцы, прижмем всех арабов, всех неверных и сами будем возить отсюда черный перец, мускатный орех и ароматические масла, без которых жизнь так скучна и так невкусна».

Васко да Гама хотел было отправить радиogramму в Лиссабон, сообщить королю, что первым в истории он проложил морской путь в Индию и теперь маленькая Португалия станет великой колониальной державой. Но сообразил, что радио к сожалению, еще не изобретено.

Следующим поползновением Васко да Гамы было достать таблетку валидола и положить под язык, чтобы успокоить сердцебиение. Но и валидол еще не изобрели.

«Ну и эпоха!» — думает Васко да Гама, а потом осознает, что живет в эпоху великих географических открытий, что если бы существовали радио и валидол, то все уже давно было бы открыто и он бы не обессмертил свое имя. Он думает о том, что великий поэт Камюэнс воспоеет его подвиг, что пройдут века, но все равно во всех учебниках для средней и высшей школы, во всех энциклопедиях и справочниках будет рассказываться о нем с большим уважением, что его портреты будут помещаться в самых разных изданиях, а туристов в Кочине станут водить на его могилу. Сердце Васко да Гамы наполняется гордостью.

— Эй! — командует он. — Приготовиться к высадке!

Правителю Каликута (тот находился в отлучке) доложили довольно быстро, что в море видны корабли под неведомым флагом. Он лично прибыл встретить таинственных гостей, приказал своему лоцману укрыть корабли в надежном и безопасном месте и распорядился устроить торжественную процессию и торжественный прием, а после него отвезти да Гаму в специальные парадные покои.

Затем корабли португальцев нагружаются добром — корицей, гвоздикой, перцем. Керальцы торгуют с арабами, с персами. Почему бы им не вступить в торговые отношения и с далекой Португалией, откуда прибыли смелые мореплаватели?

Но вместо золота и серебра Васко да Гама платит какой-то дрянью, какими-то ненужными лежалыми товарами и пошлину отказывается внести. Заморин пишет письмо португальскому королю и сообщает, что согласен снабжать его страну корицей, гвоздикой, перцем и драгоценными камнями (в те непонятные

времена специи котировались как драгоценности) в обмен на золото и серебро. Приведенный в ярость бестактным письмом Васко да Гама внезапно покидает индийский берег, прихватив пятнадцать рыбаков, которых он заманил на свое судно.

9 сентября 1499 года Васко да Гама возвратился в Португалию. Это было трудное и опасное путешествие. Из 168 человек, которые уходили в плавание, вернулись лишь 55. Не беда! Зато он открыл путь в Индию, зато он вернулся с таким богатством!

Король Мануэл Счастливый в восторге. К Васко да Гаме приходит слава. Его называют «адмиралом индийских морей», он действительно был храбрый человек и выдающийся мореплаватель. Он советует королю как можно скорее послать в Индию новую, более мощную экспедицию. Мануэл Счастливый следует этому совету, и в марте первого года шестнадцатого столетия, 1500 года, в Кералу отправляются 13 судов и полторы тысячи человек. С ними хитрые португальцы возвращают похищенных рыбаков, а потом... пришельцы начинают грабить мусульманские суда и пытаются заставить индийцев запретить всем иным кораблям, кроме португальских, посещать порт Каликут. Индийцы же простодушно настаивают — Каликут был и останется свободным портом, открытым для всех. В те нехорошие годы споры решались просто! Ах, вы не согласны? И португальцы бомбардируют город Каликут, а потом уходят на юг, в Кочин. Здесьный раджа оказывается более сговорчивым, и португальцы основывают в Кочине факторию.

В этой экспедиции Васко да Гама не участвовал. Второй раз он посещает Индию в 1502 году. С ним флотилия судов. Необходимо привести индийцев к повиновению, потопить или сжечь (по собственному выбору) все торговые суда, следующие не под португальским флагом.

Глава государства пытается начать с Васко да Гамой переговоры. Но тот вешает на мачте посла, который явился к нему с добрым приветом, и без колебаний открывает по Каликуту ураганный огонь.

На этом Васко да Гама не останавливается. Он топит суда, которые пришли в Каликут с рисом, желая оставить жителей без пропитания, а моряков с этих судов приказывает выловить из воды всех до одного. Ну, а после... каждому из них отрезают нос, потом уши, потом отрубает руки и в самом конце в порядке развлечения выбивают зубы. Затем несчастных связывают, грузят на маленькое судно и поджигают его.

Это тот самый Васко да Гама, который везде и всюду упоминается как великий человек! Правда, быть может, великим персонам простительны маленькие слабости вроде страсти к отрезанию носов?

Совершив столь благородные поступки, Васко да Гама отбывает в Кочин, где перепуганный предатель-раджа встречает его подобающим образом и соглашается на все его требования. Васко да Гама проводит в Кочине два месяца и два дня, грузит корабли добром и, оставив здесь своих людей, с чистым сердцем отплывает в Португалию.

Он не участвует в первой военной экспедиции, которая в марте 1505 года отправляется в Индию. Пятнадцать военных кораблей под флагом из белого дамаста с вытканым на нем крестом господним ведет Франсишку д'Алмейда — ему был пожалован титул вице-короля Индии! Мануэл Счастливым уже считает Индию португальской вотчиной. Д'Алмейда должен был крестом и мечом уничтожить все мусульманские города на пути от Гибралтара до непокорного Каликута. И усмирить его! Все земли и все города, какие попадутся, подчинить португальцам! Снаряжает военную экспедицию, дает ей ценные советы и снабжает

добрыми пожеланиями все тот же адмирал Васко да Гама.

На сей раз между народом Кералы и пришельцами из Европы разыгрываются настоящие сражения. Индийцы не покоряются ни д'Алмейде, ни второму вице-королю, Альфонсу д'Албукерки. Злобный д'Албукерки с боем врывается в город Гоа, вырезает мусульман, не считаясь ни с полом, ни с возрастом, а уцелевших приказывает согнать в мечеть и сжигает живьем вместе с мечетью. После того как в Гоа не остается ни одного мусульманина, д'Албукерки переносит туда свою резиденцию. Кстати сказать, в Гоа португальцы продержались затем свыше четырех столетий, до 1961 года.

Третий и последний раз Васко да Гама посещает Кералу в 1524 году, теперь уже в качестве третьего по счету вице-короля. Ему предстоит утвердить личную власть на индийской земле.

Как раз в этом году, словно специально в честь прибытия первооткрывателя, керальцы начинают длительную осаду португальского гарнизона, запертого в форте Каликута. Осажденные надеются на помощь, но Васко да Гаме не удается доставить туда подкрепление ни из Гоа, ни из Кочина. Задача его — вести войну более решительно, для того его и послали, но он внезапно умирает, не доживая до того дня, когда португальцы, не выдержав долгой осады, бегут из Каликута.

В декабре 1524 года Васко да Гаму торжественно хоронят в церкви св. Франциска, в городе Кочине. Четырнадцать лет спустя пятый сын великого мореплавателя перевозит прах отца... Это мы уже знаем. Расстанемся с веком шестнадцатым и возвратимся в наш, двадцатый век.

Прошло 445 лет. Справедливое человечество чтит память Васко да Гамы. Вот мы и побывали на его могиле в церкви св. Франциска...

В нескольких минутах езды от нее в проливе рыбаки прямо с берега ловили рыбу при помощи так называемых китайских сетей. Солнце било по глазам, и рыбины, которые попадались в сети, казались отлитыми из серебра. Китайские сети это коротко вот что: к длинному шесту привязана на четырех распорках огромная сеть, пятнадцать на пятнадцать метров. Когда тяжелое сооружение уходит под воду, оно поднимает в воздух бревно-противовес, отягощенное камнями. Это бревно соединено с шестом. Если как следует налечь на бревно и пригнуть его к земле, сеть поднимется из воды.

Примечательно, что рыбаки-христиане ловили рыбу сетями, которые принадлежали той самой церкви св. Франциска! И за это бескорыстная церковь отбирает львиную долю улова. Что делает церковь с этой рыбой, торгует ли ею через подставных лиц, либо у священников волчий аппетит и они сами все съедают, не знаю. То, что у рыбаков остается, они все равно отдают за гроши перекупщикам. Времени идти на базар или стоять в лавке у рыбаков нет. В Керале рыбы много, она даже с берега ловится, но в Керале рыбы не хватает. Часть улова приходится выбрасывать. Жарко, а холодильников нет! Хранить рыбу негде! Ее нужно продать немедленно, или уже будет поздно...

В районе церкви св. Франциска квартал типично голландский, только вот пальмы. А в районе форта — английские постройки в стиле псевдо-Тюдор, зеленые лужайки и опять те же пальмы.

Колонизаторы разных веков, начиная с Васко да Гамы, оставили в Кочине следы своего пребывания. Теперь колонизаторов нет, но не сносить же дома! И пусть в старой церкви лежит под циновкой старая плита с надписью «Васко да Гама». Для туристов циновку можно и приподнять, невелик труд. Туризм —

выгодное дело, и чем больше туристов, тем лучше.
Наконец-то Васко да Гама приносит Индии пользу.

Путешествие в сказку

В Керале нашим гидом был секретарь местного отделения общества индо-советской дружбы М. С. Бхаскаран Наир. У него небольшой магазин запасных частей для автомобилей. Я попытался достать кое-что для моего «Москвича», но выяснилось, что частей для «Москвича» Бхаскаран Наир почему-то не держит. Этот очень симпатичный спокойный человек внешне походил на слогового бога Ганешу, покровителя домашнего очага, бога торговли, удачи в делах — небольшого роста, плотненький, носатенький. Именно таким изображают Ганешу бесчисленные статуэтки.

Бхаскарану Наиру я обязан поездкой по Керале, по маршруту Эрнаулам — Черутхурути.

Мы поехали из Эрнаулама в северном направлении и покатали мимо пальмовых рощ. Мы пересекали каналы, короткие и порожистые реки, которые скатываются с гор в Аравийское море. Миновали дворец кочинского махараджи. Дворец, расположенный в тенистой глубине, был окружен стеной, по ней над входом гуляли два каменных слоника. Правительство Индии до сих пор выплачивает махараджам изрядные пенсии в компенсацию за то, что они лишились своих богатств и привилегий. Сейчас в Индии проводится кампания за отмену пенсий. Махараджи всполошились и создали единственный в своем роде профсоюз, призванный отстаивать их права. Кочинский махараджа в профсоюз не вступил: понимает, что лучше держаться в тени. Он еще молод, ему тридцать с небольшим, он любит ездить в Лондон (у него есть на что ездить) и весело проводить там время...

Река Перияр была, наверно, самой широкой из тех, которые встретились на нашем пути. Тут же виднелся

алюминиевый завод. Мы оказались в керальском Руре — в районе города Алвайэ.

На реке Перияр в 1790 году разыгралась знаменитая битва между войсками майсурского раджи Типу Султана и защитниками Кералы. Чтобы остановить Типу Султана, керальцы разрушили плотину, и мощные потоки воды обрушились на противников. Междоусобные войны сотрясали тогда индийскую землю, и это было выгодно захватчикам — англичанам, французам, голландцам. Заморин воевал с объединенными силами княжеств Траванкур и Кочин, раджа Майсура воевал с ними всеми и стремился присоединить их земли к Майсуру. Всю свою жизнь Типу Султан сражался с англичанами и погиб на поле боя, предпочтя смерть бесславному рабству. Именно ему приписывают крылатые слова:

— Лучше прожить день львом, чем сто дней шакалом!

И рассказывают, что англичане, найдя его тело, закричали:

— Типу мертв! Индия наша!

От Алвайэ к Тричуру дорога шла сквозь манговые рощи. По обеим сторонам высились огромные деревья с мощными светлыми стволами. Их кроны сплетались и образовывали сплошной зеленый навес над шоссе. Показались каучуковые плантации, к деревьям были привязаны глиняные чашечки, в которые из надрезов стекал сок. На лесоразработках лежали стволы толщиной в метр и больше. Я знал, что на лесоповалах работают слоны, но, как на зло, они куда-то пропали.

И вдруг мы увидели серую громадину, которая медленно двигалась по деревенской улице. На спине, покачиваясь, дремал погонщик в белой чалме. Я выскочил из машины и кинулся снимать слона, который живет не в зоопарке, не в цирке, не в уголке Дурова, а в деревне, как у нас лошадь.

Погонщик остановил слона, который оказался слонихой, и я снимал ее с близкого и далекого расстояния, слева и справа. Слониха безропотно терпела это унижение, поводя розовыми ушами. А вся деревня высыпала на улицу поглядеть на дурака, который слона не видел!

Вскоре Бхаскаран Наир попросил водителя свернуть куда-то в сторону, наша машина запрыгала по дороге, вымощенной щебенкой, и остановилась возле аккуратного белого домика, где, судя по вывеске, помещалось что-то вроде отделения ведомства по охране леса. Вокруг на самом деле был тропический лес, или, попросту говоря, джунгли. В них по идее должны были водиться хищные звери, слоны и питоны. «Они там живут!» — заверил меня Бхаскаран Наир; может быть, он хотел доставить мне удовольствие.

Напротив лесного домика стояло весьма своеобразное сооружение — тоже дом, но вместо наружной стены была решетка из крепких бревен. Получался уже не дом, а гигантская клетка, точнее, с десяток клеток, настолько крепких, что их не разрушить даже мощным слоновьим бивням.

Это — тюрьма для диких слонов. Их доставляют сюда и держат до тех пор, пока они не становятся ручными. Метод, применяемый человечеством не только по отношению к слонам.

Я разговорился с молодым человеком, служившим в этом лесном ведомстве. Он рассказал мне, что слониха, которую я снимал, еще находится под наблюдением, работать как следует не умеет, и лишь только она начнет своевольничать, ее сразу доставят обратно в клетку. Отлов слонов входит в обязанности этого лесного ведомства. Молодой человек посоветовал мне срочно поехать в Майсур, где собираются на днях отловить 50 животных. Самому мне отправиться в джунгли и заняться подобной охотой он не советовал:

это теперь государственная монополия. Я обещал не нарушать монополию и не пытаться присвоить дикого слона.

Об отлове слонов в Майсуре (штат Майсур от Кералы на север и северо-восток) я читал еще в мадрасской газете. Управление туризма регулярно помещало в прессе такое объявление: «Ловля диких слонов — кхедда — 10 января 1968 года». Дальше назывался лес в 50 милях от города Майсура. Сообщалось, что быть свидетелем кхедды можно за 500 рупий. Ниже указывалось, сколько надо заплатить, чтобы снять поимку слонов 16-миллиметровой кинокамерой, 8-миллиметровой и просто фотоаппаратом.

Мне еще тогда было обидно, что слоны не могут прочесть объявление и заблаговременно удрать в другой лес^[2].

Когда мы выбрались на основную дорогу, был уже полдень. Это что-нибудь да значит в тропиках, даже в середине декабря. Температура воздуха была плюс тридцать семь, а влажность — я не сверился с прибором, в общем море было недалеко и влажности хватало. Под палящим солнцем зелень отливала синевой. Все ушли на перерыв, и трудящиеся слоны тоже. Теперь на каждой речке можно было наблюдать одну и ту же картину. На берегу сидит погонщик, ждет, а слон купается. Лежит в воде, набирает хоботом воду и поливает себе на спину, точь-в-точь как в детских книжках. И никакая сила на свете не может заставить слона встать из воды и попозировать в полный рост. Потому что это минуты отдыха, он их заслужил и знает это.

В городе Тричуре мы миновали центральную площадь, где возле магазинов и на базаре была тысячная толпа, а над ней колыхались тысячи черных

зонтиков, и подъехали к гэстхаузу, дому для гостей, чтобы передохнуть. Нас можно было отжимать, выжимать, скручивать или раскатывать, как тесто. Встречавшим нас хозяевам гэстхауза я не сказал ни «здравствуйте», ни «добрый день». Я едва доплелся до душа и встал под него, пустив холодную воду. Не помню, разделся предварительно или забыл. Потом мокрый (вытереться не хватало сил) я дотащился до отведенной мне комнаты, присел отдышаться и... проснулся через полтора часа.

Именно этот противный сон лишил меня возможности увидеть знаменитый тричурский зоопарк, где собрана редкая коллекция живых змей. Я проспал форт, старый дворец и художественную выставку, как прежде проспал восход в Гималаях. Ничего этого я не видел, и когда вспоминаю о Тричуре, то помню лишь городскую площадь, живописную разноцветную толпу и чувство удивления. Никогда раньше не предполагал, что здесь может быть столько народу!

Из Тричура наш путь лежал мимо чайных плантаций, каучуковых, банановых. Теперь лес уже теснее подступал к шоссе. Мелькали деревни, в каждой из них было оживленно. Устанавливали арки над шоссе, украшали их полосками желтой бумаги, и ветер шевелил эти полоски. Казалось, все жители деревень, празднично одетые, вышли на дорогу и чего-то ждали.

Оказалось, что сегодня храмовой праздник. Сегодня статую бога перевезут из храма, который в низине, в горный храм. И во всех деревнях ждали появления священной процессии.

Теперь я боялся только одного: что мы приедем в конечный пункт нашего путешествия, в деревню Черутхурути, раньше, чем пройдет эта процессия. Все шло к тому, пока у въезда на мост через маленькую реку мы не уткнулись в толпу. Двигаться дальше было нельзя. Сотни крестьян пришли сюда, чтобы встретить

процессию, которая, говорят, приближалась. На самом мосту устраивалась торжественная встреча. По обеим сторонам стояли маленькие девочки, девочки постарше и взрослые женщины, и каждая держала в руках плоскую тарелку с кокосовым маслом. Там же лежал туго свернутый хлопковый жгут.

Смеркалось. Стало легче дышать. Когда совсем стемнело, вдоль ряда девушек прошли парни и подожгли светильники. Над вечерней рекой вспыхнуло триста огоньков, потому что с тарелками выстроились триста человек.

Огни покачивались, высвечивали девичьи лица, радостные и возбужденные. В тарелках тихо шипело масло. Парни, все в белом, взяли кувшины и доливали масло, чтоб не погас огонь встречи.

Я вышел из машины и вместе с Бхаскараном Наиром втиснулся в толпу. У моего друга обнаружилось множество знакомых, прибывших сюда из Кочина. Каждому из них он меня представлял и говорил... После приема в Мадрасе я был подготовлен к такой аттестации, но все-таки всякий раз вздрагивал.

— Это известный и выдающийся советский писатель... — говорил про меня Бхаскаран Наир, и я пожимал кому-то руку. Потом он стал представлять меня всем подряд.

— Это известный и выдающийся...

Нас пропустили на мост, где девушки держали в руках трепещущие огоньки.

— Это известный и выдающийся...

Сквозь все кордоны умудрились протиснуться вездесущие мальчишки.

— Это известный и выдающийся... — И я пожимал мальчишкам руки.

Потом мы перешли мост и увидели слона. На нем была золотого цвета попона, на хоботе — нашлепка

золотого цвета, а сам слон был раскрашен яркой краской.

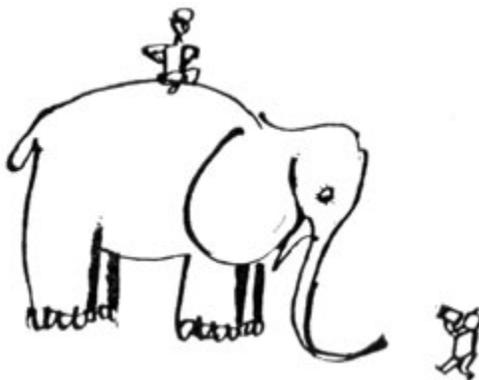
Рассказывают, что, когда праздник кончается, слоны яростно смывают с себя краску: они очень чистоплотны. Мои вкусы и вкусы слонов совпадают — без раскраски и украшений они мне нравятся больше.

На самом вершуге наряженной громады сидел человек. Я ждал, представят меня слону или нет.

— Эй! — крикнул обоим — слону и тому, кто сидел наверху, — Бхаскаран Наир. — Смотрите! Это гость из России — известный и выдающийся...

Хозяин слона перегнулся и протянул мне руку. Я встал на цыпочки и протянул руку в ответ. Дотянуться друг до друга нам не удалось. Но слон приветливо помахал хоботом, и я осторожно дотронулся до него.

Мы ждали около двух часов. Весело шумела толпа, в окна нашей машины заглядывали озорные мальчишечьи глаза. Мы были здесь дополнением к зрелищу. Все так же горели огни в светильниках, парни доливали масло из больших медных кувшинов, а процессия все не показывалась.

Наконец кто-то из главных распорядился пропустить нашу машину. Мы миновали светящийся мост, миновали моего знакомого слона, миновали железнодорожный переезд и минут через пятнадцать

встретили процессию. Она задержалась вот почему. В грузовике, который вез огромную статую из белого мрамора, гоглох двигатель. Капот был открыт, и водители всех машин собрались сюда и давали советы водителю грузовика. Видимо, мраморный бог не избавляет от автомобильных неурядиц. Добрая сотня паломников, вполне современных, на машинах, украшенных желтыми флажками, терпеливо ждала, когда починят грузовик.

В девятом часу вечера мы добрались до Черутхурути, свернули с шоссе направо и остановились у запертых ворот «Керала Каламандалам». Шофер включил большой свет, в его лучах заплясали москиты и ночные бабочки, шофер отчаянно сигналил — никто не появлялся.

Каламандалам — это центр театра катхакали, представления, в котором слились воедино танец, пантомима, драма и которое сопровождается инструментальной музыкой. Катхакали танцуют в гриме и в эффектных красочных костюмах.

Ритуальные представления в храмах были распространены в Керале еще в древности. Во II столетии нашей эры исполнялась легенда о том, как богиня Дурга убивала демона Дарику. Такой сюжет и сегодня живет в пьесах для катхакали. История этого вида искусства восходит к фольклору. Грим берет начало от масок богов и демонов древнего народного театра, а знаменитое мудра — положения пальцев рук — в значительной степени основано на канонах «Натьяшастры». Легендарный мудрец Бхарат Муни в III–IV веках нашей эры писал в этом трактате:

«Драма есть подражание деяниям и поступкам людей, насыщенное разнообразными настроениями и живописующее различные положения. Она должна рассказывать о человеческих деяниях, добрых и

дурных, и тем ободрять людей, служить им развлечением и утехой, а также и наставлением».

Театр катхакали не во всем следует «Натьяшастре», хотя эти слова относятся к нему в полной мере. Когда-то катхакали пользовался большой популярностью, но уже в конце прошлого века этот вид искусства исчез почти полностью. Около ста лет назад на месте, близком к тому, где сегодня находится Каламандалам, семья Намбудири, хранившая традиции катхакали, устроила фестиваль. Восемь ночей подряд длилось представление.

Одним из тех, кто посетил фестиваль и пришел от него в восторг, был отец Валлатхола — будущего знаменитого поэта, который писал на малайялам. Поэт, публицист и общественный деятель Валлатхол поставил целью возродить катхакали, создать профессиональные труппы и поведать о нем миру.

В 1928 году он организовал лотерею. Билеты продавались в Индии в течение двух лет, и на вырученные деньги в 1930 году была создана первая

школа катхакали. В ней насчитывалось четыре студента, и размещалась она в частной квартире. Через два года школа перебралась в помещение побольше, а в 1936 году в деревне Черутхурути, около Шорапура, на берегу самой длинной реки в Керале, было наконец сооружено специальное здание. Сюда-то мы и приехали, в центр катхакали, этот центр зовется Каламандалам, а официальное название полегче: Государственная академия искусства катхакали, оттантулал, мохинияттам, кутху, кудияттам, бхарат натьям и других классических танцев.

Я не мог запомнить эти названия, равно как и многие другие. Переводчица заслуженно презирала меня за это и удивлялась, как такие бестолковые люди вообще ходят по земле и к тому же ездят в Индию.

...После длительного ожидания ворота открыли. Мы вышли из машины, и пас сразу же повели на урок. Поэтому нам и не открывали: все были заняты.

Мы пересекли двор и, едва не упав в маленький бассейн (при входе надо вымыть ноги), вошли в зал для занятий.

В просторном помещении вокруг горящего светильника полукругом сидели дети лет тринадцати-четырнадцати. Они сидели обнаженные по пояс, скрестив ноги, скрестив на груди руки. Темные тела сверкали, будто намазанные маслом. Их было девять человек. Они будто не заметили нашего прихода. Мы сели на стулья, чуть в стороне. Будущие артисты не посмотрели на нас. Они были заняты. Они настраивались на урок, молчали, таинственные маленькие мудрецы. И, только привыкнув к освещению и вглядевшись в них, я заметил, что они... работали. Их лица будто бы по невидимому и неслышному указанию меняли выражение — выражали то отчаянную смелость, то страстную мольбу, то боль и печаль...

Пришел учитель, весь в белом, тоже сосредоточенный, коротким кивком головы поприветствовал нас, и урок начался.

Казалось, что мы вот так в 60-х годах двадцатого века не смотрели сказку, а сами очутились в ней.

Учитель сидел на высоком стуле. Он не произносил ни единого слова. Стояла полная тишина. Только бабочки бились о пламя и, шипя, сгорали. Потом в соседней комнате вдруг ударили в барабан. Там начался урок музыки. Иногда доносился жалобный крик ночной птицы.

Я не знаю языка мудра, с помощью которого можно изобразить и передать более пятисот символов-понятий, но здесь поздно вечером, быть может точно не понимая тех приказаний, которые отдавал учитель одним лишь движением губ, бровей, я все-таки догадывался, что они означали, эти приказания. Только глазами — они открываются чуть ли не вдвое шире, чем у обычных людей, или закатываются так, что исчезают зрачки, — только глазами эти дети, совсем еще дети, передавали сложнейшие движения человеческой души. Подбородки, как и положено, были прижаты к шее. Но вот дрогнули губы, презрительно искривились — ирония. Вот на лице появилось отчетливое страдание, его мгновенно сменил гнев... Ярость — сверкнули белки...

Но усвоить лишь, если можно так выразиться, внешний рисунок каждого жеста мало. Надо уметь передавать и его внутреннее значение (бхава). Наконец, бесконечно трудно внести в традиционное искусство что-то свое, личное...

Расписание уроков в том классе, который готовит артистов и называется «действие», таково:

Утром — с четырех (!) часов до шести — физические упражнения — движения глаз, только движения глаз!

Потом перерыв два с половиной часа. С половины девятого до двенадцати изучаются общеобразовательные предметы, санскритская литература, история искусства.

Далее занятия прерываются до вечера. И уже с четверти восьмого до половины девятого — мудра, тренировка в передаче символических знаков руками, пальцами...

Дети кончили заниматься, и вот уже специально для нас поднялся учитель, известный актер Падманабхан Наир.

И начался спектакль.

Его нужно было видеть там, в маленькой деревушке на юге Индии, при свете светильника. Казалось, не было в мире ничего, кроме этой ночи, близкого звездного неба, этих детей, глаза у которых слипались, но которые, как и мы, не могли оторвать их от артиста...

Лотос... Его лепестки буквально дрожат от ветра...

Пчела летит. Конечно же, это пчела. Попробовала один цветок, не понравился, другой, этот хорош...

Олень вышел из леса... Может быть, сам я не сообразил бы, что это олень. Но мне подсказали, и теперь я видел оленя, который осторожно оглядывался, гордый, красивый и беззащитный. Артист не подражал повадкам оленя, было иное, он передавал скорее суть явления.

Одиночество... Огонь... Разрушение... Создание...

И, наконец, слон. Падманабхан Наир стал вдруг будто выше ростом. Он стоял на одной ноге, а другую вытянул вперед и согнул в колене. Метнулась по стене длинная тень, спугнула ящериц. И мне трудно это объяснить, но тень была похожа на тень слона, честное слово. Быть может, потому, что в артисте было от слона и чувство силы, и чувство достоинства, и доброта, и снисходительность...

Спектакли катхакали играют в гриме. Если актеров учат шесть лет, то художников-гримеров — четыре года. Наложить грим для катхакали — тоже искусство. Представление начинается по обыкновению поздно вечером. За несколько часов до этого гримеры приступают к работе над лицом актера. Это не обычный театральный грим, а многослойная скульптурная маска, которую венчает божественная тиара. Исполняются сложные сюжеты, чаще всего на мифологические темы. Чтоб их понимать, надо, конечно, знать и сами легенды и язык мудра. На гастролях за границей выступления артистов сопровождаются комментарием. Но я мечтал, чтобы артисты, если приедут к нам в страну, включили бы в свою программу этюды, подобные тем, какие показывал нам Падманабхан Наир, — без грима...

Профессор Академии Намбудирипад рассказывал, что сейчас для катхакали готовят и современные сюжеты. И сокращается время традиционных представлений: сегодняшнему зрителю уже трудно отсидеть несколько ночей. Профессор говорил об интересе, который проявляют артисты катхакали к нашему, советскому искусству. И это был подлинный интерес. Он подробно расспрашивал нас о Майе Плисецкой, о балете Большого театра, о хореографическом училище. Показал нам сборник, недавно выпущенный в Керале. В сборнике один из крупнейших специалистов катхакали, д-р К. Н. Пишароти, пишет о своей поездке по Советскому Союзу. С особым волнением вспоминает он посещение Ясной Поляны. Это понятно: имя Толстого особо почитаемо в Индии. К 50-летию Советского государства на малаялам были переизданы рассказы великого русского писателя в переводе Амбади Иккаваммы...

Мы, наверно, проговорили бы всю ночь напролет, если бы не вспомнили, что занятия начинаются в четыре часа утра...

В двенадцатом часу мы покинули Черутхуроти, проехав мимо дома, где жил поэт Валлатхол. Потом пошли сменять друг друга темные отрезки пути и деревни, которые, как это часто бывает на юге, жили шумной ночной жизнью. Вышел на шоссе олененок, испуганно кинулся прочь от нашей машины...

Было темно. Навстречу нам двигались велосипедисты, велосипедов не было видно, и белые фигуры словно плыли по воздуху. С неба струился голубоватый свет. То и дело попадались повозки, запряженные белыми брахманскими быками или буйволами. Под повозками, возле самого асфальта, покачивались желтые керосиновые фонари. Свет наших фар выхватывал из темноты буйволиные или бычьи головы. Вспыхивали глаза, как драгоценные камни, синие, зеленые, бирюзовые и золотые... Так мне и запомнилась эта ночная дорога в джунглях — невесомые белые велосипедисты, замерший лес, фонари под повозками и драгоценные камни глаз...

Приходит праздник в час полночный,
Рассеялся туман молочный,
А в небе звездном и просторном
Стоит луна немим дозорным...
А здесь, внизу, цветы и тени,
Лучей, ветвей переплетенье.
И сари долгого заката
То зелено, то розовато,
И звезды, рассыпаясь градом,
Бесшумно тают где-то рядом...
Сравнится лишь с бутоном розы
Земля, разубранная в росы.
В полночном небе столько света,
Земля так празднично одета...^[3]

У въезда в Эрнакулам устанавливали арки, вешали на них гирлянды из желтых бумажек — здесь все еще ждали священную процессию...

Незадолго перед тем как покинуть Кералу, мы побывали в местном отделении общества индо-советской дружбы, там мы долго беседовали и пили кофе, по-моему, лучший кофе на свете. Оттуда мы отправились к Шанкаре Куруппу. Нас предупреждали, что он болен, но невозможно было уехать из Кералы и не сказать добрые слова большому поэту этого дивного края. Высокий, седой, он удивительным благородством облика как бы олицетворял Кералу. В издательстве «Художественная литература» выходит сборник его стихов. Из этого сборника и взят отрывок, который приведен несколькими строчками выше.

По пути на аэродром мы видели плакат, он установлен на всех шоссе сказочной Кералы:

«Счастливого пути и возвращайтесь!»

Бомбей — город без электричества

В Бомбей мы летели с посадкой в Гоа. В Гоа на аэродроме стандартные надписи вроде «вход воспрещен» или «проход на посадку» написаны и по-португальски. Со временем, наверно, исчезнут и эти последние напоминания о португальском владычестве.

В самолете мне посчастливилось — рядом со мной сидел К. П. Менон, бывший посол Индии в Советском Союзе, а ныне — председатель общества индо-советской дружбы. Со свойственной дипломатам выдержкой он мужественно переносил мой английский язык. В Бомбее мы вышли втроем — К. П. Менон, Переводчица и я. Напомню, что наш Руководитель давно уже был в Москве. Однако встречавший нас представитель советской колонии не знал этого. Он обвел нас испытующим взглядом, быстро установил, что Глава делегации — не я и...

— Здравствуйте, товарищ! — тут он назвал фамилию нашего Руководителя и протянул руку господину Менону.

— Здравствуйте! — ответил по-русски К. П. Менон и пожал протянутую руку. Я пошатнулся.

— Как долетели?

— Спасибо, хорошо! — ответил К. П. Менон.

— Как вам нравится в Индии?

— Очень нравится! — искренне ответил К. П. Менон.

Встречавший весь излучал сияние, но в этот момент к господину Менону подошли те, кто ждал его прибытия. Встречавший перестал сиять; он обнаружил, что руководитель советской делегации говорит на языке ему, представителю, непонятном. Тут господина

Менона назвали по фамилии, и мы оказали встречавшему нас товарищу посильную медицинскую помощь. Я сознательно не называю фамилии пострадавшего, потому что с каждым может приключиться такая невеселая история.

Бомбей — самый большой город Индии: в нем живет свыше шести миллионов человек.

Жители Бомбея утверждают, что он и самый красивый город Индии. Это утверждение можно оспаривать. Бомбей хорош, однако есть и другие прекрасные города. Но все согласны с тем, что ночной Бомбей действительно красивее любого индийского города — это считается бесспорным. Ночью Бомбей сверкает рекламами, знаменитая набережная Марин-Драйв, иначе ее называют «ожерельем королевы», огненным полукругом окаймляет морскую бухту.

Что касается численности населения, я охотно верю справочникам (сам не пересчитывал). Наверно, так оно и есть: народу здесь много, автомобилей тоже хватает, но вот относительно светящейся рекламы и разных там ожерелий — не скажу, не видел, хотя провел в Бомбее несколько дней. Я поднимался вечером на Малабарский холм, покорно смотрел вниз — небо видел, море видел, набережную видел, рекламы не видел, буквально, ни одной, на Марин-Драйв едва мерцали фонари, а на улицах меньшего значения и вовсе было темно.

Дело в том, что в Мадрасе мое прибытие было ознаменовано циклоном, а в Бомбее в честь моего приезда природа устроила землетрясение. Опасаюсь, что меня уже больше не впустят в Индию, дабы не возникали стихийные бедствия. Говорят, что в Бомбее это было вообще первое землетрясение...

В середине ночи как будто кто-то приподнял дома за шиворот и хорошенько встряхнул. Дома здесь, между прочим, довольно тяжелые; это — современный

многоэтажный город, есть и высотные здания в 26 этажей.

В доме, где обитают сотрудники нашего торгпредства, кто в чем спал, так в том и выскочил на лестничную площадку.

Только одна молодая женщина вела себя храбро. Ее маленькая девочка проснулась и спросила испуганно:

— Мама, кто это трясет мою кроватку?

— Спи, доченька, спи! — ответила мама. — Это землетрясение!

Шутки шутками, а Бомбей действительно немножко встряхнуло, однако при этом никто не погиб. Вот небольшой городок Койнанагар пострадал сильно. Там жертвы были и серьезные разрушения. И выбыла из строя электростанция, которая снабжала Бомбей электроэнергией.

Поэтому вечерами город не освещался. Не знаю, из каких источников, но небольшие дозы электричества с промежутками подавали в дома — час погорят лампочки и снова погаснут. Значит, район отключили и энергию передали в другой. Остановилось много промышленных предприятий, в газете было сказано — 69, и хозяева отказались платить рабочим за простой. Это уже беда!

Замер порт! Изредка тревожно гудели сирены, беспомощно повисли в воздухе стрелы кранов.

Газеты сообщали, что на электростанции полным ходом идут восстановительные работы, но они не сообщали главного — через сколько дней электростанцию восстановят.

Следующей ночью Бомбей снова потрянуло, правда, уже не так сильно. От толчка у меня в номере завертелся под потолком вентилятор...

Днем мы начали смотреть превосходную картину «Индия-67» молодого режиссера Сукдэва. Это документальная, остросовременная лента, живая и темпераментная. Ни одного пустого кадра, ни одной проходной сцены, ни одной банальности. Как вдруг где-то на середине картины экран погас. Запомнился последний увиденный кадр: на общественной уборной реклама фильма с Лоллобриджидой... Мы долго ждали, однако электричества не дали и досмотреть картину до конца не удалось. С просмотра надо было ехать на встречу с драматургами. Машина влилась в мощный уличный поток. Это было странное зрелище: тысячи машин на темных улицах и единственный источник света — свет автомобильных фар. Они на мгновение освещали темные ресторанчики и грустные фигуры хозяев у \$хода, регулировщиков в шортах и коротеньких рубашечках, на которые были нацеплены уздечки из тоненьких ремешков.

Встречу с драматургами назначили в театре. Мы собрались за сценой в одной из служебных комнат, с нами не было, к сожалению, заболевшего Кришан Чандра. Создавалось впечатление, что мы вернулись в XIX век. В подсвечниках оплывали свечи, и тень от их пламени пританцовывала на стене. Мы разговаривали долго, часа полтора, может быть, два. Потом вдруг вспыхнул электрический свет, огоньки свечей оказались в нем прозрачно-светлыми и беззащитными. Сначала мы

даже не поняли, что произошло, а потом заторопились в зрительный зал. Актеры хотели сыграть нам отрывок из готовящегося спектакля.

Это была пьеса Виджая Тендулкара. Герой ее — обыкновенный клерк — вдруг обнаружил в себе удивительную способность летать. Представьте себе, без всяких летательных аппаратов или сложных приспособлений просто мог подниматься в воздух и летать. И клерк решил: раз он обладает столь удивительной способностью, он теперь послужит людям, попытается совершить что-то нужное и полезное им. Однако ничего хорошего клерку сделать не удалось. Его собственная семья попыталась извлечь из неожиданного события элементарную коммерческую выгоду. И тогда маленький летун махнул на все рукой и улетел в неизвестном направлении...

Таково было содержание очаровательной иронической комедии, которую ставил Арвинд Дешпанде на языке маратхи в профессиональном театре. Главную роль играл Ганеша Соланки, комик чаплинского толка, умевший вызвать у зрителя не только смех, но и слезы. Общеизвестно, что смешное и грустное бродят рядом, но совместить это в искусстве дано не каждому.

Мы успели увидеть первый акт. Как только он закончился, свет снова погас и мы уехали из театра, завершив, увы, на этом наше конкретное знакомство с маратхской драматургией.

На следующий вечер мы были приглашены к Радж Капуру на день рождения. Советскому читателю не нужно объяснять, кто такой Радж Капур. Его популярность в нашей стране поразительна. По-моему, «Бродягу» посмотрело все население от мала до велика. Успех Капура определялся не только талантом актера и режиссера, но и тем интересом ко всему индийскому, который живет в советском народе. Фильм

Капура был в СССР одним из первых индийских фильмов. Скорее всего поэтому, он от начала и до конца воспринимался как жизненная правда. Но главное, этого у Капура не отнимешь, актер человечен, умеет соединять смешное с трогательным и грустным.

В тот вечер в отеле света не было. Мой галстук оказался изрядно мятым, мне его погладили в нашем консульстве. В галстук и в пиджаке я почувствовал себя погибающим: в девятом часу температура была... плюс тридцать два! Немного примирило меня то, что все мужчины, а их в загородном доме Капура собралось немало, были втиснуты в белые рубашки и темные пиджаки. Лишь один гость был в светло-кремовой рубашке. Он возвышался над всеми в буквальном смысле слова. Я узнал его по фотографиям. Это был выдающийся кинорежиссер Сатьяджит Рэй. Он прилетел из Калькутты поздравить Капура. Так волею случая я познакомился с Рэем. И общался с ним без переводчика, он понял меня, я понял его, во всяком случае, мне так показалось... В разговоре выяснилось — у Рэя зреет желание вместе с советскими кинематографистами снять картину о русском человеке Лебедеве, который еще в конце XVIII века основал в Калькутте театр.

И в творческих планах Капура тоже есть мысль поработать с советскими артистами, он собирается занять наших актеров цирка в своей картине «Судьба клоуна».

На дне рождения было три Радж Капура. Отец именинника — известный актер Притхвирадх Капур, сам именинник и его юный сын, пока еще просто Радж Капур. В иллюминированном саду горели разноцветные лампочки и ни разу не погасли. На эстраде танцевала звезда варьете, смотрели на нее звезды экрана, съехавшиеся со всей страны. На стене дома висел огромный «пермит», письменное разрешение на...

спиртные напитки по случаю дня рождения. В Бомбее — строгий сухой закон и в отличие от Дели — без выходных дней. Есть даже такая должность — министр сухого закона.

Гости Капура вели себя, как все гости на всех днях рождения: ели, пели и веселились. Когда именинник резал огромный торт, а маленькая дочка помогала ему, все дружно пели:

— Ты хороший парень...

Кинематограф Бомбея тоже страдал от землетрясения. Не хватало энергии, и не велись съемки. Картины здесь снимают, как правило, гангстерские, мелодраматические, исторически помпезные. В Бомбее и по всей Индии кинематограф схвачен за горло коммерцией, это выражение принадлежало одному из критиков. Картины делаются коммерческие, коммерческие и еще раз коммерческие.

Смотрят с реклам оболстительные женщины (ничего не скажешь, одна красивее другой!) в купальных костюмах, в коротких кофточках с голым животом, в брюках в обтяжку... Крупно написано: «У нее есть драгоценности». Глагол «есть» перечеркнут, и сверху огромными буквами выведено: «были». Содержание фильма ясно — крадут драгоценности.

Конечно же, кино должно развлекать, и отбирать у него развлекательную функцию так же бессмысленно, как и ставить перед кинематографом только развлекательные цели.

Наш последний визит в Бомбее был к замечательному танцовщику Кутти Кришнану. Он на сцене тридцать пять лет, танцует катхакали, и северный танец катхак, и южный бхарат натьям, и все другие танцы, какие только есть в Индии. Лампочка слабо мерцала под потолком. Кутти Кришнан показывал нам всевозможные мудра, знакомил нас с традиционной

индийской мимикой. В записной книжке я написал: «Райкин Бомбея».

Артист дал мне газету и попросил прочесть первую попавшуюся фразу. Я прочитал:

«Греческого короля лишили власти, и он бежал из страны».

Кутти Кришнан, танцуя, сыграл нам эту фразу. Это был грустный рассказ о судьбе короля, длинная история, в которой Кришнан изобразил и греческого монарха и тех, кто его лишал власти, букву «и» он тоже сыграл, а в бегстве был бесподобен.

Потом танцовщицы показывали отрывки из современных балетных сцен. Хотя их ставил Кришнан, честно сказать, это было не так уж интересно. Южный катхакали или северный катхак, переложенные на сюжеты второй половины XX века, видимо, теряли свою прелесть. То же происходит зачастую и с нашим балетом, где строители или колхозники танцуют в пачках...

Когда мы уходили от Кутти Кришнана, на улице было совсем темно. Я присел на корточки. Недавно здесь работал уличный художник. Мелом рисовал на асфальте слонов, тигров и танцовщиц. Сейчас рисунки уже частично стерлись...

Мы снова поехали на гору, откуда открывается вид на Марин-Драйв и бухту. Я попытался представить себе этот город, сверкающий огнями. Драматургия требовала, чтобы в тот момент, когда, спустя несколько дней, наш самолет поднялся над Бомбеем, самый большой город Индии вспыхнул грандиозным электрическим фейерверком. Было бы очень приятно так написать, но совесть не позволяет. Сказать по правде, мы улетали днем, и я так и не увидел Бомбей во всем его блеске.

Дом на Лабурнум-Роуд

Грустное место — мемориальный дом или квартира. Дом или квартира, в которых жили великие люди. Иногда эти люди знали, что они великие, иногда не догадывались, просто жили, страдали, любили и, конечно, работали.

Мемориальная квартира. Вход иногда бесплатный, как в Ленинграде на Мойке в пушкинскую квартиру, иногда нужно заплатить какую-то мелочь. Потому что требуются деньги на содержание дома и на его ремонт. Хотя в квартире никто не живет, надо поддерживать в ней порядок, делать всякую мелкую работу, следить, чтобы вещи лежали на привычных местах.

В Ленинграде на Мойке, дом двенадцать, я всегда старался отойти в сторонку и не слушать объяснений экскурсоводов:

— Вот по этой лестнице внесли в квартиру смертельно раненного Пушкина...

Слова вызывали боль. В квартире, где умер Пушкин, кажется, будто умер он только что, и точно знаешь: его смерть — великая несправедливость. Недавно в «Журналисте» была статья, в которой доказывалось, что Пушкина лечили хорошо, что после дуэли его нельзя было спасти. Но мы упрямо верим — можно! Ведь мы любим Пушкина...

Умом понимаешь — Пушкин уже не мог жить сегодня. Но, когда находишься в ЕГО квартире, сердцем веришь — нет, мог! Конечно же, мог! Мог бродить по этим комнатам, перебирать книги, подходить к окну, смотреть на Мойку и на мокрый снег...

Я почему-то все время вспоминал пушкинскую квартиру, когда в Бомбее ходил по дому, где жил Ганди. Кем был этот человек для Индии, по-настоящему

понимаешь, только поездив по стране. И дело тут не в многочисленных памятниках и мемориальных досках и даже не в фотографиях, украшенных цветочными гирляндами, которые я видел чуть ли не в каждом доме. Дело в том, как произносят его имя. Так произносят имя особенно дорогого и близкого человека.

С Ганди связана история освобождения страны.

Неру писал о нем: «Он был подобен струе свежего воздуха, заставившей нас расправить плечи и глубоко вздохнуть; подобно лучу света, он прорезал мрак, и пелена спала с наших глаз; подобно вихрю, он все всколыхнул, и в первую очередь человеческое мышление. Ганди не спустился сверху; казалось, он вышел из миллионных масс индийцев, он говорил их языком и уделял им и их ужасающему положению все внимание... .»

В Дели в день приезда мы были на месте кремации Ганди — Раджгхате — и возложили цветы на черную гранитную плиту, на которой нет его имени, а лишь начертаны его слова: «Есть Правда».

Люди, приходившие отдать дань уважения памяти Ганди, оставляли у входа в мемориальный ансамбль обувь и босыми шли по каменным плитам, нагретым солнцем, к гранитной плите и клали на нее гирлянды из желтых зимних цветов.

Ганди трагически погиб 20 лет назад. Человек, который провозгласил освободительную борьбу «борьбой веры», «праведной борьбой» и считал ее высшей формой религиозного подвижничества, погиб от руки религиозного фанатика. Это произошло 30 января, и день 30 января отмечается в Индии как «День мученика». Народ вспоминает тех, кто отдал жизнь за свободу и независимость.

«Мани Бхаван. Резиденция Ганди в Бомбее с 1917 по 1934 год» — выбито на мраморной доске у входа в Лабурнум-Роуд, 19. Я старательно списывал текст. По

мостовой, цокая копытами, прошла гнедая лошадка, убранная цветами. Лошадку вел под уздцы грум. А в седле, вцепившись двумя руками в гриву, сидела девчушка лет семи. Она косилась на торговца игрушками. Он нес свой сказочный товар на голове. Из коробки высывались, покачиваясь на ходу, надувные тигры. За торговцем бежало двое мальчишек. Жизнь продолжается.

Я переписывал дальше: «Он вел здесь кампанию непротивления в 1919 году и гражданского неповиновения в 1932 году».

Непротивление, неповиновение — для нас они абстрактные понятия. Для каждого индийца — это живые принципы борьбы под руководством Ганди. Если попытаться вкратце объяснить политические устремления его, надо начать с «сатьяграхи». Это слово можно перевести как «упорство в истине». Ганди проповедовал «сатьяграху» — упорство в истине, ненасильственную борьбу, то есть стачки, демонстрации, бойкоты, массовое неповиновение, и отвергал вооруженное сопротивление даже при терроре со стороны властей. Поскольку борьба против англичан не должна была перейти в восстание, у крестьян или у рабочих в случае изгнания колонизаторов не было никаких шансов получить власть. Но лозунги Ганди были притягательны и для угнетенных. Лозунги были конкретны, действенны, призывали к упорному, каждодневному сопротивлению. И образ Ганди, одетого, как простой человек, живущего, как простой человек, и целиком отдающего себя борьбе, тоже был притягателен.

Мани Бхаван — трехэтажный дом с многочисленными балконами. Привратник распахнул тяжелые двери. Мы приехали рано и были первыми посетителями.

Главное на нижнем этаже — зал с библиотекой, и в нем бронзовый барельеф Ганди. Четыре барельефа воспроизводят сцены из жизни индийской деревни — у прялки, доят корову, молотят, растирают муку. Вдоль стен стеллажи с книгами. Книг много. Я разглядел на одной из полок: «Фауст», томики Льва Толстого, Маркс, Свифт, тут же Коран, Библия. В философском учении Ганди сплелись воедино идеи индуизма и элементы буддизма, в чем-то его воззрения совпадали с этическими и философскими взглядами Толстого. Ганди боролся за свободную и независимую Индию. Но он не считал, что Индия должна отгородиться от всего остального мира. Ганди говорил: он хочет, чтобы ветер всего мира пришел в его страну, но не хочет, чтобы этот ветер сорвал крышу с его дома...

На полу в библиотеке расстелены циновки, стоят пюпитры для книг. Сюда приходят работать. Можно пользоваться книгами, можно пользоваться фотокопиями с рукописей и книг. Литература здесь на родном языке Ганди — гуджарати, на маратхи, хинди, английском...

Мы сели на циновку, служитель включил пленку или поставил старую пластинку. Сначала зазвучали народные песни, а потом мы услышали негромкий старческий голос.

Хозяина дома давно уже нет на свете. Так устроен мир. Голоса переживают людей. И голос Ганди все еще звучит и будет звучать в его доме. Может быть, это сентиментально, но мне было больно слушать в доме Ганди голос Ганди, которого нет...

В рабочей комнате, этажом выше, стоит ручная прялка. Она здесь не случайно. Ганди полагал, что Индия должна остаться в стороне от технического прогресса. Удел ее — прялка и плуг, машины же погубят страну. Человек, боровшийся за общественный прогресс, в то же время выступал противником

технического прогресса, наивно рассчитывая, что можно остановить историю.

Ганди жил просто. И это не было показным. Он хотел, чтобы так жили все. Прекрасное, но наивное заблуждение: люди не созданы быть аскетами. Он работал на этой прялке, сам убирал свой дом, сам выносил мусор. Для Индии это смелый поступок. Ведь Ганди по происхождению принадлежал к одной из высших каст. А выполняя работу мусорщика, делая то, что положено делать людям из низших каст, он лишал себя кастовых привилегий.

Англичанам Ганди был особенно ненавистен. И они не раз арестовывали его. Каждый арест Ганди вызывал в стране новую волну протестов, тысячи и тысячи людей присоединялись к борющимся.

На верхней террасе есть еще одна мемориальная доска:

«Здесь был арестован Ганди в утренние часы в январе 1932 года».

Когда мы уходили из дома по Лабурнум-Роуд, 19, мы встретили группу молодых людей, очень деловых. Они шли с портфелями и папками. Они шли в этот дом работать...

Остров Элефанта

Остров Элефанта, то есть Остров слона, или Слоновий остров, не знаю, как лучше перевести, входит в число тех объектов, которые осматривают все туристы.

— Как, вы не были на Слоновьем острове? — И вам становится стыдно, вы готовы бросить дела и поехать туда хоть сейчас.

Рано утром, лихорадочно поглощая завтрак, чтобы не опоздать на катер, мы услышали сводку погоды. Диктор предсказывал проливной дождь.

— Возьмем плащи? — спросил я Переводчицу.

Она поглядела на меня свысока, ей захотелось что-то сказать на тему о старых перестраховщиках. Может быть, она и сказала что-нибудь, но я уже этого не слышал. Я мчался наверх за плащом и за джемпером. Я осторожный путешественник и не люблю болеть за пределами родной квартиры.

В машине было нестерпимо жарко, солнце палило изо всех солнечных сил, джемпер и плащ давили меня своей ненужной тяжестью, и я не слишком лестно думал о бюро прогнозов.

Отправились на Слоновий остров почти из центра города, от роскошной арки желтого базальта, которая называется «Ворота Индии».

Когда мы прибыли на площадь возле Ворот Индии, полил дождь. После циклона в Мадрасе этот дождь в общем-то не произвел на меня особого впечатления, но в циклон я мог отсиживаться в отеле, а сейчас... Поль внимания на дождь — Переводчица вышла из машины, направилась к набережной и там спокойно пошла к ступенькам, которые прямым вела в Аравийское море.

— Возьмите плащ! — крикнул я.

Меня не удостоили ответом, я накинул плащ и бросился вслед.

Катер плясал на волнах, которые появились вместе с дождем. Неизвестно откуда взявшийся подул пронизывающий, холодный ветер. Дождь хлестал по волнам, будто подгонял их. Я спустился по скользким ступеням, сделал неудачную попытку свалиться в воду и очутился на катере.

Я искренне надеялся, что в связи с ухудшением метеорологических условий поездка будет отменена. Но рулевой включил двигатель, и теперь к качке прибавился озноб. Двигатель, очевидно, был мощным: он сотрясал катер с такой силой, что тот ходуном ходил. Рулевой, элегантный мужчина, одетый по-европейски — белая рубаша, узкие брюки, теплый шарф на шее, повязанный с нарочитой небрежностью, — скинул узконосые ботинки (только они мешали ему плыть по морю), повернул руль, и мы отбыли. Я сидел на мокрой скамейке рядом с модным молодым французом, служащим парижского аэродрома Орли. Смелый паренек твердо помнил, что он находится на юге, южнее двадцатой параллели. На нем была тонкая розовая распашонка без рукавов. Губы у него побелели, и он, как поется в старой песенке, «посинел и весь дрожал». Зато Переводчица стояла, гордо выпрямившись и умудряясь сохранять равновесие, когда катер делал попытку вышибить пол у нее из-под ног. Она мерзла, конечно, но не брала плащ у мужчин, показывая, что женщины более выносливы, более мужественны — одним словом, мы старались на нее не смотреть, чтобы не чувствовать своего мужского ничтожества.

Сквозь пелену дождя видна была знаменитая, многократно описанная бомбейская гавань. Я увидел советское судно, по-моему, поручиться не могу, это был танкер под названием «Григорий Ачканов». В голову мне пришел следующий сюжет: «Сейчас наш катер перевернется. И моряки с советского судна, к собственному удивлению и радости, спасут соотечественника. Переводчица, она, конечно, сама выплывет...»

В подтверждение моих мыслей волна выглянула из-за борта, встала в рост и окатила меня несколькими литрами мокрой, холодной и очень соленой воды. Мне сразу расхотелось участвовать в кораблекрушении.

Появились мальчишки, юнги нашего катера. Грязной парусиной они затащили, по-морскому — задраили борта. Теперь мы ничего не видели, кроме спины рулевого, и вместо полезного морского воздуха вдыхали запах тоненьких крепких сигарок, которые курил рулевой.

Таким приятным образом, коротая время в беседе, мокрые с головы до ног — волны то и дело приподнимали парусину и напоминали нам о себе, — мы провели час.

Вдруг катер резко повернул. Мы заглянули под парусину и увидели остров, маленькую и симпатичную зеленую гору. Катер приближался к дощатому причалу. Возле него «по колена» в море стояли деревья, их корни были вывернуты наружу. Мне объяснили, что у этих деревьев всегда такая незавидная жизнь. Волны пополам с дождем захлестывали причал. Человек двадцать прыгнули с катера и побежали по скользкому настилу. Всеми владела единственная мечта — где-нибудь спрятаться от этого ветра и от потоков студеной воды. Спрятаться было негде, и мы, задыхаясь и рискуя подорвать напряженную деятельность туристского сердца, побежали вверх по ступеням, надо было взбежать приблизительно на десятый этаж. У подножия те, кто был без плаща, взяли на прокат большие черные зонты, они мало помогали, ветер рвал их из рук, и обладатели зонтов думали уже только о том, чтобы не потерять эти легкие, но оказавшиеся буйными предметы. Можно было вместо зонта нанять... паланкин. И тогда двое дюжих носильщиков по идее доставили бы пассажиров наверх. Почему-то никто не воспользовался их услугами... Наверху — о спасение! — был ресторан, плохонький, что там греха таить, но в этом ресторанчике можно было заказать горячий кофе.

Я спросил, по невежеству конечно:

— А где тут слоны? Ведь это же остров слонов? — При этом мои зубы стучали о край чашки.

Мне было холодно, но я эгоистически ликовал, потому что Переводчица насквозь промокла и, наверно, жалела теперь, что не взяла с собой непромокаемый плащ или не воспользовалась моим.

— Следовало бы знать, — с усмешкой ответила Переводчица, — что, когда португальцы, это было в средние века, прибыли на остров, они увидели каменную статую слона. Отсюда и название острова.

Теперь этой статуи нет. А живых слонов никогда не было, нет и вряд ли их сюда привезут...

— Обойдемся! — сказал я, не удержался и добавил: — Вы согрелись, хотите еще кофе?

Вскоре мы снова вылезли под ливень, опять побежали наверх, и вдруг перед нами открылся каменный дворец. Он был вырублен в той самой горе, которую мы видели с моря. Мы вошли во дворец, теперь над нами была каменная крыша. Мы были в знаменитых пещерах, описанных во всех путеводителях, справочниках и рекламных буклетах. Обязательно побывайте!.. Всего 6 миль от Бомбея!.. Приятная прогулка на комфортабельном катере!.. Пещеры, украшенные скульптурами, относятся... тут мнения авторитетов расходятся... в общем им тысяча лет!

Достаточно было пройти в глубь каменного зала и увидеть шестиметрового каменного Шиву, как все мы забыли про непогоду и гнусное путешествие по бурному морю.

Тысячелетний Шива смотрел на нас спокойно, ощущая свое бесспорное превосходство. В грех лицах, трех одинаковых лицах переданы три разных характера. Шива-хранитель, искусствоведы называют его охранителем, потому что он охраняет нас с вами, Шива-творец и Шива-разрушитель. Фас и два профиля. Искусствоведы считают наиболее выразительным и наиболее удачным полный мудрости и покоя образ Шивы-творца. Я не согласен. Больше других взволновал меня Шива-охранитель, исполненный доброты, ласковости, кротости, что ли. Этот Шива для людей и потому человечен в самом высоком смысле. Я убежден, что, когда люди давным-давно, чуть ли не в VIII веке, приходили в этот храм, пересекали каменную веранду, огромную, просторную, проходили мимо колонн со страшными каменными дварапалами, стражами дверей, и приближались к статуе, они раньше всего бросали

свой взгляд на Шиву-охранителя. Потому что доверие, сердечность, доброта всегда и во все века, прошлые и будущие, привлекали и будут привлекать людей больше, чем гнев, угроза или даже созидание. Созидание уважают, ему поклоняются, а любят доброту...

В пещерах много горельефов. Снова, как и в Махабалиपुरаме, сцена «Нисхождения Ганги», правда не столь впечатляющая, Шива в космическом танце, свадьба Шивы и Парвати. Это не свадьба богов, нет, это свадьба двух славных, хороших, симпатичных людей. В камне рассказана простая человеческая история, поэтому она волновала и продолжает волновать, независимо от того, знаешь ты индуистскую мифологию или понятия о ней не имеешь...

Мы долго бродили по пещере. Тут было что посмотреть и ради чего приезжать. На сей раз реклама и путеводители сообщали сущую правду. И все-таки перед тем как уехать, я вернулся и постоял у трехликого Шивы. И, признаться, смотрел только на Шиву-охранителя. На того, если верить в это, кто бережет нас с вами.

Проходили века. Вот нагрянули завоеватели на громоздких военных кораблях, на остров высадился десант португальцев, ревностных католиков. Для них все эти храмы, статуи, горельефы были преступлением против их бога. Во имя его они покоряли чужие земли, уничтожали неверных и воздвигали свои собственные храмы. И эти португальцы, которых в чем, в чем, а в сентиментальности никак не упрекнешь, пощадили остров с его каменными изваяниями.

Наверно, есть у подлинного искусства сила, перед которой опускается даже меч. Наверно, поглядели португальцы на Шиву-охранителя — не знали они ни про Шиву, ни про то, что он охранитель, — а просто поглядели на каменного гиганта, на его женственное

чарующее лицо, и дрогнули их сердца, и они уехали с острова, не потревожив вековой покой Шивы с его по-детски нежно припухлой нижней губой.

После мы снова сидели в ресторане, пили скверный кофе. С веток деревьев свешивались, заглядывали, попрошайничали мокрые обезьяны. Дождь все лил. Катер с трудом пристал к причалу; его отбрасывало в сторону.

Мы спустились по мокрым ступеням, проявив акробатические способности, перебрались на шаткое суденышко и наконец отбыли назад в город. На мокрых мостках, рискуя свалиться в воду, стоял абсолютно белый библейский ягненок. Он единственный провожал нас...

Зеленый остров скоро остался позади. Катер приплясывал на волнах. Мне померещилось — каменный Шива крутится в космическом танце, он созидает вселенную. Наверно, это прекрасная мысль, что мир создан в танце. Прекрасная потому, что люди танцуют в хорошем настроении, ведь с горя не пустишься в пляс...

Когда мы вернулись в Бомбей, дождь, разумеется, сразу прекратился. Можно было подумать, что его специально заказывали на время нашей поездки. В машине я снял плащ и джемпер. И теперь мне казалось, так уж устроены люди, что я брал их напрасно.

Позже я узнал, что остатки каменного слона, который увидели португальцы на острове, вывезены оттуда, реставрированы и находятся в одном из садов Бомбея. Я вознамерился обязательно туда съездить, даже поехал туда, но уже по пути обнаружилось, что мы должны возвращаться в гостиницу, иначе опоздаем на какое-то мероприятие вроде пресс-конференции.

Перед выездом Переводчица, пряча улыбку, напомнила мне:

— Пожалуйста, не забудьте плащ!

Был светлый, солнечный день...

Глава, которая не имеет конца

Итак, путешествие подходит к концу. Все музеи исхожены, киностудии осмотрены, визиты нанесены, у всех исторических памятников произведен исторический снимок — впереди путешественник, за ним монумент или башня, в фокусе или не в фокусе, это уже не имеет значения.

Под занавес хозяева устроили два сногсшибательных мероприятия. Сначала повезли в аквариум. Там за толстыми стеклами плавают самые настоящие акулы, изображают перпетуум-мобиле, на хорошей скорости гоняют по застекленной тюрьме, жаждут крови посетителей. А в соседнем отсеке томно изгибаются чарующе-завлекательные, тигровой масти, может быть, змеи, может быть, рыбы — одним словом, мурены. В аквариуме — феерический парад океанских рыбных достижений в поисках цвета и формы. Здесь выдают такие красочные открытия, какие не снились ни одному колористу. А в центре обширного зала плавают скучненькие представители нашего пресноводного мира. Они выглядят бедными родственниками, у которых не хватает денег, чтобы пройтись по магазинам Бомбея и набрать себе яркие ткани на праздничную одежду. И только одна рыба, вся в оранжевых пятнах, с лиловыми плавниками и с ложным глазом на хвосте, поддерживает престиж речных обитателей...

Рядом со зданием аквариума расположен, оказывается, ни больше ни меньше как институт йоги. Точнее, сам институт в семидесяти милях от города, а тут, на набережной, нечто вроде филиала «центр здоровья», попросту клиника, где лечат по системе йогов. Там, за городом, — четыре факультета, там учатся несколько лет, туда поступают люди с законченным высшим образованием, желающие научиться повелевать не только собственным телом, но и собственными чувствами, что значительно сложнее. А здесь, в Бомбее, лечат от бессонницы, от астмы, от хронических болезней желудка, от частых простуд. Я познакомился с господином Бхашаном. Седая шевелюра кудрями обрамляет лицо, седые усы, нависшие черные брови, сухой и гибкий. Лет ему... трудно сказать... что-нибудь за шестьдесят. О себе господин Бхашан не говорит ничего: «Когда человек говорит о себе, это мешает ему развиваться!» Изречение йогов неплохо было бы вывесить в нашем клубе литераторов.

Холл клиники был похож на оффис деловой фирмы. Работали молчаливые клерки, перебирали стопки бумаг и груды писем. Господин Бхашан советовал нам

подписаться на журнал йоги (он издается в Бомбее) и советовал остерегаться так называемых научно-популярных книг. В последнее время йога стала модой. Конечно, есть серьезные люди, которые изучают йогу, чтобы лечить людей. Правительство Индии субсидирует научные исследования в этом направлении. Но есть и добровольцы из публики. Им важно выдвинуться на первый план и нагреть руки. Они пишут книжки и статьи, но от этой литературы надо держаться подальше. Без наблюдения специальных врачей, которые изучали йогу, нельзя и не нужно делать никаких упражнений, разве только самые простые дыхательные. Ну, а насчет пресловутого стояния на голове... если у человека голова не годна ни на что другое... Много бед случается оттого, что люди пытаются подражать йогам, не имея для этого необходимой подготовки. Кто хочет подготовиться по-настоящему, пусть приезжает в Бомбей. Вообще-то йога не только и главным образом не физические упражнения, а философская система...

Конечно, и аквариум и тем более клиника йогов — это интересно, очень интересно. Но заканчивается путешествие, и положено подвести черту, подбить итог или, как шутят, вывести сумму прописью...

Сначала я листаю написанное — это естественно. И мне становится ясно, что написанное — это только слабый отсвет Индии. Авторской рисовки и

самоуничтожения здесь нет ни на каплю. Просто зрительное впечатление от страны настолько сильно, что найти ему литературный эквивалент необычайно трудно. Писать об Индии было бы хорошо, сопровождая текст цветными рисунками, сделанными с натуры. Индия без цвета теряет по крайней мере пятьдесят процентов. Нужно уметь рисовать... Хорошо это делать, как Карел Чапек или как Шанкар Пиллаи... Мне сие не дано. Индия — это буйство зеленого, желтого, синего, красного; краски там сочные, словно их только что выжали из тюбиков, положили, не смешивая, чисто и густо и в самых неожиданных сочетаниях. И добавили в краски индийский секрет, от чего цвета бьют в глаза и заставляют вас удивляться — как это до сих пор мы не знали о существовании зеленым-зеленого, желтым-желтого или синим-синего...

Кроме того, я опустил массу интересного. Ну, к примеру, ничего не написал о Центре искусств в Дели. Я помню, был холодный, ветреный день. Ветер врывается в барак, служивший помещением для репетиций, трепал по стенам старые синие драпировки и леденит каменный пол. Музыканты кутались в шарфы. Я поднял воротник у пиджака, но ветер гудел и бесновался, и не верилось, что это Дели. А Пратар Равар без усталости бил босыми ногами по холодному каменному полу, который от бесконечных репетиций, каждый день с утра и до ночи, был в выбоинах. Щиколотки у Пратар Равара были обмотаны поясом с колокольцами. Он выбивал ногами сложнейшие дроби, а колокольчики звенели, плакали и пели...

В другом таком же холодном бараке мы видели сцену из классического индийского балета. На таком же ледяном полу «умирал» Король птиц в коричневом джемпере-безрукавке. Он как подкошенный рухнул и забил руками-крыльями, пытался подняться, и не было

сил, жизнь медленно покидала его... Я вспоминал Плисецкую в «Умирающем лебеде» Сен-Санса.

В Центре искусств мы встретили двух отчаянных американок. Они изучали искусство индийского танца, чтобы потом концерттировать в Соединенных Штатах. Миссис Патрик, светленькая и тоненькая, выглядела в сари весьма забавно. Пробор у нее был выкрашен в алый цвет — свидетельство того, что она недавно вышла замуж. Миссис Патрик, к полному нашему удивлению, заговорила по-русски. Она, оказывается, изучает индийские танцы и говорит на нашем языке. А мисс Лалли, по происхождению итальянка, выглядела в сари, будто в нем родилась. Мисс Лалли уже опытная артистка, она в Индии не впервые и приехала совершенствоваться...

Потом я позабыл рассказать о магазинах прикладного искусства. Это государственные магазины, в которых торгуют изделиями народных мастеров. Но я должен рассказать не об этих бесподобных изделиях, а о том, как обслуживают в магазинах. Я был в них в Мадрасе и в Бомбее и ходил бы туда каждый день, имея я на то время. Здесь напрочь опрокидывается бытующее представление (его не всегда высказывают вслух, но оно существует), что в государственных магазинах никогда не будут обслуживать так, как в частных. Дескать, в конечном счете продавцам плевать... Нет, просто все зависит от культуры продавцов. В индийских магазинах прикладного искусства тебя встречают так, что ты готов скупить все подряд, если, конечно, есть на что...

И, наконец, я просто обязан рассказать о прощальном визите, который мы нанесли нашим любезным хозяевам — министерству просвещения Индии. Это было в Дели. Там я первый раз в жизни увидел министерство просвещения... за колючей проволокой. Оказывается, чиновники невысокого ранга

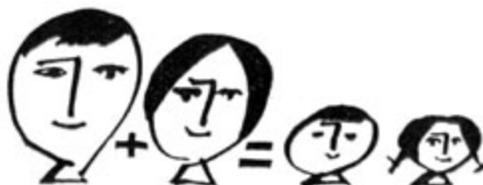
сидели в комнатах, которые прежде служили казармой английским солдатам. У входа долго и придирчиво проверяли наши пропуска, мы так и не поняли почему. Из казарм мы перешли в роскошное здание, где функционировали ведущие лица данного министерства.

У входа опять долго и придирчиво исследовали наши пропуска. И мы начали путешествие по кабинетам, имевшим уже совсем иной вид. Сопровождавший нас по Дели сотрудник означенного министерства онемел от восторга, увидев, что нас принимают заместители министра, а потом и сам министр.

Эта чиновничья лестница произвела на нас впечатление и заставила задуматься о том, как молодое государство, получив в наследство громоздкий государственный аппарат, не сокращает его, а, наоборот, совершенствует. Один из руководителей министерства, кстати, поведал нам не без юмора, что однажды, покупая на базаре орешки, он увидел, что их заворачивают в приказ, подписанный его собственной рукой...

К слову сказать, министерство просвещения — одно из важнейших в Индии. Борьба с неграмотностью, доставшейся в наследство от англичан, вернее, борьба за всеобщую грамотность и не просто грамотность, а всеобщее образование — вот в чем главная задача этого учреждения.

520 миллионов — таково приблизительно на сегодня население Индии. Его надо прокормить, а оно каждый месяц увеличивается чуть ли не на миллион.

По всем городам страны развешен один и тот же плакат: две большие счастливые рожицы — папа и мама, и две счастливые рожицы поменьше — сын и дочурка. Это призыв иметь двоих детей, и не более того. Но в Бомбее, на Марин-Драйв, рядом с этим плакатом висел самодельный: «Большому народу большие семьи!» Автор самодельного плаката — крайне реакционная партия «Джан Сангх».

А пока что у отеля «Песок и солнце» (десять минут езды от аэропорта Санта-Круз, сто номеров с индивидуальным температурным режимом, плавательный бассейн с нежно-голубой водой, вид на Аравийское море и т. д. и т. п.), пока что на парапете набережной строгая надпись: «Не подавайте нищим детям». Там, я помню, плясала шестилетняя девочка с измученным взрослым лицом, долго плясала, потому что монетки достаются нелегко... Что же сделать, чтоб эта девочка снова стала ребенком, пошла в школу, неся в портфеле учебники, тетрадки и, конечно же, завтрак, чтобы не забывала девочка — есть на свете игрушки...

И тут же сразу вспоминается — в Бомбее поздно вечером мать укладывала ребенка спать на газоне. Она постелила циновку, прикрыла одеяльцем, потом налила в блюдечко молоко и покормила котенка. Отец уже лежал, закинув руки за голову, думал, быть может, о том же, о чем я сейчас пишу... Я остановился, поглядел, больно хорош был ребенок. Женщина перехватила мой взгляд и улыбнулась. Улыбнулась с достоинством. Каждой матери приятно, когда обращают внимание на ее детей. У этой женщины дела не так уж скверны — у нее семья, муж, ребенок, даже котенка завели. Только вот дома нет, его заменяет газон. Но рядом, в нескольких шагах, уже строится дом. Правда, я не убежден, что эта женщина получит в нем квартиру...

Впрочем, приходит на память и другое. В Керале, например, всюду, в каждой деревне — синие стайки школьников. Помню, солнце палило вовсю, а они сидели на воздухе, человек тридцать, и писали под диктовку учителя — подумаешь, декабрьское солнце!

В Мадрасе, в районе Майлапор, я заметил мальчишку лет двенадцати. Он сидел возле школы, кинув на землю папку с книжками, и что-то строил из прутиков и палочек. Двое других внимательно наблюдали за его работой. Занятия в школе кончились, дома наверняка заждались всех троих, но и через час мальчишка все еще строил из прутиков, а двое других смотрели. Я попытался вступить в разговор, извинился, что беспокою и отрываю.

— У нас тут сложная идея, — ответил строитель, — вы простите.

Он, видимо, хотел добавить: чего вам объяснять, когда вы все равно не поймете.

— Ты кем собираешься стать?

— Изобретателем.

Да, конечно, есть Старый Дели и девочка, которая пляшет у дорогого отеля, но есть школьники Кералы, есть новые дома — их тысячи, новых домов, и заводов, и фабрик.

Последний вечер в Индии мы провели с Саджад Захиром, поэтом и прозаиком, большим другом нашей страны. Он рассказывал нам о политической жизни Индии, говорил о необходимости сплочения всех демократических сил. От этого зависит, какой будет Индия!

Младшая дочь Саджад Захира, в семье ее называют Малышка, ходит по-нашему в третий класс. Это серьезная девочка с огромными черными глазами, как на портретах Пикассо. Взрослые всегда задают детям стандартные вопросы. Дети к этому привыкли, и у них хватает выдержки отвечать.

— Как ты учишься? Кем хочешь быть?

Выяснилось, что учится она хорошо и собирается стать математиком. Вопрос решенный и обсуждению не подлежит. Я сказал, что у нас есть город Новосибирск, в нем известный математический центр, может быть, стоит после школы поехать туда поработать? Девочка принесла атлас и разыскала на карте Новосибирск.

— Что ж, — вслух рассуждала она, — может быть, это хорошая мысль. Пожалуй, я подумаю...

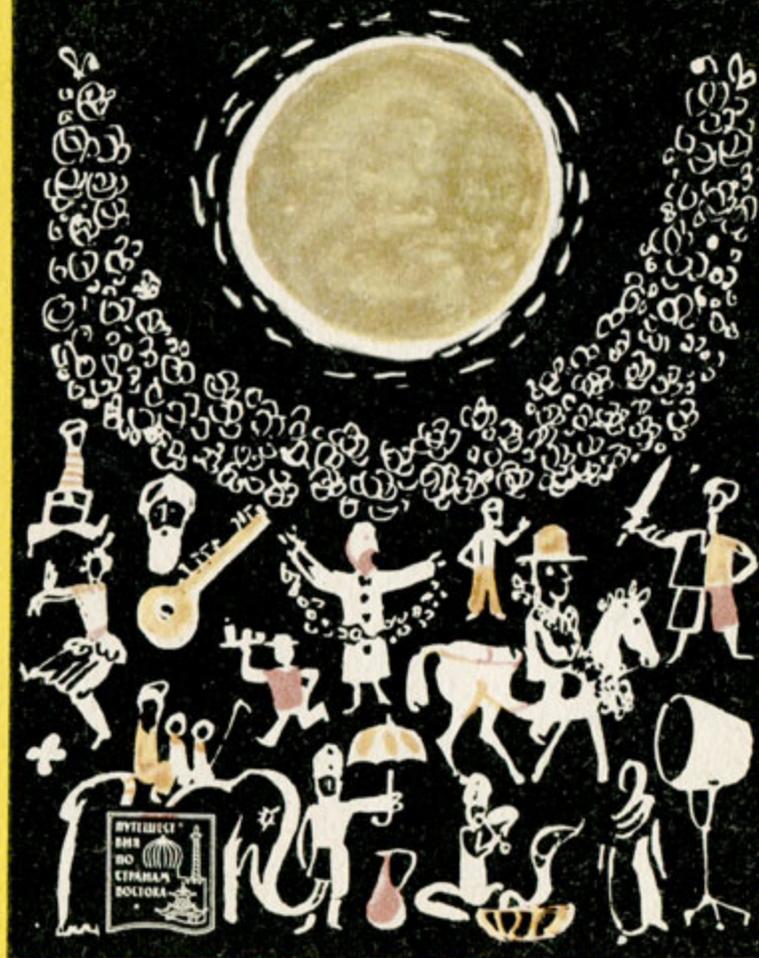
Будущее Индии — за этой вдумчивой девочкой, за мальчиком-изобретателем из Мадраса, за школьниками Кералы, за тем самым Чандрой, который оказался в нашем купе по дороге из Мадраса в Кочин и который чувствовал себя хозяином! Именно поэтому последняя глава не имеет конца. Продолжение следует. Его напишут те, кто посетит Индию несколько лет спустя. Я завидую им. Индия поразительная страна, она обладает магическим свойством: каждый, кто видел ее, скучает по ней и мечтает побывать там еще раз.

— Индии — тысяча лет. Свободной Индии — всего двадцать. Эта древняя страна переживает свою юность, она бурлит, развивается и, как положено юности, полна чудес.

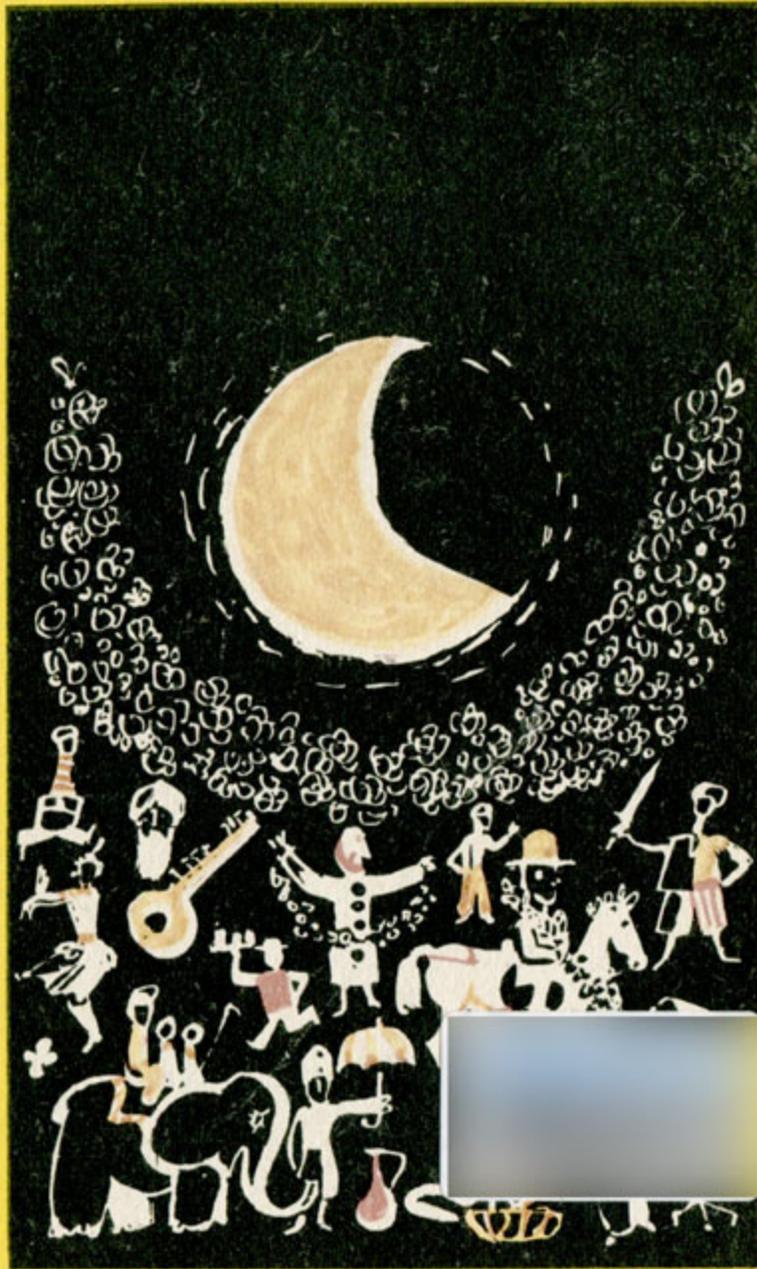

Э. БРАГИНСКИЙ

**СОЛНЦЕ
В
ДЕКАБРЕ**

44 коп.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Э. БРАГИНСКИЙ

СОЛНЦЕ В ДЕКАБРЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1969

Брагинский Э.

Б87 Солнце в декабре. М., Главная редакция
восточной литературы издательства «Наука», 1969.

176 с. с илл. («Путешествия по странам Востока»).

В этой книге писатель Э. Брагинский, автор многих комедийных повестей и сценариев («Берегись автомобиля», «Зигзаг удачи» и др.), передает свои впечатления от поездки по Индии. В живой, доступной

форме он рассказывает о различных сторонах ее жизни, культуре, быте.

2-8-1
96-69

91 (И5)

Эмиль Брагинский
СОЛНЦЕ В ДЕКАБРЕ

Утверждено к печати Секцией восточной литературы РИСО Академии наук СССР

*

Редактор *Л. Ш. Фридман*
Художник *Ю. Красный*
Технический редактор *Л. Михлина*
Художественный редактор *И. Бескин*
Корректор *Л. Л. Родичев*

*

Сдано в набор 1/IV 1969 г. Подписано к печати 25/IX 1969 г. А-02436. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л, 5,5. Усл. печ. л. 9,24. Уч. — изд. л, 8,69. Тираж 80 000 экз. Изд. № 2319. Зак. № 2305. Цена 44 коп.

*

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва, Центр, Армянский пер., 2

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

notes

Примечания

1

Совсем недавно я прочел в газетах, что и его снесли.

Уже в Москве я прочитал в журнале «За рубежом», что во время охоты удалось поймать только 47 слонов, и порадовался за тех трех, которые остались на свободе.

З

Перевод И. Горской.